

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 4, 2019

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РАН

- Анфиногентова А.А., академик РАН, Ермолова О.В., д.э.н., Семенов С.Н., д.э.н., ИАгП РАН*
NINTHY YEARS IN THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC RESEARCH - 6-
OF THE INSTITUTE OF AGRARIAN PROBLEMS OF THE RAS
*Anfinogentova A.A., academician of RAS, Ermolova O.V., doctor of economic sciences,
Semenov S.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭКСПОРТА РОССИИ

- Яковенко Н.А., д.э.н., ИАгП РАН*
STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURE FOOD EXPORT OF -13-
RUSSIA
Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

- Воротников И.Л., д.э.н., Сидельникова М.В., к.э.н.,
ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова*
ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC FEATURES OF PRODUCTION ORGANIC FOOD -20-
*Vorotnikov I.L., doctor of economic sciences, Sidelnikova M.V., candidate of economic
sciences, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

- Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАгП РАН*
SOCIO-ECONOMIC MECHANISM OF THE ECONOMIC FOOD ACCESSIBILITY: -26-
DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT
Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

РЕЗЕРВЫ РОСТА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ КОМПАНИИ

- Письменная А.Б., д.э.н., Российский Университет Транспорта (МИИТ)*
RESERVES OF ORGANIZATIONAL EFFICIENCY GROWTH IN TRANSPORT -33-
COMPANIES
Pismennaya A.B., doctor of economic sciences, Russian university of transport

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

- Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН*
ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS OF INTEGRATION PROCESSES -36-
IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ ОВОЩЕВОДСТВА

- Холодова М.А., к.э.н., ВНИИЭиН - филиал ФГБНУ ФРАНЦ*
FEATURES OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY IMPLEMENTATION IN THE -45-
RUSSIAN VEGETABLE INDUSTRY
*Kholodova M.A., candidate of economic sciences, All-Russian research Institute of
Economics and standards – branch of FEDERAL state budgetary FRANZ*

АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАЭП РАН

ANALYSIS OF THE METHODOLOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL CONSUMER COOPERATION

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-51-

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ПЕРЕХОД К КОМПЕНСАЦИОННОЙ И ЛЬГОТНОЙ ФОРМАМ ПОДДЕРЖКИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАЭП РАН

IMPROVEMENT OF LAND USE PROCESS MANAGEMENT AND TRANSITION TO COMPENSATIVE AND PREFERRED SUPPORT FORMS

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-60-

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНОВОЙ ДИНАМИКИ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАЭП РАН

FEATURES OF PRICE DYNAMICS IN AGRICULTURAL-FOOD COMPLEX

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-67-

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ АГРОСТРАХОВАНИЯ

Кадомцева М.Е., к.э.н., Коростелев В.Г., к.э.н., ИАЭП РАН

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF AGRICULTURAL INSURANCE

Kadomtseva M.E., candidate of economic sciences,

Korostelev V.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-72-

ОПТИМИЗАЦИЯ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕЖЕК ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ СТРУКТУР В АПК

Рябчикова Н.Н., к.э.н., ИАЭП РАН

OPTIMIZATION OF TRANSACTION COSTS BY FORMING CLUSTER STRUCTURES IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Ryabchikova N.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-79-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

ОБОСНОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ СОЧЕТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Андрющенко С.А., д.э.н., ИАЭП РАН

SUBSTANTIATION OF MECHANISMS FOR MANAGEMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF PRODUCTION POTENTIAL OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX BASED ON THE COMBINATION OF NATIONAL AND REGIONAL PRIORITIES

Andryuschenko S.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-87-

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО И НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Воротников И.Л., д.э.н., ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES AND SCIENTIFIC SUPPORT OF AGRARIAN PRODUCTION IN THE SARATOV REGION

Vorotnikov I.L., doctor of economic sciences, Saratov state agrarian university named after N.I. Vavilov

-95-

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ РАЗВИТИЯ**

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАгП РАН

-99-

REGULARITIES AND TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE STRUCTURE
OF ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA'S AGRICULTURE UNDER CONDITIONS
OF INTER-REGIONAL DIFFERENCES OF DEVELOPMENT

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ РФ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ**

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАгП РАН

-109-

IMPROVEMENT OF MECHANISMS OF GOVERNMENT SUPPORT OF FOOD INDUSTRY
ENTERPRISES OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ORDER TO
INCREASE THE COMPETITIVENESS OF PRODUCTS

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ
ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Блинова Т.В., д.э.н., Былина С.Г., к.э.н., ИАгП РАН

-119-

CORRELATION ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING THE LIFE DURATION
OF RURAL POPULATION

Blinova T.V., doctor of economic sciences,

Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

РЫНОК ТРУДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СЕЛЬСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА

*Кривицкая Н.А., к.социол.н., Министерство занятости, труда и миграции
Саратовской области*

-126-

LABOR MARKET OF THE SARATOV REGION AND RURAL UNEMPLOYMENT

Krivitskaya N.A., candidate of sociological sciences, Ministry of Labor,

Employment and Migration of the Saratov region

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**ФОРМИРОВАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИО-ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Семёнов С.Н., д.э.н., Алиева Д.М., лаборант-исследователь, ИАгП РАН

-132-

FORMATION AND MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE
REGIONAL POLICY OF SOCIO-NATURAL-ECONOMIC SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURE AND RURAL TERRITORIES

Semenov S.N., doctor of economic sciences, Alieva D.M., research assistant, IAgP RAS

**ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО УКЛАДА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Великий П.П., д.филос.н., Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАгП РАН

-140-

FEATURES OF AGRICULTURE IN THE BELGOROD REGION: ECONOMIC AND
SOCIAL RESULTS

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences,

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ
СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАгП РАН

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC TOOLS, ENSURING A REDUCTION
IN SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES IN RURAL TERRITORIES

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-146-

**СЕМЕЙНЫЕ ПОДВОРЬЯ: АРЕНА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И
РЕПРОДУКЦИОННЫЙ РЕСУРС СЕЛА**

Великий П.П., д.филос.н., ИАгП РАН, Одоевский И.И., студент, НИУ ВШЭ

FAMILY FARMSTEADS: AREA OF ECONOMIC ACTIVITY AND REPRODUCTION
RESOURCE OF THE VILLAGE

*Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS, Odoevskiy I.I., student,
National Research University Higher School of Economics*

-153-

УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Шабанов В.Л., д.соцол.н., ИАгП РАН

CONDITIONS FOR REDUCING MONETARY POVERTY OF RURAL
POPULATION IN RUSSIA

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

-158-

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В
СТРАНАХ ЕС И США: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ**

Маркина Е.Д., с.н.с., ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ, Маркин Л.С., к.с.-х.н.,

ФГБНУ «Ростовский государственный экономический университет»

STATE RURAL DEVELOPMENT POLICY IN THE EU COUNTRIES AND THE USA:
EXPERIENCE FOR RUSSIA

*Markin, L. S., candidate of agricultural sciences, Federal State Budgetary Scientific
Institution "Rostov State Economic University", Markina E. D., senior researcher,
VNIIAEN – branch of FEDERAL state budgetary FRANZ*

-165-

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА В СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ**

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАгП РАН

STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE
PARTNERSHIP IN RURAL MUNICIPALITIES

Ilyinskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-172-

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РАН

Анфиногентова А.А., академик РАН, Ермолова О.В., д.э.н.,
Семенов С.Н., д.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена критической оценке научных результатов, полученных в Институте аграрных проблем Российской академии наук в сложные для фундаментальной науки годы. Подчеркнут междисциплинарный подход к исследованию агропродовольственного комплекса России, раскрыто содержание ключевых социально-экономических проблем, исследование которых привело к появлению нового научного направления — межотраслевой аграрной экономики и обоснованию теоретико-методологических проблем применения метода «затраты–выпуск» для эффективного управления агропродовольственным комплексом. Приведены результаты углубленного исследования социальных проблем сельских территорий. Дана характеристика становлению международных творческих связей коллектива.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, метод «затраты–выпуск», продовольственная безопасность, мониторинг аграрной реформы, социальная устойчивость села

NINTHY YEARS IN THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC RESEARCH OF THE INSTITUTE OF AGRARIAN PROBLEMS OF THE RAS

Anfinogentova A.A., academician of RAS, Ermolova O.V., doctor of economic sciences,
Semenov S.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to a critical assessment of the scientific results obtained at the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in the years difficult for fundamental science. The interdisciplinary approach to the study of the agro-food complex of Russia is emphasized, the content of key socio-economic problems is disclosed, the study of which led to a new scientific direction - interdisciplinary agrarian economics and the substantiation of theoretical and methodological problems of the application of the “input-output” method for the efficient management of agro-food complex. The results of an in-depth study of the social problems of rural areas are presented. Formation of international creative relations of the collective is characterized.

Keywords: agro-food complex, “input-output” method, food security, monitoring of agrarian reform, rural social stability.

Агропродовольственный комплекс в девяностые годы переживал фазу острого кризиса. Бессистемный переход к рыночным отношениям, огромный диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и потребляемые им средства производства, удорожание кредитных ресурсов, резкое сокращение государственной поддержки усугубили положение всех отраслей комплекса. Производство продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (в сопоставимых ценах) сократилось в первые пять лет реформ (с 1991 по 1996 годы) на 34,4 процента. Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий сократились за этот период более чем на 30 млн га (с 117,7 млн га в 1990 году до 84,7 млн га в 2000 году) или на 30 процентов. Производство скота и птицы на убой в хозяйствах всех категорий уменьшилось в 2000 году по отношению к 1990 году более чем в два раза, молока — на 42 процента. Сократился парк основных видов сельскохозяйственных машин. Объем капитальных вложений в агропромышленный комплекс (в сопоставимых ценах) уменьшился в 20 раз, масштабы мелиоративных работ — в 30 раз. Наличие тракторов в 2000 году составило 54,7 процента от уровня 1990 года, а зерноуборочных комбайнов — лишь 48,7 процента [5, 13]. Неблагоприятной была динамика соотношения внутреннего производства и потребления. Дисбалансы выравнивались за счет наращивания потребительского импорта. Высокая

зависимость от импорта ставила отечественных товаропроизводителей в невыгодные экономические условия.

Продовольственный рынок России находился на стадии формирования и не соответствовал критериям развитого полноценного рынка. Он не выполнял свойственные развитому рынку регулируемую, информационную, ценообразующую, посредническую, saniрующую и другие функции. Такие явления хозяйственной жизни предприятий как бартер, неучтенный оборот, неплатежи были слагаемыми механизма адаптации предприятий к условиям риска и неопределенности внешней среды. Макроэкономическая нестабильность сводила на нет стратегические цели и задачи и подчиняла всю деятельность субъектов рынка только к проблеме выживания. В переходный период на первый план выдвигались задачи коррекции рынка, преодоления деформаций, трансформации в цивилизованный высокоэффективный рынок. В истории Института аграрных проблем Российской академии наук (ИАГП РАН) это был период исследования первых результатов реформирования агропродовольственного комплекса и проблем стабилизации продовольственного рынка России.

Профессиональный междисциплинарный научный коллектив Института в своих исследованиях всегда пытался подняться до уровня разработки теории и методологии, исследовал агропродовольственный комплекс всесторонне, во всех его производственных, экономических и социальных связях специалистами разных областей знаний — конкретной экономики, социологии, философии, экологии, математики [14]. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в этом период были основными в научных исследованиях Института [10, 11]. В ходе исследования была обоснована концепция продовольственной безопасности России, критерии и методы ее обеспечения, проведена оценка перспектив действовавшей в те годы модели продовольственного обеспечения страны, потребительских и производственных аспектов экологической безопасности, продовольственной уязвимости отдельных регионов. Одним из важнейших результатов работы коллектива Института было выявление регионов с критическим уровнем продовольственного обеспечения. Наиболее остро в девяностые годы стояла проблема неравенства в потреблении продовольствия, поэтому изучение проблемы потребления продуктов питания проводилось по разным доходным группам. Был реализован новый подход к изучению региональных проблем потребления продовольствия на основе синтетического показателя сбалансированности пищевого рациона.

В Институте была начата разработка концепции межотраслевого управления агропродовольственным комплексом, предполагающая сочетание нового качества централизма с развитием рыночных отношений. Суть ее состоит в усилении стратегического характера управления, в расширении самостоятельности первичных звеньев комплекса, в эффективном взаимодействии центра и региональных звеньев комплекса для обеспечения устойчивого роста системы показателей конечной продукции. Учеными Института были определены сущность и социально-экономическое содержание этих показателей на разных стадиях воспроизводственного процесса и уровнях управления. Важное непреходящее значение для повышения эффективности управления комплексом имеют методические рекомендации по определению конечных результатов регионального АПК и экспериментальные расчеты различных их вариантов (произведенной и использованной конечной продукции, валовой добавленной стоимости). На этой основе были предложены новые принципы финансирования агропродовольственного комплекса, основанные на переходе от кредитования промежуточных стадий производства продовольствия к финансированию продовольственных цепочек, обеспечивающих высокий конечный результат.

Для обоснования сценариев развития агропродовольственного комплекса как многоотраслевой системы, прогнозирования сбалансированного развития экономических и социальных параметров продовольственного рынка, выявления конкурентных преимуществ и приоритетов развития региональных агросистем учеными Института была разработана иерархическая система комбинированных межотраслевых балансов и их модификаций, апробированная при разработке альтернативных сценариев развития агропродовольственного ком-

плекса России [9]. В исследованиях Института была обоснована необходимость использования моделей итеративного согласования общественных потребностей в продовольствии с возможностями производителей на основе метода симметричных таблиц «затраты–выпуск», которые позволяют гибко реагировать на параметры развития федерального и региональных рынков. Существенным прикладным результатом исследований была разработка принципов распределения интеграционного эффекта в финансово-промышленных формированиях на основе межотраслевых моделей с использованием системы показателей конечного продукта.

В девяностые годы было положено начало изучению теоретических основ продовольственной безопасности России в системе мирохозяйственных связей, разработке концептуальных подходов к интеграции России в мировой продовольственный рынок, регулированию внешнеторговой деятельности в новых рыночных условиях, где важно обеспечение оптимального соотношения протекционизма и открытости продовольственного рынка. Особенность исследований Института заключалась в обосновании механизма согласования интересов всех субъектов продовольственного рынка: потребителей, государства, товаропроизводителей. Исследование проблемы участия российского агропродовольственного комплекса в глобальных цепочках создания стоимости и межстрановых продуктовых сетях явилось логическим продолжением этой работы.

В экономической науке к этому времени сформировались теоретико-методологические подходы к изучению отраслевых рыночных структур и взаимодействия фирм. На их основе в Институте были разработаны предложения по обоснованию взаимосвязей структур продовольственного и земельного рынков и основных инструментов их регулирования, что углубило изучение не только экономического поведения отдельных товаропроизводителей, но и их взаимоотношений и взаимосвязей. В основу анализа структуры продовольственного рынка был положен учет особенностей различных товарных рынков: отраслевая или корпоративная структура, растущая или депрессивная конъюнктура, степень территориальной специализации, глубина переработки сырья, интенсивность и характер межрегиональных связей.

Большое значение имел комплексный анализ развития аграрной реформы в России с применением индикаторов, определяющих процессы приватизации, реструктуризации предприятий, либерализации цен и становления финансово-кредитной системы России, который проводился по методике Европейского банка реконструкции и развития. Одним из новых направлений исследований являлось обоснование экономического механизма повышения конкурентоспособности продукции агропродовольственного комплекса. На основе анализа конъюнктуры продовольственного рынка ученые Института обосновали конкурентные стратегии отечественных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, их адаптацию к меняющимся рыночным условиям. Перспективное научное и практическое значение до сих пор имеет определение возможностей импортозамещения после финансового кризиса 1998 года и прогноз ценовой конкурентоспособности отечественной продукции в зависимости от темпов инфляции и перспектив изменения соотношения курсов национальных валют. Особенностью этих исследований является то, что предложения по совершенствованию экспортно-импортного регулирования конкурентоспособности продукции были разработаны применительно к отдельным товарным рынкам.

Важное направление повышения конкурентоспособности продукции агропромышленного комплекса — совершенствование экономического управления качеством. Нашими учеными разработана концепция интегративного развития качества продукции агропродовольственного комплекса как воспроизводственной системы, раскрыта роль качества промежуточной и конечной продукции. Было доказано, что интегративный подход к экономическому управлению качеством в агросистемах является наиболее зрелой формой управления совокупной системой технологически взаимосвязанных отраслей и видов специализированной деятельности.

Исследования ученых Института показали, что имеются существенные различия в механизме реализации аграрной реформы в различных регионах страны. Уникальность России

заключается в существенном различии уровня развития продовольственных рынков по регионам. С учетом индикаторов, характеризующих уровень развития агропродовольственного комплекса, была предложена типология региональных агросистем. На основе предложенной системы критериев, оценки уровня и динамики их развития выделены типы продовольственных рынков, имеющие свою специфику оборота материальных, трудовых и финансовых ресурсов, моделей потребления, межрегиональных связей. Эти рынки представляют разный тип регионов, находятся на разных этапах развития рыночных отношений, сильно различаются системой формирования продовольственных фондов. С учетом этих особенностей разрабатывался и организационно-экономический механизм их регулирования [1, 2, 7].

Центральное место в исследованиях Института занимали проблемы развития отношений собственности и форм ее реализации. Были уточнены свойственные исследуемому этапу развития агропродовольственного комплекса хозяйственные функции государства, даны предложения по совершенствованию управления государственной собственностью в различных секторах комплекса, разработаны рекомендации по определению функций государства как собственника, управляющего своим имуществом, и функции управления общественным производством и обращением. Учеными Института были предложены перспективные нетрадиционные формы аренды земли, которые давали бы возможность свободного межотраслевого и внутриотраслевого перелива капитала, общественного движения земли между гражданами, доступа к земле на экономических условиях для каждого отдельного заинтересованного гражданина. Были обоснованы такие формы, как сдача в аренду с государственным контролем за эффективностью использования арендных земель; сдача в аренду через аукцион; сдача в аренду с введением особого института ежегодной плазы за землю в сфере налога; субаренда с введением налога на спекулятивную субаренду и спекулятивную куплю-продажу. Предложенные формы аренды могут быть действенным механизмом организации рынка земли, перелива капитала в аграрной сфере. Итоги сравнительного анализа экономико-правовых аспектов земельных и имущественных отношений в сельскохозяйственных предприятиях различного типа, анализа институциональных ограничений прав и интересов мелких земельных собственников имели значение для развития нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективное использование земельных угодий.

Большая работа была проведена учеными ИАГП РАН совместно с учеными Поволжского института экономики и организации агропромышленного комплекса по программе мониторинга тенденций в развитии аграрной реформы в России и регионах. Результатом явилась разработка стратегии и тактики ее проведения, выявление региональных условий и тенденций развития комплекса, изменения конъюнктуры продовольственного рынка. Новизна исследования связана обусловлена использованием теоретических моделей экономического поведения регионов и разработкой механизмов согласования экономических интересов разных уровней: центр – регионы, регион – регион. Задачей мониторинга являлось установление наблюдений на всех уровнях управления — не только на федеральном и областном, но и на уровне административных районов и предприятий комплекса. В анкетах выделялись вопросы по организации хозяйства, землепользования, производства и реализации продукции, труда и оплаты, обеспеченности ресурсами, финансового состояния, социального обслуживания и др.

В целях регулирования земельных отношений были разработаны методические положения оценки земли в зависимости от качества почв и местоположения по системе внутриобластных шкал нормативно-расчетных показателей, а также принципы определения цены земли в условиях становления земельного рынка России. Своевременным для практики было обоснование принципов определения земельного налога на рентной основе и организационных форм рынка земли сельскохозяйственного назначения для обслуживания операций по земельно-рентному обороту.

Одним из ключевых направлений в работе Института было исследование проблем организации социальных процессов в трансформирующихся региональных агросистемах России, выявление особенностей формирования аграрного рынка труда, анализ наиболее важ-

ных гендерных факторов в формировании этого рынка. Были определены социально-культурные факторы формирования крестьянской кооперации на современном этапе преобразований на селе, а также этнический фактор социальной дифференциации сельского населения. По индикаторам рынка труда была разработана типология региональных агросистем. Важнейший результат — подготовка вариантных прогнозов оценки изменения численности и структуры сельского населения (в том числе населения в трудоспособном возрасте) на 2000, 2005, 2010, 2015 годы.

Разработка концепции развития ведущих элементов сельской социальной инфраструктуры (образования и здравоохранения), обеспечивающих полноценное воспроизводство социального потенциала в современном селе, составляла ядро социальных исследований. Разработка критериев и показателей уровня сформированности социальной инфраструктуры была предпринята учеными с первых лет существования Института. Определение основных направлений и возможностей выхода из кризиса отраслей социальной инфраструктуры — основной результат исследований этого периода.

Учеными Института проведено социологическое исследование ценностных ориентаций сельского населения. В отличие от зарубежных исследований, ориентированных в первую очередь на социально-психологические проблемы потребительского рынка, в опросах и социологическом инструментарии акцент был сделан преимущественно на сугубо социальные аспекты формирования и развития ценностных ориентаций сельского населения в период перехода к рынку. Объектом исследований являлась также сельская семья, ее потребности, интересы, психологические аспекты социальной адаптации [3, 4, 12].

В работах наших исследователей этого периода было показано, что факторы и механизмы возрождения крестьянства «работают» по-разному. Для изучения этих процессов сотрудниками Института был проведен мониторинг хода аграрной реформы ряда регионов России методом «включенного наблюдения». Эта работа осуществлялась совместно с Интерцентром. С 1990 года наши ученые участвовали в российско-британском проекте изучения эволюции российской крестьянства «Социально-экономическая история российского крестьянства» под руководством директора департамента социологии Манчестерского университета профессора Теодора Шанина. В 1995 году осуществлялась разработка проекта «Настоящее российского села в условиях реформ и изменений» [8].

Методом включенного наблюдения проведен ретроспективный анализ духовных, экономических, бытовых и других характеристик реформирования села. На основании конкретных исследований были выделены четыре типологических группы крестьянства, сформировавшиеся в период социалистической истории России: общинно-коллективистский, предпринимательский, мастеровой и люмпенизированный. Было осуществлено изучение общественного мнения различных категорий сельского населения в условиях перехода к рыночной экономике.

Для прогнозирования социальной устойчивости современного села были получены новые данные о видах и объемах ресурсов «сетей межсемейного обмена» в стратегиях «выживания» сельского населения. Это исследование отличается оригинальной методикой сбора первичной информации, основанной на триангуляции количественных и качественных методов исследования, что позволило впервые получить трехмерное изображение «сети социальной поддержки» в экономическом, социологическом и психологическом измерениях [6].

В Институте велась большая работа по формированию единого банка данных регионального агропродовольственного комплекса, моделированию экономических и социальных процессов, прогнозированию экономических и социологических процессов в аграрной сфере. Были созданы оригинальные программы обработки социологической информации, выполнена экспериментальная проверка ряда прикладных программ, подготовлена новая версия банка данных, обеспечивающая оптимизацию процесса поиска показателей и включающая ряд новых функциональных возможностей.

В девяностые годы коллектив Института интенсивно развивал творческие связи с научными организациями России и зарубежными коллективами исследователей. Знаменательным

событием в научной жизни коллектива было проведение международной конференции «Аграрная реформа в СССР», организованной Ассоциацией ученых-аграрников мира. В работе конференции приняли участие исследователи из США, Великобритании, Канады, Японии, Нидерландов, Вьетнама и других стран. Председатель Ассоциации академик А.А. Никонов выступил с докладом «Основные задачи Ассоциации в условиях проведения аграрной реформы». Коллектив Института представил на конференции доклад «Региональные проблемы аграрной реформы в СССР». В докладе было дано обоснование важнейших теоретических проблем развития агропродовольственного комплекса в условиях активизации рыночных отношений, подчеркнута необходимость разработки теории стратегического планирования агропродовольственного комплекса, ценообразования и механизма регулирования системы цен, методологии моделирования межотраслевых взаимодействий, интеграции качества продукции, социальных факторов воспроизводства сельского населения и проблем сельской занятости. В октябре 1991 года в Институте была проведена Всесоюзная конференция «Проблемы социально-экономического развития экономики в условиях рынка». Соорганизаторами конференции были Вольное экономическое общество, Научный Совет АН СССР по региональной экономике, Научный совет по проблемам совершенствования планирования и управления народным хозяйством, Центральный экономико-математический институт. В работе конференции приняли участие ученые-экономисты из Нидерландов в составе докторов Я. Поста, Я. Блома (Институт экономики сельскохозяйственных исследований, Гаага), Д. Стрийкера (факультет экономики университета), Ш. Коба (сельскохозяйственный кооператив, Гронинген). Это был ответный визит на посещение Голландии учеными Института в предыдущем году. В ходе визита состоялся обмен опытом научных исследований и обсуждение возможностей организации совместных научно-исследовательских проектов по актуальным проблемам агропродовольственного комплекса, становления зернового рынка и формирования зерновой биржи.

В этот период большой интерес к исследованиям коллектива проявили ученые из Китайской народной республики. Институт дважды принимал делегации Китайской Ассоциации за международное взаимопонимание с целью ознакомления с разработками Института в сфере модернизации агропромышленного производства и решения социальных проблем села в регионе. В ходе визита китайские делегации встретились с учеными региона и предприятиями агропродовольственного комплекса Саратовской области.

Научные исследования Института в девяностые годы восполнили дефицит знаний о реальных социально-экономических процессах, происходящих в агропродовольственном комплексе, и во многом явились научной базой дальнейших научных исследований проблем обеспечения продовольственной безопасности, межотраслевого управления комплексом как многоуровневой социо-эколого-экономической системой.

Список литературы:

1. Анфиногентова А.А. Региональные проблемы аграрной реформы в СССР / Международный сельскохозяйственный журнал. — 1992. — № 1.
2. Анфиногентова А.А. Экономические проблемы регулирования региональных агро-систем / Общество и экономика. — 1993. — № 1. — С. 75–85.
3. Великий П.П. Сельская действительность (социологический ракурс) // Социс. — 1996. — № 10. — С. 35–43.
4. Великий П.П. Экономика и нравственность: Монография. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1992. — 119 с.
5. Исторические динамические ряды / Росстат. — URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/histor-rus18.rar> (дата обращения 01.09.2019).
6. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. — М.: Логос, 1999. — 384 с.
7. Концепция регулирования социально-экономического развития АПК регионов Ассоциации «Большая Волга». — Саратов: ИСЭП АПК РАН, 1996.

8. Международный коллективный проект «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» при поддержке INTAS, № 97-21457, руководители — Т. Шанин, В. Радаев.
9. Межотраслевые взаимодействия в региональных агросистемах: макроэкономический анализ и прогноз. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1996.
10. О продовольственной безопасности России: Научный доклад науч. рук. авторского коллектива А.А. Анфиногентова. — Саратов, 1997.
11. Региональные проблемы аграрной реформы в России: Монография / ИАП РАН; А.А. Анфиногентова, О.В. Ермолова, Н.А. Киреева и др. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. — 294 с.
12. Самсонов В.Б. Организация сельского быта в СССР: историко-социологический аспект / Под ред. П.П. Великого. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 132 с.
13. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2017 гг. / Росстат. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/pril_year18-rus.xls (дата обращения 01.09.2019).
14. Социально-экономические проблемы регионального АПК. — М.: Наука, 1985 — 255 с.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭКСПОРТА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрены основные приоритеты развития агропродовольственного экспорта России. Проанализированы динамика и структура экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Дана оценка дифференциации агропродовольственного экспорта. Рассмотрены основные инструменты и меры государственной поддержки экспорта агропродовольственной продукции в России. Актуальной является проблема разработки стратегии внешнеэкономической деятельности национального агропродовольственного комплекса. Регулирование экспорта продовольствия и сельскохозяйственной продукции должно быть направлено на рост конкурентоспособности национального агропродовольственного комплекса. Делается вывод о необходимости реализации межотраслевого подхода при формировании эффективной системы государственного регулирования агропродовольственного экспорта. Это позволит увеличить объемы экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, интегрироваться в систему международного разделения труда.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, экспорт, стратегия, государственное регулирование, диверсификация

STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURE FOOD EXPORT OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article considers the main priorities for the development of agro-food exports of Russia. The dynamics and structure of the export of food products and agricultural raw materials are analyzed. The differentiation of agro-food exports is estimated. The main tools and measures of state support for the export of agro-food products in Russia are considered. The problem of developing a strategy of the foreign economic activity of the national agro-food complex is very actual. Regulation of export of food and agricultural products should be aimed at increasing the competitiveness of the national agro-food complex. The conclusion is drawn about the need to implement an intersectoral approach in the formation of an effective system of state regulation of agricultural food exports. It will increase the export of high value-added products and integrate into the international division of labor.

Keywords: agro-food complex, export, strategy, state regulation, diversification

Введение.

Формирование экспортного потенциала является одной из важнейших задач роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России в современных условиях. При оценке, прогнозировании и реализации экспортного потенциала агропродовольственного комплекса необходимо учитывать особенности объекта исследования. Агропродовольственный комплекс представляет собой сложную социо-эколого-экономическую систему, от функционирования которой зависит продовольственная безопасность страны, социальная стабильность общества, устойчивое развитие сельских территорий. Это формирует ряд ограничений для реализации экспортного потенциала на мировом продовольственном рынке. Во-первых, многообразие и разнообразие выпускаемой продукции, ее качественных характеристик, технологий производства, что предполагает высокую дифференциацию рынков, их характеристик и конъюнктуры. Во-вторых, развитие агропродовольственного комплекса тесно взаимосвязано с безопасностью страны, прежде всего, продовольственной. Поэтому экспорт продовольствия и сельскохозяйственной продукции необходимо увязывать с насыщением внутреннего рынка, ростом уровня жизни населения. В-третьих, избыточный прирост объе-

мов производства аграрной продукции может привести к сокращению внутреннего спроса на продовольствие и, как следствие, к существенному ухудшению финансовой ситуации в отрасли [1, с. 49]. В-четвертых, в настоящее время наблюдается высокая волатильность, нестабильность и непредсказуемость мировых продовольственных рынков как результат усиления конкуренции. Особенности функционирования агропродовольственного комплекса, меняющиеся условия производства и реализации сельскохозяйственной продукции и продовольствия требуют корректировки направлений государственного регулирования не только внутреннего агропродовольственного рынка, но и внешнеторговой политики. «Меры торговой политики, которыми регулируется экспорт аграрной продукции, нацелены, с одной стороны, на создание максимально возможных в рамках международных «правил игры» преимуществ национальным производителям на внешних рынках, с другой – на обеспечение продовольственной безопасности страны. Таким образом, по воздействию на объем и по направлению экспорта определенных товаров они могут иметь как стимулирующий, так и сдерживающий характер» [2, с. 214].

Развитые страны (ЕС, США, Канада) активно используют меры государственной поддержки национальных товаропроизводителей агропродовольственной продукции на международных рынках [2, 3]. Это требует построения эффективной системы государственного регулирования агропродовольственного экспорта Российской Федерации, что позволит обеспечить экономический рост сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности, повысить роль России в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией и продовольствием.

Целью данного исследования является оценка системы государственной поддержки экспорта продовольствия и сельскохозяйственной продукции, выявление приоритетных точек роста агропродовольственного экспорта России для аккумулирования материально-технических, инвестиционных и инновационных ресурсов.

Результаты исследования.

Формирование новых основ международного разделения труда, новых правил функционирования мировой экономики предполагает разработку эффективных мер поддержки агропродовольственного комплекса России, российской экспортной стратегии, что позволит стране занять достойное место на мировом продовольственном рынке. Современные экономические вызовы должны стать возможностями роста и повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России.

Основные принципы внешнеэкономической деятельности в сфере агропромышленного производства были сформулированы еще в Федеральном законе от 14 июля 1997 г. "О государственном регулировании агропромышленного производства" (утратил силу) [4]. На его основе была создана правовая база формирования экономических механизмов государственного регулирования экспорта и импорта сельскохозяйственных продукции, сырья и продовольствия (ст. 17). В нем говорилось, что экспорт и импорт сельскохозяйственных продукции, сырья и продовольствия осуществляются с учетом необходимости защиты интересов отечественных товаропроизводителей в сфере агропромышленного производства и обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Закон предполагал принятие мер:

- протекционистского характера в случаях, когда насыщение рынка сельскохозяйственных продукции, сырья и продовольствия может обеспечиваться за счет отечественного производства, либо импорт приводит к ухудшению состояния его отраслей, снижению доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- стимулирования экспорта сельскохозяйственных продукции, сырья и продовольствия, если это не нарушает стабильности внутреннего рынка.

Развитие экспортного потенциала как одного из приоритетов аграрной политики России было сформулировано в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» [5], Доктрине продовольственной безопасности [6], Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года [7], Государственной программе развития

сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы [8]. Сформированная нормативно-правовая база была ориентирована, в основном, на регулирование внутреннего рынка продовольствия и сельскохозяйственной продукции, решение проблем продовольственной безопасности страны. Это позволило существенно повысить объемы производства сельскохозяйственной продукции, стабилизировать национальный продовольственный рынок. В 2014 году объемы производства сельскохозяйственной продукции выросли по отношению к 2000 году на 52,4 %, в том числе продукции растениеводства – на 63,5 %, животноводства – на 35,4 %. Объемы производства пищевой промышленности за тот же период выросли на 86,6 %. Однако в российском импорте сохранялась высокая доля продовольственной продукции. С 2000 по 2014 год импорт продовольственных товаров в Россию вырос в 5,5 раза, в том числе мяса – в 2,7 раза, рыбы – в 2,3 раза, молока – в 2,1 раза, макаронных изделий – в 2,3 раза. Доля импорта в товарных ресурсах отдельных продуктов питания не соответствовала пороговым значениям Доктрины продовольственной безопасности. Доля импорта в ресурсах мяса и мясопродуктов составляла 16,4% (пороговое значение - 15%), в ресурсах молока и молокопродуктов – 21,7% (пороговое значение – 10-15%). По отдельным продуктам питания доля импорта имела критические показатели. В 2014 году в товарных ресурсах говядины доля импорта составляла 56,9 %, свинины – 16,7 %, масла животного – 39,3 %, сыра – 44,7 %.

Увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, рост мировых цен на продовольствие позволили России увеличить свое присутствие на мировом продовольственном рынке. С 2000 по 2014 гг. агропродовольственный экспорт Российской Федерации вырос в 11,7 раза. В тоже время поддержка экспорта была незначительной. В структуре экспорта преобладали сырьевые товары с низкой добавленной стоимостью. В 2014 году основную долю российского агропродовольственного экспорта составляли злаки - 37,3% и рыба свежая и мороженая - 15,5%.

Фактором, сдерживающим развитие экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России, является отраслевая ориентация системы государственного регулирования. Актуальность разработки новых инструментов регулирования деятельности агропродовольственного комплекса, как целостной системы, отмечается многими российскими специалистами. «Несмотря на то, что вопрос о необходимости рассмотрения сельского хозяйства во взаимосвязи с отраслями, занимающимися закупкой, переработкой, транспортировкой продукции сельскохозяйственного производства, ее реализацией, производством и поставками сельскохозяйственной техники, агрохимикатов, обладает большой актуальностью, на законодательном уровне единство этих сфер пока еще не формализовано в общей дефиниции» [9, с. 103]. В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы отсутствуют меры по поддержке предприятий пищевой промышленности, что фактически закрепляет сложившееся отставание постсельскохозяйственных звеньев комплекса. Пищевая и перерабатывающая промышленность является одним из важнейших звеньев агропродовольственного комплекса России, обеспечивающих население страны различными продуктами питания в объемах и ассортименте, достаточных для формирования правильного и сбалансированного рациона питания на уровне рекомендуемых Минздравом России норм потребления. В настоящее время в стране функционируют предприятия и компании, успешно конкурирующие на внутреннем продовольственном рынке и готовые экспортировать свою продукцию. Финансовая поддержка пищевой промышленности и меры, направленные на создание благоприятных условий для российских производителей на мировом продовольственном рынке, позволят увеличить объемы экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, интегрироваться в систему международного разделения труда. Например, включение в государственную программу мер поддержки машиностроения для пищевой промышленности позволят поднять уровень его приоритетности и аккумулировать ресурсы на основных направлениях развития. Должен быть обоснован набор мер регулирования для обеспечения технологического суверенитета страны по машиностроительной продукции для пищевой про-

мышленности. Большое значение будет иметь разработка программы, стимулирующей создание новых мощностей, обоснование рыночных регулирующих механизмов в виде льготных кредитов и целевых субсидий на модернизацию и создание инновационных технологий и техники. Меры протекционистского характера должны быть селективными и использоваться в качестве элемента структурной политики, ориентированной на адаптацию отечественных производителей к изменениям мировой агропродовольственной системы [10].

Использование межотраслевого подхода при формировании нормативно-правовой базы регулирования агропродовольственного комплекса, межотраслевое обоснование целевых программ его развития позволит сформировать сбалансированную производственно-функциональную структуру комплекса, выявить приоритетные точки роста, стимулировать привлечение инвестиций и инноваций в проблемные отрасли, использовать эффект мультипликации в развитии агропродовольственного комплекса при оптимальных вложениях материально-технических, инвестиционных и инновационных ресурсов.

Организация межотраслевой системы управления агропродовольственным комплексом должна быть направлена на стимулирование инновационных сдвигов в структуре общественного производства, что позволит сформировать предпосылки для диверсификации российского экспорта. В настоящее время наблюдается низкий уровень диверсификации продовольственного экспорта России. Анализ индекса диверсификации экспорта показывает, что структура агропродовольственного экспорта России слабо диверсифицирована (табл.).

Таблица - Динамика индекса диверсификации агропродовольственного экспорта России

Годы	2012	2013	2014	2015	2016
Индекс диверсификации	0,5844	0,5471	0,6248	0,5814	0,5711

В последние годы развитию агропродовольственного экспорта стало уделяться больше внимания со стороны государственных структур. Сохранение текущей динамики мер государственной поддержки отраслей агропродовольственного комплекса содействует росту производства, что позволяет создавать ресурсы продовольствия, не только для насыщения внутреннего рынка, но и для формирования экспортного потенциала. Государственная политика стимулирования экспорта агропродовольственного комплекса России включает как экономические, так и административные методы. Основными из них являются: продовольственное эмбарго, государственные приоритетные программы поддержки экспорта, продвижение продукции на целевых рынках, меры поддержки национальных товаропроизводителей для включения их в глобальные агропродовольственные системы. Это позволило существенно увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия, особенно в страны дальнего зарубежья (рис.). С 2014 года по 2017 год экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья из России увеличился на 9,1 %, в том числе экспорт в страны СНГ уменьшился на 2 %, в страны дальнего зарубежья вырос на 13,4 %. В 2018 году рост агропродовольственного экспорта по сравнению с 2017 годом составил 20,2 %.

В условиях жесткой конкуренции на глобальных продовольственных рынках ведущие экспортеры сельскохозяйственной продукции и продовольствия реализуют собственные программы поддержки экспорта. Опираясь на их опыт, в России разработан и утвержден приоритетный проект «Экспорт продукции АПК» [11]. Проект интегрирован в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Целью проекта является создание системы поддержки и продвижения экспорта продукции агропродовольственного комплекса, а также обеспечение ее соответствия требованиям регулирующих органов целевых зарубежных рынков. В результате реализации приоритетного проекта экспорт продуктов сельского хозяйства и продовольствия из России к 2020 году составит 25 млрд. долл., а к 2024 году – 45 млрд. долл.

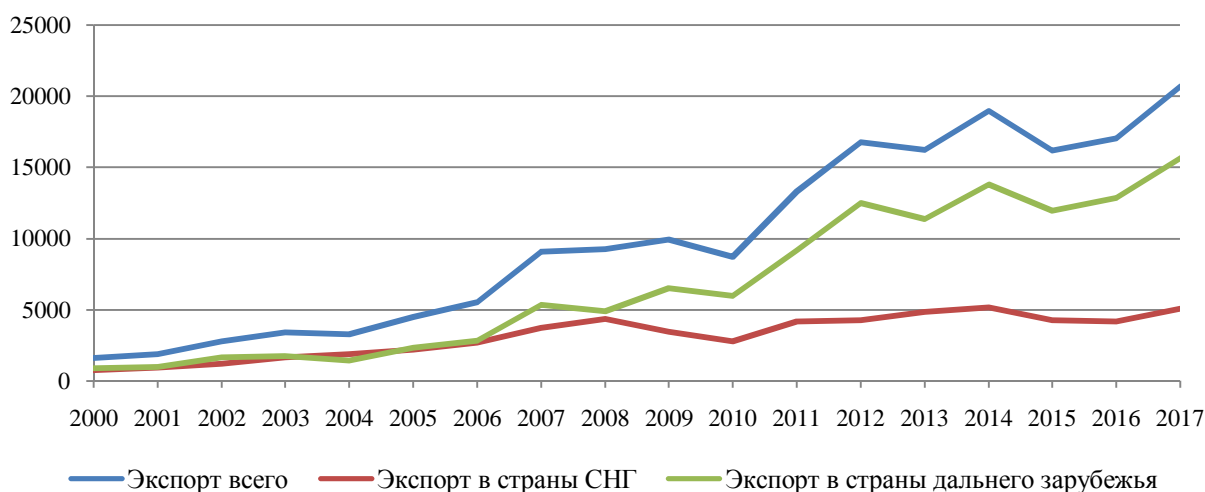

Рисунок - Динамика и структура экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья России, млн. долл. США

Основными задачами приоритетного проекта являются:

- создание новой товарной массы продукции агропродовольственного комплекса, в том числе продукции с высокой добавленной стоимостью, путем технологического перевооружения комплекса и иных обеспечивающих мероприятий;
- создание экспортно-ориентированной товаропроводящей инфраструктуры;
- устранение торговых барьеров (тарифных и нетарифных) для обеспечения доступа продукции АПК на целевые рынки;
- создание системы продвижения и позиционирования продукции АПК.

В 2015 году Министерством экономического развития РФ подготовлен проект Федерального закона «О поддержке экспорта», где поддержка экспорта обозначена как один из приоритетов экономической политики. Проектом закона предусматриваются следующие финансовые меры поддержки экспорта: финансирование экспорта в форме кредитования; обеспечение исполнения обязательств в рамках экспорта; страхование экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских или политических рисков; введение института международных факторинговых операций; установление субсидий для стимулирования экспортного потенциала из бюджетной системы РФ. Кроме того, предусматривается целый ряд мер нефинансового характера, в частности, поддержка регистрации или правовой охраны изобретений и других результатов интеллектуальной деятельности российских юридических лиц или товаров и услуг за рубежом, поддержка сертификации российских товаров (работ, услуг) на зарубежных рынках, проведение информационно-консультационной поддержки, поддержка выставочно-ярмарочной и экспозиционной деятельности российских компаний, их рекламных и имиджевых мероприятий за рубежом. Однако до сих пор этот документ не принят.

В настоящее время ведется активная работа по продвижению российской продукции агропродовольственного комплекса на международный рынок. Она осуществляется в формате двусторонних переговоров, межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству и рабочих групп по сельскому хозяйству. Это позволит сформировать доверие к качеству российской продукции, деловой репутации российских производителей, а в итоге обеспечить развитие новых рынков сбыта для отечественного сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки.

Заключение.

Развитые страны мира в течение последних двадцати лет формируют новую, инновационную экономику, которая базируется на интеллектуальных ресурсах, знаниях и информации. В перспективе именно она будет определять основные тенденции развития мирового хозяйства и место каждой страны в международном разделении труда. Инновационная стра-

тегия развития российского агропродовольственного комплекса ориентирована на адаптацию российских производителей к изменениям, происходящим в мировой агропродовольственной системе. Активное развитие получает расширение и углубление глобальных цепочек стоимости. Одним из приоритетов развития внешнеэкономической деятельности российского агропродовольственного комплекса должно стать встраивание национальных товаропроизводителей в продовольственные цепочки не только как поставщиков сырья, но и на постсельскохозяйственных стадиях.

Важным направлением развития агропродовольственного комплекса является формирование экспортного потенциала. Рост конкурентоспособности продукции агропродовольственного комплекса предполагает совершенствование производственной базы, инвестиции в модернизацию и научно-исследовательские разработки, обеспечение комфортных условий для субъектов продовольственного рынка. В рамках федерального проекта «Экспорт продукции АПК» планируется создание условий для хранения продукции, в частности, оптово-распределительных терминалов, которые аккумулируют продукцию от субъектов продовольственного рынка на локальном уровне.

Долгосрочный потенциал экономического роста агропродовольственного комплекса России связан с увеличением объема продовольственного экспорта и его диверсификацией. Стратегия диверсификации агропродовольственного экспорта должна быть нацелена на укрепление конкурентных позиций в традиционных для России сегментах продовольственного рынка, расширение номенклатуры товаров, которые могут быть представлены на внешнем рынке. Необходима разработка и реализация практики точечного субсидирования для изменения структуры внутри традиционных групп экспортируемых товаров.

Список литературы:

1. Ксенофонов М.Ю. Целевые установки на рост производства, повышение конкурентоспособности и импортозамещение в контексте агропродовольственной политики РФ на современном этапе и в перспективе // Актуальные социально-экономические проблемы России. Материалы научной сессии Секции экономики Российской академии наук (22-23 сентября 2016 г.). – М. Издательство Перо, 2016. – 108 с.
2. Ревенко Л.С. Использование зарубежного опыта продвижения сельскохозяйственных товаров на внешние рынки для формирования российской экспортной стратегии // Вестник МГИМО-Университета. - 2017. - 1(52). - С.212-226.
3. Иванова И.Н., Серегин С.Н., Геращенко И.В. Стимулирование экспорта агропродовольственной продукции – ключ к экономическому росту российского АПК // Пищевая промышленность. – 2016. - № 6. – с. 28-33.
4. Федеральный закон от 14 июля 1997 г. N 100-ФЗ "О государственном регулировании агропромышленного производства" (с изменениями от 10 января, 23 декабря 2003 г.). Принят Государственной Думой 19 июля 1996 года. – URL: http://spravka.prompages.ru/last_lev.php?show=article&id_legislation_list=59&id_legislation=4
5. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года N 264-ФЗ "О развитии сельского хозяйства". Принят Государственной Думой 22 декабря 2006 года. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
6. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. N 120). – URL: <https://base.garant.ru/12172719/>
7. Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2012 г. № 559-р (в редакции распоряжения Правительства РФ от 30 июня 2016 г. №1378-р). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70067828/>
8. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70110644/>

9. Панова И.В., Городецкая Е.А. Агропромышленному комплексу необходимо новое законодательное обеспечение // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. - № 1. – с. 102-112.

10. Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования / О.В. Ермолова, В.В. Кирсанов, Н.А. Яковенко, И.С. Иваненко, Т.В. Остапенко и др.; под общ. ред. О.В. Ермоловой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. – 156 с.

11. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК». – URL: <http://mcs.ru/upload/iblock/c2a/c2a05c48403632531fc69dc891db4a97.pdf>

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Воротников И.Л., д.э.н., Сидельникова М.В., к.э.н.,
ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

Определены требования, принципы, отличительные особенности и особые функции при производстве экологически чистых продуктов питания, способствующие укреплению здоровья населения, соблюдению норм экологического состояния окружающей среды и обеспечению продовольственной безопасности страны на текущий и долгосрочный периоды. В частности, определены методы и технологии ведения экологически чистого сельскохозяйственного производства в отраслях растениеводства и животноводства, а также тесного их взаимодействия в вопросах безотходного производства по принципу замкнутого производственного цикла. Представлена сравнительная экономическая эффективность экологически чистого производства продуктов питания по отношению к производству продуктов питания химизированными способами.

Ключевые слова: экологически-чистые продукты питания, особенности производства, качество продукции.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC FEATURES OF PRODUCTION OF ORGANIC FOOD

Vorotnikov I.L., doctor of economic sciences,
Sidelnikova M.V., candidate of economic sciences,
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

This article identifies the requirements, principles, distinctive features and special functions in the production of organic food that promote the health of the population, comply with the norms of the ecological state of the environment and ensure the country's food security for the current and long-term periods. In particular, the methods and technologies for conducting organic farming in the crop and livestock industries, as well as their close interaction in the issues of waste-free production on the principle of a closed production cycle, have been defined. The comparative economic efficiency of environmentally friendly food production in relation to food production by chemical methods is presented.

Keywords: organic food, production features, product quality.

Введение.

С начала 2000 г. угроза для здоровья населению РФ неуклонно возрастает, что во многом связано с появлением генно-модифицированной продукции и продукции, в состав которой входят вредные для здоровья химические добавки. Проблемы со здоровьем выявляются не только у людей старшего и пожилого возраста, но и молодежи, а также у подростков и детей, что ранее практически не наблюдалось. В этой связи, академик А. Фокин предполагает, что в свое время в России были допущены значительные просчеты при формировании безопасных химических систем защиты растений и животных при ведении сельского хозяйства и химизированного производства продуктов питания, это привело к широкому производству химической продукции, вредной для человека и природы.

Цель исследований.

Учитывая создавшуюся ситуацию в сфере производства продуктов питания, представители ряда государственных структур, сельскохозяйственных и производственных предприятий, на основании научно-технического подхода и имеющегося отечественного и зарубежного опыта работы в сфере производства продуктов питания, создают и развивают различные виды производств по выпуску экологически чистых продуктов питания. В этой связи целью исследования стало определение проблем и путей решения задач по организации производства экологически чистых продуктов питания на предприятиях.

Методика исследований.

В качестве основных методов исследования использовались анализ и системный подход в области производств экологически чистых продуктов питания (ЭЧП) [1]. Данные производства способны значительно повлиять на формирование потребительского спроса населения, а также питательных свойств, сохранности и востребованности экологически чистых продуктов питания (отличительные особенности производства экологически чистой продукции по отношению к химизированному производству представлены в таблице).

Таблица - Отличительные особенности экологически чистого производства продуктов питания по сравнению с химизированным производством

Экологически чистое производство продуктов питания	Химизированное производство продуктов питания
<i>Управление производством</i>	
<p>Система управления производством ЭЧП нацелена на достижение экологического и социально-экономического эффекта. В данной системе гармонично сочетаются экологически чистые технологии производства продуктов питания с методами защиты окружающей среды и сохранением природных ресурсов, поддерживается высокий уровень жизни животных и растений и их биодиверсификация (сохранение видового разнообразия), что позволяет получать натуральную и полезную продукцию в широком ассортименте; в основе данной системы лежит забота о будущих поколениях населения РФ, а также об обеспечении контроля качества и безопасности на всех стадиях жизненного цикла продукции (ЖЦП), начиная от процесса приготовления сырья, производства продукции, ее упаковки и хранения, транспортировки, а также дальнейшей переработки и утилизации отходов продукции по причине её порчи. Всё управление производством ЭЧП выстроено на научной основе с учетом максимальной интеграции данных технологических процессов в существующие структуры производственно-сбытовой сети. При этом ЭЧП должна быть сертифицирована на всех стадиях ЖЦП и иметь на маркировке товарный знак, отличающий ее от всех остальных видов продукции</p>	<p>Система управления производством нацелена на создание крупных предприятий и мощных структур АПК, а также сверхмощных транснациональных компаний с целью монополизации производства и сбыта определенных видов продуктов питания в масштабах мировой экономики. Экологический аспект как в отношении природных ресурсов, так и в отношении здоровья человека, при этом практически не учитывается; в данной системе используются интенсивные технологии производства, позволяющие получать продукцию, способную накапливать химические вещества и оказывать канцерогенное, мутагенное, токсичное и иное неблагоприятное воздействие на организм человека в результате ее употребления в долгосрочном периоде</p>
<i>Растениеводство</i>	
<p>Для увеличения урожайности и поддержания плодородия почвы используются органические удобрения (компосты, пожнивные остатки, сидераты), биологические методы борьбы с болезнями растений, сорняками и вредителями (разведение фагов), севооборот, подсевные азотфиксирующие культуры; применяется неглубокая вспашка земли или мульчирование (технология нулевой обработки почвы – no-till)</p>	<p>Для увеличения урожайности и обеспечения сохранности выращенной сельскохозяйственной продукции применяются: минеральные удобрения, ГМО, химические средства борьбы с болезнями растений, сорняками, вредителями, а также используются пестициды (фунгициды, инсектициды, гербициды), химические регуляторы роста растений, проводятся химическая стерилизация и энергоемкая глубокая вспашка почвы</p>
<i>Животноводство</i>	
<p>Обеспечивается содержание животных в комфортных условиях (производится выгул животных в стадах на лугах, используются натуральные корма; лечение животных проводится гомеопатическими и фитопрепаратами</p>	<p>Используются методы содержания животных в стойлах без выгула. Для повышения продуктивности животных применяются химические добавки к кормам, гормональные препараты, стимуляторы роста, ГМО; при лечении животных используются антибиотики, искусственные иммуномодуляторы и т.п.</p>

Продолжение таблицы

Экологически чистое производство продуктов питания	Химизированное производство продуктов питания
<i>Вопросы социальной значимости</i>	
<p>Экологически чистые продукты питания являются качественными и безопасными, имеют высокую пищевую и биологическую ценность (не содержат ГМО, ингредиенты, выращенные при использовании пестицидов, ядохимикатов и искусственных удобрений, антибиотиков, стимуляторов роста и искусственных иммуномодуляторов, искусственные консерванты, красители и вкусовые добавки, а также не подвергнуты различным излучениям); потребление данных продуктов питания способствует улучшению здоровья человека, укреплению его иммунитета, увеличению продолжительности жизни и формированию здорового генофонда подрастающего поколения</p>	<p>Продукция химизированного производства получена на основе ГМО-технологий, использования пестицидов, ядохимикатов и искусственных удобрений, в том числе в животноводстве – путем активного использования стимуляторов роста, искусственных иммуномодуляторов и антибиотиков. Данная продукция содержит искусственные консерванты, красители и вкусовые добавки, а также может быть подвергнута различным излучениям. Всё это наносит вред здоровью человека и приводит к необратимым последствиям в долгосрочном периоде</p>
<i>Вопросы экономической эффективности</i>	
<p>Показатели урожайности в растениеводстве и продуктивности в животноводстве ниже, чем при химизированном производстве. Вместе с тем питательная ценность данной продукции максимальная. В виду этого спрос на ЭЧП неуклонно растет, что в свою очередь характеризует ЭЧП как перспективное направление деятельности в сфере производства продуктов питания и сельского хозяйства;</p> <p>производители сельскохозяйственной продукции, переходя на методы экологически чистого производства, будут иметь значительные преимущества в цене реализации экологически чистой продукции, превышающей цену продукции химизированного сельского хозяйства (в среднем от 20 до 50%), а также возможность расширения каналов сбыта продукции за счет экспорта и перспективу развития производства ЭЧП на долгосрочный период. В том числе, при производстве ЭЧП достигается ресурсосберегающий эффект (потребляется значительно меньше энергии, чем при химизированном производстве).;</p> <p>трудозатраты выше, чем при химизированном производстве, но общие затраты значительно ниже, благодаря применению ресурсосберегающих технологий и альтернативных источников энергии (биогаз, гелиостанции), а также отсутствуют затраты на закупку средств химизации и минимизированы затраты на дорогостоящее технологическое оборудование. Все дополнительные затраты окупаются более высокой ценой реализации ЭЧП на рынках сбыта</p>	<p>Высокие показатели урожайности в растениеводстве и продуктивности в животноводстве достигаются, в основном, путем использования методов, наносящих вред здоровью населения и окружающей среде;</p> <p>трудозатраты при механизированном и автоматизированном производстве меньше, чем при производстве ЭЧП, но при этом значительно возрастают энергозатраты, а также затраты на средства химизации, дорогостоящее технологическое оборудование и нефтепродукты</p>
<i>Проблемы окружающей среды</i>	
<p>Используются экологически чистые технологии производства продукции (малоотходные или безотходные технологии), производство ЭЧП имеет замкнутый цикл, что позволяет избежать вредного воздействия на окружающую среду; при этом активно используются альтернативные источники энергии (биогаз, гелиостанции) и местные возобновляемые ресурсы (органические удобрения, биологические средства защиты растений, натуральные корма)</p>	<p>Используются интенсивные методы производства, что способствует высокой эффективности и рентабельности производства, но приводит к загрязнению окружающей среды и наносит непоправимый вред здоровью человека</p>

Создание предприятий по производству экологически чистых продуктов питания предусматривает обязательное соблюдение нижеперечисленных функций:

- природоохранная, предполагающая минимальное негативное воздействие производственных процессов на окружающую среду за счет создания замкнутой производственной структуры как целостной и сбалансированной в сфере животноводческой и растениеводческой деятельности. В этом случае производственная система максимально адаптируется к окружающей среде и происходящим в ней процессам;

- социальная, заключающаяся в поддержании и улучшении здоровья человека за счет потребления экологически чистой продукции, а также создании новых рабочих мест и полноценной инфраструктуры в регионах размещения объектов по производству экологически чистой продукции. Производство ЭЧП предполагает привлечение широкого круга работников неквалифицированного труда и разнорабочих (прополка, компостирование, дополнительное опыление, борьба с вредителями), что способствует значительному повышению уровня занятости населения, особенно в сельской местности на долгосрочный период [2].

Результаты исследований.

В сфере производства экологически чистых продуктов питания выявлены основные проблемы, определены цели и задачи по формированию структурных элементов кластера и производственных процессов по замкнутому и безотходному циклу.

В растениеводстве – это улучшение состояния почв при производстве ЭЧП, что во многом достигается путем применения органических удобрений. В качестве таких удобрений можно использовать костную и кровяную муку, позволяющих наполнить питательными веществами почву и значительно повысить урожайность сельскохозяйственных культур. Кроме того, для борьбы с сорняками и вредителями целесообразно использовать биологические методы: внесение естественных врагов и специфических патогенов. Применять севообороты, составленные с учетом цикла развития вредителя, что улучшит фитосанитарное состояние на полях. Помимо этого необходимо производить тщательную обработку почвы с целью уничтожения сорной растительности и обеспечения глубокой заделки ее семян, а также, выращивание промежуточных сидеральных культур для запашки или на корм скоту позволит предотвратить эрозию почв, а запашка навоза, цеолитов, зеленой массы и соломы будет способствовать сохранению и росту гумуса в почве. Как показывает исследование, проведенное в Университете Корнелла (Cornell University) в Швейцарии в течение 22-летнего опыта одновременного выращивания зерновых и бобовых культур экологическим и традиционным методами главным отличием производства экологически чистых культур являлось отсутствие химикатов при их выращивании и меньший расход энергии. Средняя урожайность «эко» продукции на 20% ниже традиционной. Вместе с тем снижение общих затрат на производство экологически чистой продукции составило более 50%, что в целом достигалось за счет экономии на энергоносителях и отсутствии затрат на дорогостоящие минеральные удобрения и пестициды. Необходимо отметить, что эффективному использованию энергии, что является крайне важным экономическим показателем, способствует правильный выбор техники при обработке почвы и борьбе с сорняками. В этой связи целесообразным будет применение систем машин, максимально адаптированных к сохранению природной среды, а также использование в борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур биопрепаратов и продуктов микробного синтеза.

В животноводстве необходимо отказаться от круглогодичного стойлового содержания животных, предусмотреть обязательный выпас скота на лугах, исключить использование кормовых добавок и гормонов в рационе их питания. Кроме того, прослеживается взаимозависимость между снижением энергопотребления и рециркуляцией ресурсов при использовании отходов животноводства для выработки биогаза, что является менее ресурсоемким и затратным в сравнении с химизированным сельским хозяйством [3].

Необходимо отметить, что для обеспечения процесса производства ЭЧП, на вновь созданных или реорганизованных предприятиях должна быть разработана система высокоэффективного менеджмента по всей производственной цепи, начиная от анализа состояния

почвы, отбора семенного фонда и племенных видов животных, определения современных экологически чистых технологий выращивания сельскохозяйственных культур и животных, качества используемых ингредиентов при производстве продуктов питания, технологий производства, условий хранения произведённой продукции, видов упаковочного материала и заканчивая транспортировкой и утилизацией некондиционной и просроченной продукции. При этом особенностью управления производством экологически чистой продукции является контроль качества и безопасности продукции по всей цепочке ее создания – от анализа состояния почвы до упаковки – в отличие от традиционной сертификации, где проверке подвергается только конечный продукт. Такая сертификация ЭЧП позволяет предотвратить влияние опасных факторов на всех этапах ее производства и обеспечить отсутствие химического воздействия на сельскохозяйственное сырье и продукцию в режиме реального времени [4–6].

Управление экологически чистым производством должно быть основано на выполнении предприятиями следующих обязательств:

- соблюдение национальных и международных норм и стандартов;
- предоставление достоверной информации о деятельности предприятия и ее влиянии на окружающую среду;
- предоставление плана мероприятий предприятия по совершенствованию природоохранной деятельности [7].

При управлении производством экологически чистых продуктов питания необходимо соблюдать такие качества, как полезность продуктов питания; безопасность продуктов питания для населения и окружающей среды; использование безотходных (малоотходных) технологий; экономичность производства продуктов питания; соответствие параметров продуктов питания существующим стандартам; возможность утилизации продуктов питания при соблюдении экологических норм и требований [8, 9].

В связи с этим к производству экологически чистой продукции предъявляются и особые требования:

-полный запрет на использование генетически модифицированных организмов и продуктов, произведенных с использованием таких организмов, на всех этапах производства экологически чистых продуктов питания;

-полный отказ от использования продуктов, не сертифицированных в соответствии с требованиями международных и национальных технических регламентов и стандартов, касающихся производства экологически чистых продуктов питания;

-осуществление обработки земельных угодий в течение трех лет (конверсионный период) без применения минеральных удобрений и последующий запрет на использование химико-синтетических веществ;

-использование сельскохозяйственных культур, адаптированных к местным агроклиматическим условиям и устойчивым к агрессивным факторам среды;

-кормление животных исключительно органическими кормами;

-запрет на применение антибиотиков и стимуляторов роста в животноводстве [10].

Заключение.

Производство ЭЧП должно базироваться на принципах укрепления здоровья человека, поддержания экологического состояния окружающей среды и обеспечения продовольственной безопасности страны на долгосрочный период, а также соблюдения принципов заботы и справедливости, которые отличают производство ЭЧП от традиционного ведения сельскохозяйственного производства, важнейшими из которых являются:

1. Принцип здоровья человека – главное положение концепции формирования производства ЭЧП, направленный на поддержание оптимального состояния всей экосистемы: почвы, растений, животных и человека, несмотря на возможное негативное воздействие как внешних, так и внутренних факторов;

2. Принцип экологии, предполагающий производство ЭЧП на основе саморегуляции и самообеспечения производственного процесса с целью сохранения естественного экологического баланса в природе;

3. Принцип справедливости, основанный на гармонизации отношений между участниками бизнеса и удовлетворении их финансовых и интеллектуальных потребностей;

4. Принцип заботы о человеке, основанный на отказе от применения достижений генной инженерии, синтетических добавок, красителей, минеральных удобрений на всех стадиях производства и переработки ЭЧП.

Список литературы:

1. Воронкова О.Ю., Ельчищев Е.А. Формирование и развитие регионального АПК, ориентированного на производство органической (экологически чистой) продукции // Вестник алтайской науки. – 2015. – № 3–4 (25–26). – С. 165–170.

2. Корнев Г.Н. Производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции: системный анализ // Аграрный вестник Верхневолжья. – 2015. – № 4 (12). – С. 69–76.

3. Котова М.В. Продуктовые инновации в обеспечении стабильности производственных предприятий // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей VIII Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов: Буква, 2014. – С. 371–373.

4. Макоева Л.С. Производство экологически чистой продукции – приоритетное направление повышения социально-экономической эффективности АПК // Известия Горского государственного аграрного университета. – 2011. – Т. 48. – № 1. – С. 219–221.

5. Пешкова А.В. Эффективность производства продукции органического сельского хозяйства: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2013. – 26 с.

6. Туварчиева Г.А. Экономические аспекты производства экологически чистой продукции // Пища, экология, качество: труды XIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. за выпуск: О.К. Мотовилов, Н.И. Пыжикова и др. – Красноярск, 2016. – С. 332–335.

7. Ульянов А.В. Преимущества развития экологически-чистого производства сельскохозяйственной продукции // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 128. – С. 1028–1038.

8. Харитонов С.А. Организационно-экономические аспекты развития органического сельского хозяйства в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2013. – 29 с.

9. Чепурнова Е.Е. Формирование процессов системы менеджмента качества предприятия по производству органической продукции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Тамбов., 2010. – 27 с.

10. Чичкин С.Н. Критерии экологически чистой продукции // Развитие экологического производства в малом бизнесе как фактор повышения качества жизни: материалы науч.-практ. конф. – Пенза, 2014. – С. 114–121.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАГП РАН

Показана необходимость совершенствования социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия в условиях нарастания внешних угроз и внутренних рисков. Подчеркнуто, что условием построения эффективного механизма экономической доступности продовольствия является трансформация фундаментальных подходов к достижению макроэкономической стабильности национальной экономической системы с учетом реалий сегодняшнего дня, выявление взаимосвязи роста денежных доходов населения и инфляционных процессов в современных условиях. Особое внимание в структуре социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия уделено увеличению надбавок к пенсии за сельский стаж и развитию социального предпринимательства как факторов увеличения реальных доходов населения и спроса на продовольствие.

Ключевые слова: социально-экономический механизм, реальные располагаемые доходы, экономическая доступность продовольствия, инфляция спроса, социальное предпринимательство, сельский стаж.

SOCIO-ECONOMIC MECHANISM OF THE ECONOMIC FOOD ACCESSIBILITY: DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The necessity of improving the socio-economic mechanism of food affordability in the face of increasing external threats and internal risks is shown. It was emphasized that the condition for constructing an effective mechanism for the economic accessibility of food is the transformation of fundamental approaches to achieving macroeconomic stability of the national economic system, taking into account the realities of today, identifying the relationship between the growth of monetary incomes of the population and inflationary processes in modern conditions. Particular attention in the structure of the socio-economic mechanism of economic accessibility of food is given to increasing pension premiums for rural experience and the development of social entrepreneurship as factors in increasing real incomes of the population and demand for food.

Keywords: socio-economic mechanism, real disposable income, economic affordability of food, demand inflation, social entrepreneurship, rural experience

Введение.

Для реализации важного стратегического приоритета обеспечения продовольственной безопасности – достижения экономической доступности продовольствия всеми доходными группами населения – необходимо эффективное функционирование соответствующего социально-экономического механизма. Социально-экономический механизм экономической доступности продовольствия может быть определен как система методов, рычагов и инструментов, использование которой создает условия для достижения показателей экономической доступности продовольствия всеми членами общества независимо от их принадлежности к той или иной доходной группе [1]. Данное определение описывает некий идеальный вариант социально-экономического механизма, к которому необходимо стремиться в процессе совершенствования управленческой деятельности. Структура социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия является сложной, разветвленной и многокомпонентной. Во многом она пересекается с другими составляющими социального блока национальной экономической системы. Для эффективного решения задачи обеспечения экономической доступности продовольствия для всего населения необходимо, чтобы данный механизм из совокупности отдельных методов, рычагов и инструментов, каким он

является в настоящее время, превратился в отлаженную систему взаимосвязанных элементов, действующих в тесной координации с другими составляющими социального блока. Это будет способствовать скорейшему решению задачи достижения экономической доступности продовольствия всеми группами населения, имеющей не только важное социальное значение в плане выравнивания уровня жизни и сохранения социальной стабильности в обществе, но и большое экономическое значение для устойчивого развития национального агропродовольственного комплекса.

Цель исследования заключается в обосновании основных направлений совершенствования современного механизма экономической доступности продовольствия как на концептуальном уровне, так и на уровне предложений институционального характера, касающихся развития отдельных элементов структуры исследуемого механизма.

Методика исследований.

Использование в ходе проведенного исследования абстрактно-логического, монографического методов дало возможность обобщить современные подходы к проблеме государственного регулирования социальных параметров национальной экономической системы, обосновать предложения по развитию институциональных аспектов государственной доходной политики, направленных на повышение реальных располагаемых доходов населения и обеспечение экономической доступности продовольствия.

Результаты исследований.

Для построения жизнеспособного социально ориентированного механизма обеспечения экономической доступности продовольствия на основе его тесной координации с развитием ключевых параметров национальной экономической системы необходима концептуальная трансформация важнейших теоретических подходов к достижению макроэкономической стабильности, отвечающая вызовам сегодняшнего дня. В настоящее время в научном экономическом сообществе всё чаще подвергается критике преимущественно монетаристская либеральная модель развития экономики России, основы которой закладывались в 90-е годы прошлого столетия. Нарастающий интерес проявляется к экономическим успехам Китая и стран, относящимся к «восточноазиатским тиграм», в поле зрения ученых так же остаются так называемые европейские государства народного благосостояния. Такой интерес не случаен, поскольку в настоящее время в нашей стране наблюдается, с одной стороны, сокращение уровня инфляции, а, с другой – сохранение и обострение проблемы бедности, что проявляется в снижении реальных доходов населения, в высокой доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, в существенной социально-экономической дифференциации с ярко выраженным региональным акцентом. Обеспечение невысокого уровня инфляции специалисты связывают с сокращением совокупного спроса, в основе которого лежит приверженность к основным постулатам монетаристской теории. Сокращение совокупного спроса достигается путем уменьшения реальных доходов населения и инвестиций в основной капитал, а также сохранением относительно высокой процентной ставки [2, с. 182]. Для монетаристской теории характерно стремление к минимизации или ликвидации дефицита государственного бюджета. В условиях, когда в России наблюдается преимущественно инфляция издержек, а не инфляция спроса, специалисты ставят вопрос о том, можно ли обеспечить замедление инфляции посредством стимулирования совокупного спроса, расширения национального производства и сокращения издержек предприятий. Инфляция издержек представляет собой один из видов инфляции, для которого характерно повышение цен на ресурсы и факторы производства, ведущее к росту цен на конечную продукцию.

Известно, что при государственном регулировании макроэкономической нестабильности возможно воздействие на величину совокупного спроса и совокупного предложения [3, с. 194]. При регулировании совокупного спроса обычно выделяют два подхода: фискальную и монетаристскую концепции. Фискальная политика широко применялась в рамках кейнсианского подхода, опирающегося на бюджетно-налоговые и кредитно-денежные рычаги. Однако неоспоримый успех начала прошлого века сменился невозможностью обуздать рывок инфляции в начале 70-х годов, что привело к разочарованию в данной экономической теории

и расцвету монетаризма. Основоположник монетаристской теории М. Фридмен писал: «Инфляция всегда и везде представляет денежное явление, возникающее и сопровождаемое более быстрым ростом денежной массы по сравнению с объемом производства» [4]. В настоящее время основные критические высказывания в отношении монетаристской теории связаны с ограниченностью ее применения, поскольку она наиболее эффективна при борьбе с инфляцией при отсутствии резкого спада производства. Негативным моментом является ее антисоциальная направленность и провозглашение социального эгоизма.

Следует отметить, что в любой экономической системе имеет место объективная взаимосвязь денежных доходов населения и инфляционных процессов. Рост доходов населения может привести к инфляции спроса в ситуации, когда в хозяйственной системе наблюдается полная занятость или имеет место широкое использование производственных мощностей. По данным Росстата, уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции составил: мяса и субпродуктов – 74%, колбасных изделий – 56, мясных консервов – 49, плодоовощных консервов – 60, нерафинированного масла растительного – 62, цельномолочной продукции – 61, масла сливочного – 36, круп – 30, хлеба и хлебобулочных изделий – 43, макаронных изделий – 63, кондитерских изделий – 59 % соответственно [5]. В мае – июле 2019 г. занятость в целом по Российской Федерации составила 64,9% [6]. Таким образом, параметры занятости и уровня использования производственных мощностей достаточно далеки от критических отметок. Исследования, проводимые в 1997–2016 гг. показали, что в России не существовало устойчивой зависимости между ростом номинальных доходов и уровнем инфляции [2, с. 187]. Перечисленные выше аспекты исследуемой проблемы свидетельствуют о возможности совершенствования доходной политики, которое должно быть направлено на рост реальных доходов, прежде всего, наименее обеспеченной части населения. Так, академик А. Аганбегян считает, что главная задача Фонда национального благосостояния (ФНБ) – рост народного благосостояния и замедление темпов снижения уровня жизни, а также возмещение населению потерянные доходы [7].

В этом смысле показателен опыт Швеции, где традиции социально-экономической политики были заложены представителями шведской социал-демократии, в течение многих лет формирующих состав правительства страны. Важнейшим элементом социально-экономической политики Швеции является прогрессивное налогообложение, основное бремя которого несут крупные компании, обладающие сверхприбылью. Такого рода налоговая система позволяет государству обеспечить достойное существование уязвимых социальных слоев общества, уделяя особое внимание профилактической медицине. Однако в последние годы реализация данной социальной модели столкнулась с определенными трудностями внешнего характера. Правительства многих европейских государств с целью активизации деятельности национальных компаний стали создавать для них благоприятные налоговые режимы. Это привело к тому, что многие успешные шведские компании стремятся перенести свою деятельность в другие страны. Таким образом, модель «народного капитализма» столкнулась с серьезными внешними вызовами, требующими поиска ресурсов для дальнейшего проведения эффективной социальной политики [8].

Растущий спрос населения на продовольствие может стать стимулом для развития всех форм производства в агропродовольственном комплексе и совершенствования агропромышленной интеграции [9, с. 121]. В структуре социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия можно выделить несколько составляющих, каждая из которых требует своего совершенствования в соответствии с реалиями настоящего времени. Среди важнейших – повышение реальных располагаемых доходов населения, развитие всех форм социальной защиты, а также адаптация оптового и розничного звена торговли продовольствием к вызовам сегодняшнего дня. Немаловажно значение имеет выравнивание уровня жизни в городе и на селе, повышение привлекательности сельского образа жизни, обеспечение в полном объеме территориальной доступности продовольствия.

Первая составляющая социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия связана с развитием активной формы социальной политики, при которой работающее население независимо от сферы приложения своего труда обладает уровнем дохода, необходимого для обеспечения экономической доступности продовольствия. Для реализации данного направления важна модернизация государственной политики доходов, региональной политики, направленных на выравнивание уровней жизни в регионах и уровня оплаты труда в различных отраслях хозяйственного комплекса. Инструментами увеличения реальной заработной платы, которые требуют постоянного развития и корректировки с учетом появляющихся новых вызовов и угроз, являются повышение уровня прожиточного минимума, совершенствование работы трехсторонней комиссии по реализации мероприятий Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ, переход (в соответствии с опытом стран с развитой рыночной экономикой) к прогрессивной шкале налогообложения и др. Опыт стран континентальной Европы показывает целесообразность использования модели регулирования оплаты труда с помощью института социального партнерства. Особенностью данной модели является координация действий социальных партнеров, их ответственность в определении необходимого уровня оплаты труда и противодействие в случае необоснованного ее увеличения.

Одним из важных источников доходов населения являются пенсии. Необходимо совершенствование пенсионного законодательства, направленное на обеспечение роста пенсий наиболее уязвимых категорий населения. Осуществляемый мониторинг параметров уровня жизни в городе и на селе свидетельствует о том, что уровень жизни и объемы потребления наиболее ценных продуктов в сельской местности ниже, чем в городе [10]. Поэтому чрезвычайно важны новые выплаты пенсионерам сельской местности, начатые Пенсионным фондом с 1 января 2019 года. Речь идет о надбавке в размере 25% к пенсии пенсионерам, которые проработали более тридцати лет в сельском хозяйстве. В настоящее время не все институциональные аспекты процесса установления надбавок за сельский стаж до конца отработаны. Следует отметить, что существуют определенные отличия в методике определения сельского и страхового стажа. При подсчете сельского стажа период службы в армии не учитывается, также необходимо, чтобы в течение всего тридцатилетнего периода гражданин, претендующий на указанную надбавку, обязательно уплачивал страховые взносы в Пенсионный фонд РФ. В сельский стаж входит время ухода за ребенком до полутора лет, но не более шести лет для одного родителя. На наш взгляд, эти положения сокращают численность пенсионеров, которые могут претендовать на данную надбавку, и требуют корректировки.

В настоящее время осуществляется работа по расширению списка сельских профессий, представители которых могут претендовать на получение рассматриваемой надбавки. Первоначальный список профессий, должностей, производств и работ для получения надбавки к пенсии в размере 25% был утвержден Постановлением Правительства № 1440 от 29.11.2018 г. [11]. В этом достаточно объемном списке сельских профессий представлены следующие – агрономы всех уровней: колхоза, совхоза, крестьянского (фермерского) хозяйства, сельскохозяйственного кооператива; агротехники, бригадиры, работающие в таких отраслях растениеводства, как бахчеводство, виноградарство, садоводство, овощеводство, плодоводство, свекловодство, семеноводство, хмелеводство, хлопководство, цветоводство и др. В сфере животноводства вошли такие профессии, как ветеринарный врач, зоотехник, инженер животноводства (главный инженер птицефабрики, главный инженер-теплотехник, инженер по технике безопасности и охране труда, старший инженер по зерноочистительным машинам, семяочистительного комплекса, птицеводства), механик и др. В данном списке также представлены профессии, связанные с управленческой деятельностью, например, в него входят главы хозяйств, включая крестьянское (фермерское) хозяйство, сельскохозяйственный кооператив, главные специалисты (главный механик, главный гидромелиоратор, главный энергетик), а также специалисты разных сфер сельскохозяйственной деятельности (слесарь по ремонту сельскохозяйственных машин, оборудования, слесарь-наладчик, слесарь по монтажу

и др.). Данный список включает должности управленцев среднего звена, такие как заведующий зернотоком, зерноскладом, картофелехранилищем и т.д.

В мае 2019 г. Министерство труда РФ представило проект соответствующего Постановления Правительства РФ, который содержит расширенный список сельских профессий. В новый список сельских профессий, которым предоставляется доплата к пенсии при наличии требуемого сельского стажа, предложено включить должности в сфере сельского хозяйства, связанные с охраной и обслуживанием производственных объектов, такие как рабочий по комплексному обслуживанию зданий, инженер машинно-тракторного парка, инженер-электрик, инженер по приборам, заведующий гаража (склада), кочегар, молотобоец, электрогазосварщик, заправщик горюче-смазочных материалов, автокрановщик, токарь, сторож, охранник (за исключением частного охранника), кладовщик, рабочий строительной бригады, подсобный рабочий и т.д. Также предложено включить в рассматриваемый расширенный перечень индивидуальных предпринимателей, являющихся сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Второе направление, которое можно выделить в структуре социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия, связано с развитием социальной помощи. В данном случае речь идет о различных видах социальной помощи для наиболее уязвимых категорий населения, которые имеют низкие доходы и как следствие невысокий уровень потребления. В этой связи всё большее значение приобретает такая форма социальной защиты как социальное предпринимательство, среди которого можно особо выделить обеспечение занятости инвалидов; женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет; лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; помощь в трудоустройстве, включая содействие самозанятости. Данное направление социальной защиты реально ведет к повышению уровня доходов малообеспеченных категорий населения. Однако понятие социального предпринимательства не исчерпывается указанным выше аспектом, оно направлено на решение широкого спектра социальных проблем.

В экономических исследованиях достаточно часто поднимается вопрос о существовании дефицита бюджетных средств, направленных на удовлетворение социальных нужд, на региональном и муниципальном уровнях. Поэтому особо актуальна проблема поиска новых источников финансирования, в первую очередь, внебюджетных, а также разработка специальных программ по улучшению качества жизни населения [12]. Трансплантация из-за рубежа такого института как социальное предпринимательство (данный институт имеет богатую историю в развитых странах Запада) дает возможность решения ряда социальных проблем путем использования внебюджетных источников, привлечения дополнительных трудовых и финансовых ресурсов в социальную сферу. Под социальным предпринимательством принято понимать предпринимательскую деятельность, которая направлена на решение социальных проблем и характеризуется рядом признаков [13], среди основных признаков обычно выделяют социальное воздействие, применение новых инновационных подходов к решению социальных проблем, самокупаемость и финансовую устойчивость, распространение накопленного опыта с целью увеличения социального воздействия; предпринимательский подход. Институт социального предпринимательства ориентирован на решение социально значимых проблем общества, функционирование за счет получаемой прибыли в ходе осуществления своей деятельности. Возникновение частного сектора в социальной сфере позволяет повысить качество и доступность социальных услуг. Государство, передавая часть своих функций в данной сфере, должно оказывать поддержку социально ориентированным предприятиям. Пока в этой сфере имеется много нерешенных институциональных проблем, в частности, по определению статуса социального предпринимателя и регламентированию функционирования социально ориентированных коммерческих предприятий. Проблемами поддержки и развития социального предпринимательства в настоящее время занимается Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», созданный в 2007 г. Он является некоммерческой организацией, нацелен на реализацию долгосрочных социальных проектов, предоставляет социальным предпринимателям финансовую, правовую, консультационную поддержку [14].

По существующим оценкам к октябрю 2018 г. Фонд оказал различные виды поддержки, в том числе и финансовую, более двумстам проектам социального предпринимательства, реализуемых в 56 регионах Российской Федерации.

Заключение.

В настоящее время в национальной экономической системе на фоне положительных изменений параметров инфляции происходит рост бедности и снижение реальных доходов населения, а также увеличение дифференциации доходов населения в социальном и региональном разрезах. Растущая бедность охватывает и сферу потребления продовольствия, при этом значительная часть населения потребляет наиболее важные для нормальной жизнедеятельности продукты питания на уровне ниже рациональных норм, а около 10% населения имеют калорийность суточного рациона питания ниже нормативного. Всё это обуславливает необходимость совершенствования социально-экономического механизма доступности продовольствия. Основным недостатком его функционирования в настоящий момент является несогласованность входящих в него элементов и недостаточная координация с теми экономическими рычагами, которые применяются при решении других значимых социальных задач.

Основные направления совершенствования рассматриваемого механизма касаются как фундаментальных теоретико-методологических положений, так и конкретных моментов институционального характера. К важным теоретическим аспектам данной проблемы относится необходимость трансформации взглядов на взаимосвязь роста доходов и инфляционных процессов при формировании социальной политики, уход от преимущественно монетаристской либеральной модели, ставящей во главу угла поддержание низкого уровня инфляции. Научное экономическое сообщество считает возможным в современных экономических условиях проведение более активной доходной политики, которая способна оживить весь цикл деловой активности. Рост реальных доходов населения в современных условиях, по мнению ученых, не может быть причиной резкого подъема инфляции. В то же время требуют совершенствования все составляющие социально-экономического механизма экономической доступности продовольствия. Речь идет о развитии системы налогообложения, введении необлагаемого налогового минимума, о более активном применении налоговых вычетов, снижении реальной налоговой нагрузки на гражданина, в том числе путем сокращения величины так называемых скрытых налогов (НДС, акцизы, отчисления в Пенсионный фонд, в Фонд социального страхования, страховые взносы, взносы в Фонд обязательного медицинского страхования). Необходима корректировка в сторону увеличения, по меньшей мере, в два раза величины потребительской корзины и прожиточного минимума. Целесообразно совершенствование пенсионного законодательства, нацеленное на рост пенсий, особенно в сельской местности. Большое значение в современных условиях приобретает такая форма социальной защиты как социальное предпринимательство, создающее условия для роста реальных доходов наиболее уязвимых категорий населения и нацеленное на помощь государству в решении назревших социальных проблем.

Список литературы:

1. Решетникова Е.Г. Социально-экономический механизм экономической доступности продовольствия: теоретические и методические аспекты // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 1. – С. 2.
2. Ильяшенко В.В. Доходы населения России в условиях инфляционных процессов // Журнал экономической теории. – Т. 15. – № 2. – С. 182–188.
3. Казаков А.П., Минаева Н.В. Экономика. – М.: Изд-во ЦИПКК АП, 1996. – 392 с.
4. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... – М.: Дело, 1999. – 157 с.
5. Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b16_48/Main.htm
6. Уровень занятости населения по субъектам РФ. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b16_48/Main.htm

7. Аганбегян А. Сверхдоходами от нефти нужно возместить потери обедневшего населения. – URL: www.kp.ru 28.08.2019
8. Экономика современной Швеции. – URL: <http://www.econbook.ru/economy/country/economy-of-modern-sweden>
9. Анфиногентова Е.Г. Планирование сферы потребления в регионе / под ред. В.М. Ларина. – Саратов, 1986. – 190 с.
10. Решетникова Е.Г. Развитие институтов преодоления продовольственной бедности // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2013. – № 1. – С. 2.
11. Перечень профессий для надбавки к пенсии работникам сельского хозяйства. – URL: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/reforma/selskim-pensioneram/perechen-professij/#1>
12. Джамалудинова М.Ю. Организация деятельности региональных органов исполнительной власти по поддержке социального предпринимательства // Экономические науки. – 2019. – № 2(171). – С. 111–114.
13. Изотова Г.С., Зверева Н.И. Социальное предпринимательство – новый институт современной России // Экономические стратегии. – 2011. – № 9 (95). – С.44–49.
14. Особенности построения систем управления предприятиями социальной направленности. – URL: <http://litcey.ru/finansi/97816/index.html>

РЕЗЕРВЫ РОСТА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ КОМПАНИИ

Письменная А.Б., д.э.н., Российский Университет Транспорта (МИИТ)

Статья посвящена анализу резервов роста организационной эффективности транспортных компаний, входящих в состав агропродовольственного комплекса. При помощи моделирования показано, что путем реорганизации и обучения сотрудников возможно существенное повышение их организационной эффективности, способствующей устойчивому росту конечной продукции комплекса.

Ключевые слова: управление организацией, агропродовольственный комплекс, межотраслевые взаимодействия, эффективность структуры, моделирование

RESERVES OF ORGANIZATIONAL EFFICIENCY GROWTH IN TRANSPORT COMPANIES

Pismennaya A.B., doctor of economic sciences, Russian university of transport

The article is devoted to the analysis of the reserves of the organizational effectiveness growth in transport companies that are part of the agro-food complex. Using modeling, it is shown that by reorganizing and training employees, it is possible to significantly increase their organizational effectiveness, which contributes to the steady growth of the final products of the complex.

Keywords: organization management, agro-food complex, inter-sectoral interactions, structure efficiency, modeling

Введение.

Проблемы взаимодействия организационной эффективности, конкурентоспособности и структуры внутренних взаимодействий транспортных компаний, входящих в состав агропродовольственного комплекса, становятся все более актуальными по мере усложнения условий и задач их функционирования [1, 2].

Цель исследования.

Обоснование ключевых направлений повышения эффективности организационной структуры транспортных компаний, входящих в состав агропродовольственного комплекса, с помощью моделирования адаптации сотрудников к организационным изменениям.

Методика исследований.

Применение для обоснования основных положений выполненного исследования метода моделирования позволило обосновать направления повышения эффективности организационных структур транспортных компаний в условиях усложнения задач развития агропродовольственного комплекса.

Результаты исследования.

Стратегические задачи развития агропродовольственного комплекса требуют существенного роста эффективности транспортных компаний, входящих в его состав. В связи с нарастанием конкуренции на макро- и микроуровне вопрос повышения эффективности таких компаний становится все более значимым. Следует отметить, что резервы повышения эффективности, связанные с организационными изменениями, являются значительными [3–6] и, как правило, не требуют для своего использования существенных капитальных вложений. С другой стороны, нельзя и переоценивать возможность достижения повышения организационной эффективности за счет чисто организационных изменений.

Для организаций транспортной сферы, как правило, придерживающихся иерархической структуры (как по историческим причинам, так и в силу необходимости обеспечения детерминированного отклика на внешние раздражители), вопрос о возможности преодолеть ограничения существующей структуры лишь за счет организационных изменений представляется крайне важным в условиях текущей турбулентности на мировых и локальных рынках продо-

вольствия. Отметим, что возможность повышения эффективности без капитальных вложений для организаций транспортной сферы агропродовольственного комплекса, особенно в нынешних условиях снижения доступности финансовых ресурсов и ограничения инвестиций, представляется крайне привлекательной [7, 8].

В настоящей работе транспортные компании рассматриваются как набор идентичных взаимодействующих агентов. Такой подход позволяет отвлечься от влияния индивидуальностей на работу организации, акцентируя внимание на влиянии структуры организации и характеристик взаимодействия между отдельными агентами. Организационная эффективность определяется по скорости распространения по организации новой информации, поступающей из внешней среды. Каждый агент характеризуется параметром индивидуальной эффективности, определяющим вероятность переключения агента в новое состояние при изменении внешнего сигнала. Кроме того, на скорость переключения оказывает существенное влияние параметр памяти - прежнего опыта поведения и адаптации агента к внешним воздействиям. Для сравнения динамики различных организационных структур ранее была предложена характеристика, представляющая собой нормированное время переключения организации в целом в состояние, соответствующее внешнему воздействию [5, 9].

В работе рассмотрена организационная структура, сочетающая в себе иерархическую структуру и элементы организации на основе проектных команд. Такое сочетание наиболее адекватно описывает реально существующую коммуникационную сеть в организациях транспортной сферы агропродовольственного комплекса. Как показано в работах [10, 11], учет неформальных взаимодействий показывает, что в реальных организациях дополнение иерархической формальной структуры неформальной сетью коммуникаций наиболее часто приводит к формированию гибридного типа организации.

Моделирование изменения внешней среды производилось путем подачи одному из агентов, стоящих на вершине иерархической структуры организации, постоянного внешнего сигнала. Мы рассматривали систему без обучения, то есть каждый агент, кроме первоначально иницируемого, мог изменить свое состояние, как на адекватное состоянию внешней среды, так и в противоположном направлении. Память системы моделировалась путем учета при выборе следующего состояния, как текущего значения состояний связанных агентов, так и их прошлых состояний. Были рассмотрены варианты увеличения памяти системы до 5 шагов моделирования (в рамках нашего исследования это очень существенная величина, сравнимая со временем переключения системы в целом). Для каждого из вариантов поведение системы рассматривалось при изменении параметра, определяющего адаптационные возможности отдельного агента.

Результаты моделирования показывают, что рост адаптационных возможностей агента приводит к существенному увеличению организационной эффективности. При этом существует предельное значение адаптационного параметра, ниже которого система не приходит к стационарному состоянию, оставаясь в ситуации, когда только отдельные организационные единицы адаптировались к изменению внешних условий. Рост организационной эффективности при росте адаптационных возможностей отдельных агентов особенно существенен при средних стартовых значениях этого параметра. При больших значениях адаптационного параметра (в нашем моделировании больше 7) рост адаптационного параметра практически не влияет на организационную эффективность. В связи с этим практической рекомендацией является проведение мероприятий, направленных на повышение среднего уровня эффективности отдельных сотрудников, особенно обладающих низким уровнем подготовки.

Естественное стремление отдельного сотрудника учитывать прошлое состояние системы при принятии решения об адаптации к внешним изменениям негативно сказывается на организационной эффективности, поскольку полезная информация, поступающая от других сотрудников, дополняется негативно влияющей информацией о прошлом состоянии системы [9]. Отметим, что воздействие памяти системы является значительным для любых показателей адаптационного параметра агента и может приводить к двукратному росту времени адаптации системы в целом. В связи с этим практической рекомендацией является проведе-

ние мероприятий, направленных на подготовку сотрудников к изменениям во внешней среде вне зависимости от их текущей подготовки.

Заключение.

Анализ модели организации, характерной для транспортных компаний, входящих в состав агропродовольственного комплекса, показывает, что за счет организационных изменений, обучения сотрудников, их подготовки к изменениям возможно существенное (до двух раз) повышение организационной эффективности.

Список литературы:

1. Quinn R., Rohrbaugh J. A Competing Values Approach to Organizational Effectiveness // *Public Productivity Review*. — June 1981. — V. 5, N 2. — pp. 122–140.
2. Yu T., Wu N. A Review of Study on the Competing Values Framework // *Int. J. of Business and Management*. — June 2009. — V. 4, N 7. — Pp. 37–42.
3. Штомпка П. Доверие — основа общества. — М.: ЛОГОС, 2012. — 441 с.
4. Дергунов Е.И. Управление внутриорганизационными взаимодействиями как ключ к эффективной работе компаний // *Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции «Наука нового времени: сохраняя прошлое — создаем будущее»*. — СПб.: КультИнформПресс, 2017. — 426 с. — С. 248, 249.
5. Письменная А.Б. Влияние неформализованных внутриорганизационных взаимодействий на эффективность работы различных компаний // *Аграрный научный журнал*. — 2015. — № 8. — С. 87–90.
6. Бестемьянова А.А., Власюк Г.В. К вопросу о конкурентоспособности инновационных предприятий // *Инновации и инвестиции*. — 2014. — № 4. — С. 32–37.
7. Иванов Я.Г., Новосельцева Е.В. Анализ возможностей повышения эффективности за счет внутриорганизационных изменений на примере структурного подразделения ОАО «РЖД» // *Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции «Инновации в формировании стратегического вектора развития фундаментальных и прикладных научных исследований»*. — СПб.: КультИнформПресс, 2015. — 260 с. — С. 174–177.
8. Дергунов Е.И. Управление организационной структурой и культурой операторской компании для ее эффективной адаптации к изменениям внешней среды // *Сборник научных статей по итогам I Национальной научно-практической конференции «Современные технологии управления транспортным комплексом России: инновации, эффективность, результативность»*. — М.: РУТ (МИИТ), 2018. — 258 с. — С. 62–66.
9. Письменная А.Б. Анализ адаптационных возможностей организации в изменяющейся внешней среде // *Региональные агросистемы: экономика и социология: Ежегодник*. — 2018. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iagpran.ru/journal.php?tid=611>.
10. Власюк Г.В., Иванов Я.Г. Построение эффективных внутренних связей как основа конкурентоспособности организации // *Образование и наука*. — 2014. — № 5. — С. 257–262.
11. Власюк Г.В. Социальные навыки как резерв организационной эффективности // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2015. — № 5–6. — С. 63–70.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Иваненко И.С., к.э.н., ИАГП РАН

В статье рассматриваются основные организационно-экономические механизмы развития интеграции в агропродовольственном комплексе России. Анализируется взаимодействие различных субъектов хозяйственной деятельности. Выявлена автономность развития К(Ф)Х и личных подсобных хозяйств населения от других хозяйственных укладов, что контрастирует с мировой практикой контрактации крупных агрофирм и фермерских хозяйств. Дана оценка изменения структуры поголовья сельскохозяйственных животных по категориям хозяйств. Выявлено, что сельскохозяйственные субъекты малого предпринимательства слабо или ненадежно встроены в продовольственные цепочки, что снижает их конкурентоспособность, формирует негативные факторы хозяйствования. Доказана необходимость формирования модели эффективного взаимодействия крупных и малых форм хозяйствования, которая позволит реализовать синергетический эффект от мер поддержки. Реализация данной модели снизит социальную напряженность в сельских территориях и обеспечит рост занятости населения.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, сельскохозяйственные предприятия, малые формы хозяйствования, животноводство, интеграция

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAaP RAS

The article discusses the main organizational and economic mechanisms for the development of integration in the agricultural sector of Russia. The interaction of various business entities is analyzed. The autonomy of the development of peasant farm economies and personal subsidiary farms of the population from other household structures is revealed, which contrasts with the world practice of contracting large agricultural firms and farms. An assessment of changes in the structure of livestock of farm animals by farm categories is given. It was revealed that agricultural entities of small business are weakly or unreliably integrated into food chains, which reduces their competitiveness and forms negative economic factors. The necessity of forming a model of effective interaction between large and small forms of management, which will allow realizing the synergistic effect of support measures, is proved. The implementation of this model will reduce social tension in rural areas and ensure the growth of employment.

Key words: agro-food complex, agricultural enterprises, small forms of management, livestock breeding, integration

Введение.

В агропродовольственном комплексе России в девяностые годы с ликвидацией плановой экономики начался новый этап, связанный с формированием рыночных организационно-экономических отношений. Эти тенденции привели к снижению основных показателей в отраслях сельского хозяйства (посевные площади, поголовье сельскохозяйственных животных, производство молока и мясopодуlктов и др.), массовым банкротством и ликвидации сельскохозяйственных предприятий, снижению уровня и качества жизни населения. Современное состояние производства сельскохозяйственной продукции характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, валовой продукт производителей приблизился, а в некоторых отраслях и превысил валовой продукт 1990 г. в физическом выражении. Это свидетельствует о постепенном восстановлении отраслей агропродовольственного комплекса после периода активных рыночных реформ. Одновременно наблюдаются и негативные факторы, представляющие угрозу для стабильного и долгосрочного развития агропродо-

вольственного комплекса. К таким факторам относятся: вывод земель из сельскохозяйственного оборота, снижение поголовья крупного рогатого скота, незаселенность сельских территорий, высокая зависимость страны от импорта некоторых ключевых продуктов питания.

В современных условиях задачи обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, импортозамещения основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, устойчивого развития сельских территорий требуют качественного улучшения сложившейся системы управления. Успешная реализация данного подхода не может быть достигнута без формирования институциональной среды, обеспечивающей эффективную внутриотраслевую, межотраслевую интеграцию и производственную специализацию. В настоящее время интеграция становится важнейшей основой структуризации экономики, обеспечивая взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности. В то же время потенциал интеграционных процессов в аграрном секторе реализован не в полном объеме, так как в него слабо включены малые формы хозяйствования.

Методы исследования.

В результате исследования использованы методы анализа и синтеза, индукции, дедукции, абстрактный, логический и экономико-статистический. Информационную базу исследования составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за период с 1990 по 2018 годы.

Результаты исследования.

В конце 90-х годов в аграрном секторе усилилась тенденция укрупнения хозяйств через формирование агрохолдингов. Созданные вертикально интегрированные структуры (агрохолдинги) позволили обеспечить рост производства сельскохозяйственной продукции: мяса, молока, зерна. Однако крупные хозяйственные олигополистические структуры, как формы несовершенной конкуренции, вытесняют с рынка мелких производителей. Между тем, мелкотоварный сектор экономики в сельском хозяйстве занимает существенную долю, так как каждая сельская семья традиционно имеет свое подсобное хозяйство, которое обеспечивает как личные потребности, так и готово производить излишки для реализации на рынке [1]. В настоящее время в России 32 % продукции производится в хозяйствах населения, а еще 12 % в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Отсутствие механизмов вовлечения малого бизнеса в надежные вертикальные продовольственные цепочки не дает ему шанса на развитие, что ведет к замедлению развития сельского хозяйства и сельских территорий в целом [2].

В сложившихся условиях крестьянские (фермерские) и личные подсобные хозяйства испытывают значительные трудности в продвижении и сбыте сельскохозяйственной продукции собственного производства на рынке. Низкие финансовые возможности малых форм хозяйствования не позволяют обеспечить стабильный результат экономической деятельности. Усугубляют негативные тенденции проблемы, связанные с особенностями сельскохозяйственного производства, основная из которых – высокая зависимость от погодных условий. Крупные фирмы могут справиться с этой проблемой за счет диверсификации и масштабов производства, малые же формы хозяйствования лишены этой возможности, что увеличивает риски производства.

Одной из проблем развития агропродовольственного комплекса страны является отставание темпов роста производства сельскохозяйственного сырья от темпов роста пищевой промышленности. Следствием слабости сырьевой базы стало усиление зависимости продовольственной системы от конъюнктуры мирового рынка и проводимой таможенно-тарифной политики. Особенно значим этот фактор для мясной и молочной промышленности России. Стабильность рынка молочной и мясной продукции обеспечивается, преимущественно, благодаря высокой доле на нем импорта. По отдельным продуктам сохраняется угроза продовольственной независимости (говядина, масло животное, сыры, сухое молоко и сливки).

Анализ структуры поголовья животных по категориям хозяйств показал, что отрасли животноводства имеет разнонаправленную динамику. Удельный вес поголовья крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях с 1990 по 2018 гг. уменьшился с 82,7 % до 44,8 % (рис. 1) [3]. За исследуемый период совокупная доля поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения и К(Ф)Х возросла с 17,3 до 55,2 %.

Рисунок 1 -Динамика структуры поголовья КРС по категориям хозяйств, в %

Поголовье коров в хозяйствах всех категорий в 1990 году составляло 20,6 млн. голов, что в 2,5 раза выше показателя 2018 года (8,2 млн. голов). Удельный вес поголовья коров в сельскохозяйственных организациях за анализируемый период уменьшился с 74,5 % до 41,3 % (рис. 2). В 1990 году доля поголовья коров в хозяйствах населения составляла 25,5% от общего уровня поголовья хозяйств всех категорий, но в 2018 году она существенно увеличилась и составила 42,3 %, превысив долю поголовья в сельскохозяйственных организациях. С 1990 по 2018 годы доля поголовья коров в хозяйствах населения и К(Ф)Х возросла с 25,8 % до 58,7 %. Анализ динамики численности и структуры поголовья в различных типах хозяйств России показал, что основное поголовье коров и крупного рогатого скота содержится в хозяйствах населения. Создание семейных молочно-товарных ферм в последние годы является инвестиционно привлекательным бизнесом.

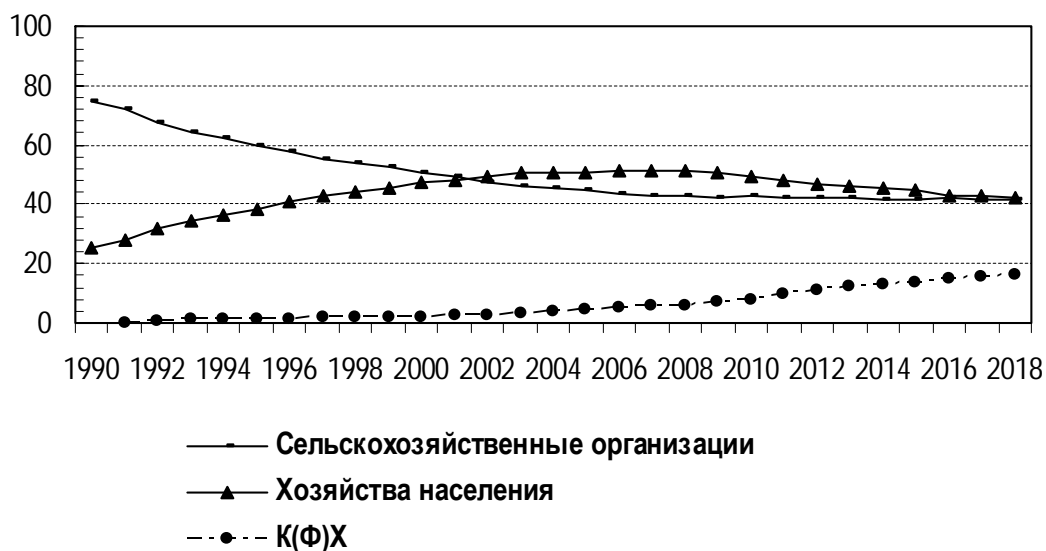

Рисунок 2 - Динамика структуры поголовья коров по категориям хозяйств, в %

Деление на промышленный и непромышленный сектор в молочном животноводстве России весьма условно. Так, в отдельных хозяйствах населения может содержаться достаточно большее по численности голов стадо, чем в некоторых крестьянско-фермерских хозяйствах или сельскохозяйственных организациях. За анализируемый период в России в два

раза повысилась эффективность производства молока. Средние надои на 1 корову в 2017 году достигли 4,4 тонны против 2,5 тонны в 1990 году.

В ТОП-10 регионов с наибольшей численностью коров входят: Республика Дагестан с долей в общем поголовье коров в России 5,9%, Республика Башкортостан - 5,2%, Республика Татарстан - 4,3%, Алтайский край - 4,2%, Республика Калмыкия - 3,9%, Ростовская область - 3,5%, Оренбургская область - 3,0%, Краснодарский край - 2,6%, Брянская область - 2,4%, Новосибирская область - 2,3%. Суммарно их доля составляет 37,3% от общего поголовья коров в России. Доля ТОП-20 регионов составляла 57,6%. Таким образом, в молочном животноводстве РФ нет ярко выраженной региональной концентрации.

В России существуют возможности для ускоренного развития мясного скотоводства. Положительной региональной практикой и примером для дальнейшего тиражирования в других субъектах Российской Федерации является Томская модель развития мясной отрасли [4]. Модель основана на кооперации крупных и мелких хозяйств вокруг предприятия-интегратора. Томская область одна из первых, где в 2016 году была поставлена задача развития сельских территорий на базе мясного скотоводства. В 2017 году была принята региональная концепция по развитию мясного скотоводства через кооперационную, кластерную модель, разработанную Национальным союзом производителей говядины. Проект направлен на развитие сельских территорий на севере региона, вовлечение в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, наращивание поголовья крупного рогатого скота [5]. Реализация проекта позволит Томской области к 2025 году полностью обеспечивать себя говядиной, увеличить в полтора раза количество фермеров, занимающихся мясным скотоводством. Регион готов к реализации модели: есть инвестиционный капитал, экологически чистые пастбища, стартовое поголовье, пополнившееся быками галловейской мясной породы, и хозяйства, готовые подключиться к проекту. Региональные власти в течение двух лет совместно с отраслевым союзом, фермерами и интегратором разрабатывали модель мясного скотоводства. На мясное скотоводство планируется выделить 65 % федеральных средств, которые выделяется Томской области на фермерскую кооперацию. В 2018 году создан проектный офис реализации концепции, появились обучающие программы для фермеров.

В 2018 году Республика Башкирия, изучив концепцию Томской области, разработала и утвердила Республиканскую Программу развития фермерства и сельских территорий. Кластерная модель ставит перед собой задачу развития фермерства в системе кооперации с целью создания прочной экономической основы для развития сельских территорий.

По нашему мнению, одним из возможных вариантов повышения эффективности отраслей агропродовольственного комплекса является увеличение числа крестьянских (фермерских) хозяйств, интегрированных с более крупным бизнесом. В западной практике существует два типа фермеров. Самостоятельные фермеры, объединенные, как правило, с такими же свободными предпринимателями в кооператив, реализующие свою продукцию на продовольственном рынке. И фермеры, связанные с крупными компаниями, которые фактически «контрактуют» их. Крупные компании заказывают и выкупают у фермера продукцию по заранее оговоренной формуле определения цены. От этой связи фермер получает выгоды: обеспечение средствами производства, технологическая поддержка, сервисное сопровождение, выкуп продукции и т. п. В России с начала зарождения фермерского движения более известен первый тип фермера, а второй тип практически отсутствует.

Наибольшую долю в общем поголовье свиней имеют сельскохозяйственные организации, она варьируется от 81,5% в 1990 г. до 87,8 % в 2018 г. (рис. 3). Удельный вес поголовья свиней в хозяйствах населения за анализируемый период имел разнонаправленную динамику. В 1990 году доля поголовья свиней в хозяйствах населения составляла 18,5 % от общего уровня поголовья в хозяйствах всех категорий. В 1998 г. она существенно увеличилась и составила 42,9 %, практически достигнув доли поголовья в сельскохозяйственных организациях. С 2005 года наблюдается тенденция изменения структуры поголовья свиней. Так, если в 2005 году доля поголовья свиней в хозяйствах населения составила 31,6 %, то в 2018 году она снизилась и составила всего 10,6 % от общего уровня поголовья в хозяйствах всех кате-

горий. Совокупная доля поголовья свиней в хозяйствах населения и К(Ф)Х составила в 2018 году 12,2 % (рис. 3).

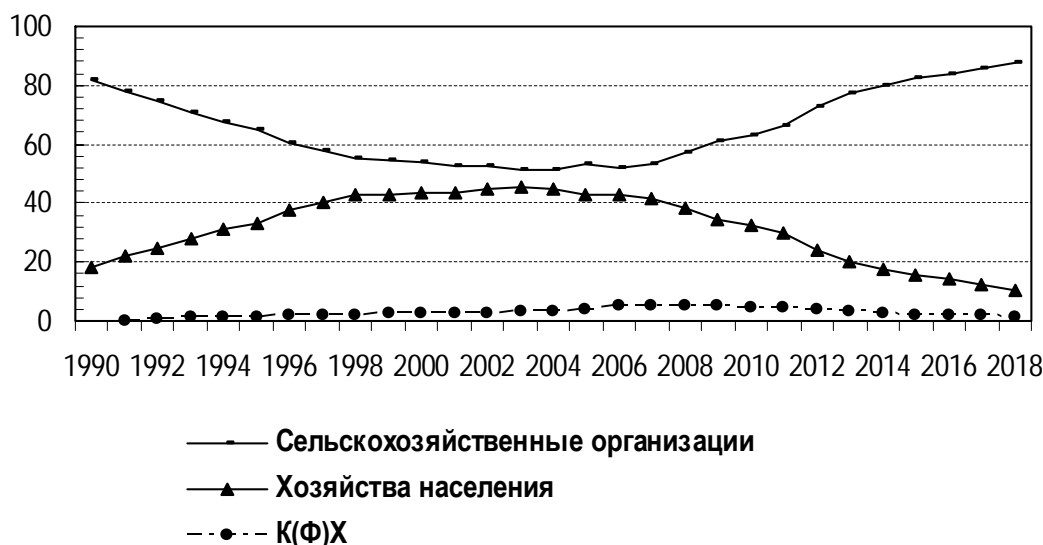

Рисунок 3 - Динамика структуры поголовья свиней по категориям хозяйств, в %

В 2018 году было произведено 3,1 млн. тонн свинины в сельскохозяйственных организациях, что по сравнению с показателем 2017 годом выше на 8%. Основная доля производства приходится на шесть крупнейших компаний отрасли. По итогам 2018 года их доля составила 37% от общего объема промышленного производства свинины, что эквивалентно 1,4 млн. тонн. При этом показатели производства крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств неуклонно снижаются. Совокупная доля данной категории хозяйств в производстве свинины сократилась с 25 % в 2014 г. до 15 % в 2018 г. ввиду низкой конкурентоспособности. В 2019 г. тенденция сокращения производства свинины в ЛПХ и КФХ продолжилась, а крупные производители продолжают увеличивать производственные мощности реализуемых проектов по выращиванию свиней.

Структура поголовья птицы повторяет тенденцию структуры поголовья свиней. До реализации государственных программ и национальных проектов структура поголовья оставалась относительно устойчивой. В 2000-е гг. государством в качестве приоритетных задач были определены развитие агропродовольственного комплекса и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции. Одной из целевых установок приоритетного проекта «Развитие АПК» являлось ускоренное развитие животноводства. Реализация национальных проектов в агропродовольственном комплексе обеспечила успехи в отраслях птицеводства и свиноводства.

Наибольшую долю в общем поголовье птицы имеют сельскохозяйственные организации, она варьируется от 70,0 % в 1990 г. до 83,0 % - в 2018 г. Доля хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств в структуре общего поголовья птиц в последние годы сокращается. В хозяйствах населения за период с 2000 по 2018 гг. удельный вес поголовья птицы снизился с 39,2 до 15,3 % (рис. 4).

С 2008 года объемы производства мяса птицы увеличиваются, ежегодные темпы прироста составляют в среднем от 3 % до 6 %. Основными производителями мяса птицы в России являются сельскохозяйственные организации. В 2018 году их доля в общем объеме производства составила 92,5%. Согласно данным Росстата, в 2018 году объем производства мяса птицы (на убой в живом весе) в хозяйствах всех категориях составил 6,7 млн. тонн, что на 1,2% выше показателя 2017 года. За пять лет рост производства мяса птицы составил 20 % или 1,1 млн. тонн мяса птицы на убой в живом весе.

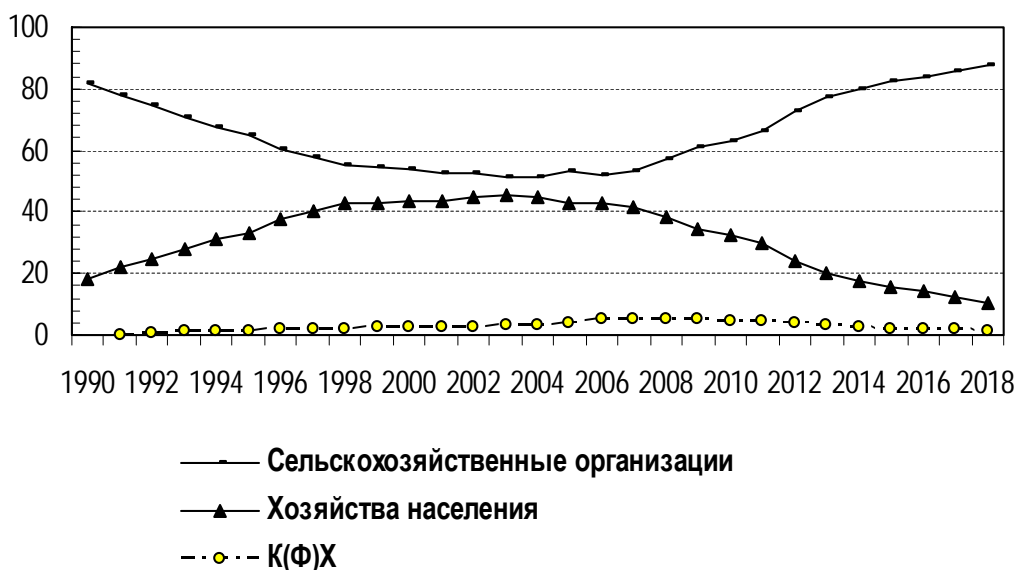

Рисунок 4 - Динамика структуры поголовья птицы по категориям хозяйств, в %

На отечественном рынке мяса и мясопродуктов самая жесткая конкуренция сложилась в птицеводстве, под ее влиянием происходит естественный процесс постепенной концентрации производства, хотя по сравнению с Бразилией, США или Европой доля ведущих игроков пока недостаточно высокая. Доля производства крупнейшие компании в России составляет от 10 до 12 %, а доля других производителей, входящих в топ-20, не превышает 2-3 % [6]. Поэтому в отрасли неизбежен процесс дальнейших слияний и поглощений с увеличением доли лидеров.

Реализация долгосрочных государственных программ по развитию отрасли, включающая ограничение импорта готовой продукции (тарифное регулирование, введение квот) и интенсивное развитие внутреннего производства (поддержка сельхозпроизводителей и производителей средств производства посредством многочисленных профильных целевых программ, главным образом через льготное кредитование проектов) дала возможность отечественным производителям увеличить производство мяса птицы. При этом рост произошел за счет увеличения объема производства сельскохозяйственных организаций (агрохолдингов), а доля мелкотоварных производителей существенно не изменилась и составляет около 350 тыс. тонн в год.

Процесс трансформации в России проходит в сложных, противоречивых социально-экономических и институциональных условиях, ориентируясь на олигополистическую модель, в которой преобладают агрохолдинговые структуры латифундистского типа и крупные торговые сети. Интегрированные агропромышленные формирования характеризуются разнообразным составом участников, видом деятельности, различными формами собственности и механизмами регулирования. Однако проблема организационно-экономического взаимодействия интегрированных структур и мелких хозяйств в агропродовольственном комплексе требует комплексного подхода для решения вопросов правового обеспечения деятельности структур холдингового типа, совершенствования организационно-управленческого построения структур, формирования экономического механизма взаимоотношений и т.д.

В птицеводстве агрохолдинги строятся по технологической цепочке. Построение замкнутой вертикально-интегрированной цепочки производства обеспечивает агрохолдингу высокое качество конечной продукции и высокую рентабельность бизнеса за счет снижения транзакционных издержек на каждом этапе создания добавленной стоимости продукции. Агрохолдинги работают преимущественно на расширение объемов производства и удовлетворение массового спроса. После насыщения внутреннего рынка мяса птицы за счет роста количественных показателей производства следующим этапом развития отрасли может стать

качественная диверсификация производимого товарного ассортимента, развитие сегмента мелкотоварного птицеводства, выход на мировые рынки [7].

Крестьянские (фермерские) хозяйства способствуют более сильной социально-экономической мотивации к эффективному труду, повышению использования имеющихся природных, экономических, материальных, технических и трудовых ресурсов и удовлетворению потребности населения в продуктах питания.

Тенденции развития отраслей животноводства показывают, что сельскохозяйственные субъекты малого предпринимательства слабо или ненадежно встроены в продовольственные цепочки, сталкиваются с несправедливыми условиями рыночного обмена, монополизмом заготовителей и переработчиков, недостаточной государственной поддержкой.

Малый бизнес обеспечивает устойчивость сельскохозяйственного производства в экстремальные периоды, создает рабочие места, предотвращает деградацию земель и исчезновение сельских поселений. Сферой деятельности среднего и малого бизнеса преимущественно является модернизация и налаживание производства новых видов продукции и услуг или таких видов продукции и услуг, для производства которых требуется постоянный творческий подход, приспособление технологии и организации дела к меняющимся условиям (например, к меняющимся погодным условиям в сельском хозяйстве, к меняющимся вкусам и настроениям потребителей в сфере услуг и т.д.)

Принята ведомственная программа «Развитие птицеводства в Российской Федерации на 2013–2020 годы», в соответствии с которой в стране объем производства мяса птицы в 2020 году должен достигнуть 4,5 млн. тонн. Согласно целевым параметрам экспорт продукции должен увеличиться до 400 тыс. тонн к 2020 году. Для этого предполагается на предприятиях отрасли при производстве мяса увеличить среднесуточные приросты бройлеров с 51 до 60 г при уменьшении затрат кормов с 1,83 до 1,6 кг на 1 кг прироста живой массы. Основным принципом реализации Концепции является наращивание объемов производства на основе кооперации птицеводческих предприятий с личными подсобными хозяйствами и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами для снижения уровня затрат и повышения качества производимой продукции в отрасли птицеводства.

Срок действующей госпрограммы развития сельского хозяйства (2013-2020 гг.) был продлен до 2025 года. В нее включены федеральные проекты "Развитие экспорта продукции АПК", "Цифровизация сельского хозяйства" и "Создание системы поддержки фермеров и сельскохозяйственной кооперации".

Принятие в августе 2018 г. Федерального закона N 280 ФЗ «Об органической продукции» [8] открывает новые возможности для развития непромышленного (экстенсивного) птицеводства. Речь идет не только о модели органического производства, являющейся адаптацией технологий, активно применяемых в США и Западноевропейских странах. Такой прецедент разграничения технологий промышленного и непромышленного товарного птицеводства на уровне федерального законодательства создает предпосылки для появления в будущем федеральных и национальных (региональных) стандартов производства, что позволит российским птицеводам предложить альтернативную продукцию с меньшей себестоимостью.

С точки зрения макроэкономики, основные изменения в этой связи коснутся производственной инфраструктуры, парка основных фондов, возрастет спрос на медленно растущие кроссы, альтернативные кормовые рецептуры. Можно прогнозировать развитие новых форм хозяйствующих субъектов – сельскохозяйственных кооперативов, небольших товарных ферм и др. Очевидно, что инфраструктура птицеводства, созданная в России за последние 15 лет, отвечает задачам именно промышленного производства. Вместе с тем, согласно п. 6.5. ГОСТа 33980-2016 «ПРОДУКЦИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. Правила производства, переработки, маркировки и реализации», регламентирующего условия содержания птицы, «...площадь на одну птицу должна быть не менее 0.1 м²», при этом «...в каждом птичнике должно содержаться не более 4800 цыплят», «содержание в клетках не допускается», «общая полезная площадь птичников для производства мяса в отдельном производственном подразделении должна быть не более 1600 м²», «минимальный убойный возраст для

кур составляет 81 день». Эти данные свидетельствуют о необходимости формирования на федеральном уровне новых рынков средств производства - основных и оборотных фондов, технологий, профильных информационных ресурсов (как для производителей, так и для потребителей) с целью обеспечения эффективной работы всей логистической цепочки товародвижения органической продукции.

В современных рыночных условиях крайне важным является многообразие, синергетическое сосуществование разных форм хозяйствования, обеспечивающее качественную диверсификацию производимого товарного ассортимента, формирование товарного предложения для всех ценовых сегментов рынка (премиальный, средний, низкоценовой) и максимальную востребованность продуктов, как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Учитывая, что по технико-технологическим и организационно-экономическим параметрам птицефабрики как основные интеграторы наиболее приближены к переходу на региональные кластеры, возникает необходимость в реализации задач подготовительного характера. Прежде всего, это создание зоны единого экономического взаимодействия в целом на продовольственном рынке. Это будет способствовать формированию регионального кластера, сглаживанию внутрорегиональной конкурентной борьбы, ориентации национальных товаропроизводителей на противостояние импортируемой продукции. Появляется возможность развивать аграрную кооперацию, аккумулировать средства на технической модернизации сельского хозяйства на инновационной основе. Придерживаясь принципов кластеризации, можно обеспечить гармоничное развитие всех структурных составляющих этого интеграционного формирования.

Заключение.

Проблема повышения конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства актуализируется в связи с глобальными экономическими кризисами, с одной стороны, и объявленными Россией экономическими и политическими санкциями – с другой. В этих условиях многократно возрастает роль государственной поддержки как сельского хозяйства в целом, так и отдельных отраслей и подкомплексов, в частности. При этом речь идет не только о финансовой поддержке, что очень важно в современных условиях, а также об институциональной поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей, создании необходимых экономических условий и механизмов, направленных на сохранение и укрепление конкурентных преимуществ отечественного сельского хозяйства.

Сельскохозяйственные субъекты малого предпринимательства слабо или ненадежно встроены в продовольственные цепочки. Они сталкиваются с несправедливыми условиями рыночного обмена, монополизмом заготовителей и переработчиков, диктатом банков, недостаточной государственной поддержкой.

Модель эффективного взаимодействия крупных и малых форм хозяйствования позволит насытить потребительский рынок продукцией отечественного производства, стимулирует развитие фермерства и повысит рентабельность предприятий аграрного сектора.

Реализация данной модели предполагает синергетический эффект от корректно собранных мер поддержки и возможность контроля над всеми параметрами отрасли. Реализация модели снизит социальную напряженность в сельских территориях и обеспечит рост занятости населения. Конечной целью реализации такой модели является обеспечение продовольственной безопасности, рациональное использование имеющихся ресурсов, формирование эффективных каналов товародвижения и получение прибыли, достаточной для расширенного воспроизводства во всей продовольственной цепочке, включая экспорт.

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. - 2016 - №5
2. Шагойда Н.И. Институциональная перестройка сельского хозяйства произошла: куда двигаться дальше? // *КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ*. - · 2019. - · ТОМ 4. - · №1.
3. Поголовье сельскохозяйственных животных по категориям хозяйств . – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325>

4. Минсельхоз РФ одобрил концепцию развития мясного скотоводства в Томской области. – URL: <https://depagro.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/>
5. Меры государственной поддержки, как необходимый инструмент развития сельских территорий на базе мясного скотоводства, в параметрах отраслевой кооперации и развития новой экономической модели, в том числе учитывая зарубежный опыт// Национальный союз производителей говядины, 2018г.
6. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/30208-top-25-rossiyskikh-proizvoditeley-/>
7. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Оценка и перспективы развития экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2018. - № 5 (365). - С. 73-77.
8. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ "Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации"/ - URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1211171/>

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ ОВОЩЕВОДСТВА

Холодова М.А., к.э.н., ВНИИЭиН - филиал ФГБНУ ФРАНЦ

В работе изложены основные тенденции развития отечественного рынка овощей в условиях реализации политики импортозамещения. На основе методов экономико-математического моделирования разработана и обоснована аграрная структура развития отрасли на среднесрочную перспективу до 2025 г. по федеральным округам страны. Информационно-аналитической основой прогнозных расчетов послужила оценка тенденций развития сельхозтоваропроизводителей России за период 2007-2017 гг. Прогнозные расчеты проводились с использованием программных продуктов FAR-AREA, 4.0. Разработаны и обоснованы прогнозные сценарии производства овощей на душу населения в РФ на период до 2025 г.: базовый, оптимистический и пессимистический.

Ключевые слова: овощеводство, импортозамещение, продовольственная обеспеченность, методы экономико-математического моделирования, прогнозные сценарии, структура производства.

FEATURES OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN VEGETABLE INDUSTRY

Kholodova M.A., candidate of economic sciences,
All-Russian research Institute of Economics and standards –
branch of FEDERAL state budgetary FRANZ

The article outlines the main trends in the development of the domestic vegetable market under the conditions of the implementation of the import substitution policy. Based on the methods of economic and mathematical modeling, an agrarian structure for the development of the industry for the medium term until 2025 in the federal districts of the country is developed and justified. An informational and analytical basis for forecast calculations was the assessment of development trends of agricultural producers in Russia for 2007-2017. Predictive calculations were carried out using FAR-AREA, 4.0 software products. The forecast scenarios of the production of vegetables per capita in the Russian Federation up to 2025 were developed and justified: basic, optimistic and pessimistic.

Key words: vegetable growing, import substitution, food security, methods of economic and mathematical modeling, forecast scenarios, production structure.

Введение.

В современной аграрной политике России, вектор которой направлен на реализацию экспортно-ориентированной стратегии развития АПК, одним из приоритетных направлений является обеспечение продовольственной безопасности страны. Без надежного продовольственного снабжения населения государство не в состоянии в долгосрочной перспективе обеспечить повышение качества жизни и гарантировать высокие стандарты жизнеобеспечения: увеличить продолжительность жизни людей, улучшить здоровья нации и демографическую ситуацию в стране. Установлено, что качественные и количественные характеристики питания более чем на 70 % влияют на здоровье человека, когда как уровень медицинского обеспечения - на 20 %, а состояние окружающей среды - на 10 %.

Сложившиеся условия современной экономической реальности требуют безотлагательного решения стратегически важных задач в импортозамещающих отраслях сельскохозяйственного производства, где достигнуты установленные Доктриной продовольственной безопасности пороговые значения, но не выполняются задачи обеспечения физического и экономического доступа населения к продовольствию. Одной из таких отраслей является отечественная отрасль овощеводства закрытого и открытого грунта. Так, например, за пери-

од реализации политики импортозамещения в России потребление овощей в расчете на душу населения остается на 30% меньше рациональной нормы, тогда как уровень продовольственной независимости по овощам составил 97,1 % (по Доктрине не менее 80%).

Целью исследования является изучение особенностей развития отечественной отрасли овощеводства в условиях реализации политики импортозамещения.

Методика исследования.

В работе изложены основные тенденции развития отечественного рынка овощей в условиях реализации политики импортозамещения. На основе методов экономико-математического моделирования разработана и обоснована аграрная структура развития отрасли на среднесрочную перспективу до 2025 г. по федеральным округам страны. Информационно-аналитической основой прогнозных расчетов стала оценка тенденций развития сельхозтоваропроизводителей России за период 2007-2017 гг. Прогнозные расчеты проводились с использованием программных продуктов FAR-AREA, 4.0. Следует отметить, что одномерная экстраполяция временных динамических рядов, которая для сельскохозяйственного производства, в целом, и для отрасли растениеводства, в частности, описывается с помощью криволинейных зависимостей, не всегда может обеспечить достоверность прогнозируемых показателей, поэтому для оценки параметров тренда нами был проведен анализ различных криволинейных и прямолинейных зависимостей, характеризующих изучаемые экономические процессы и позволяющих предложить наиболее оптимальные результаты: уравнение прямой линии, логарифмическая, степенная, экспоненциальная виды кривых [1].

В качестве прогнозных показателей были выбраны: объем производства овощей различными категориями хозяйств (тыс. тонн); удельный вес производства овощей определенной категорией хозяйств в общем объеме всех категорий хозяйств по федеральным округам (%).

Результаты исследования.

Овощеводство в современной России является одной из приоритетных отраслей народного хозяйства. По состоянию на 1 января 2019 г. овощные и бахчевые культуры выращивались на площади 345 тыс. га, что составляло порядка 1 % от всех посевных площадей.

Исследования показали, что основные тенденции производства овощей в России формировались в условиях перехода всей национальной экономики на рыночные рельсы. Данный процесс характеризовался резким сокращением посевных площадей овощных культур в колхозах и совхозах (табл. 1).

В настоящее время 84,8 % овощей (10051 тыс. т) в России производится малыми формами хозяйствования, в том числе 63,7 % (7545 тыс. т) хозяйствами населения (табл. 2).

Таблица 1 - Структура посевных площадей овощей открытого и закрытого грунта России за 1990-2018 гг. по категориям хозяйств, %

Показатель	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2018 г.
Сельскохозяйственные организации	66,4	22,4	14,9	15,2	17,5
К(Ф)Х	0	4,6	12,6	14,8	16,9
Хозяйства населения	33,6	73	72,5	70	65,6

Источник: составлено по [2;3]

Таблица 2 - Динамика валового сбора овощей в России за 1990-2018 гг. по категориям хозяйств, тыс. т

Показатель	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2018 г.
Итого	9528	10312	10437	11552	11853
Сельскохозяйственные организации	6461	1966	1525	1863	2499
К(Ф)Х	0,1	294	1402	2051	2506
Хозяйства населения	3105	8084	7511	8179	7545

Источник: составлено по [2;3]

Современный этап развития отечественной отрасли овощеводства начался с реализацией политики продуктового эмбарго. Введение запрета на ввоз в Российскую Федерацию от-

дельных наименований сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран ЕС и ряда других государств, а так же эффективная политика государства по импортозамещению оказали положительное влияние не только на динамику роста уровня самообеспеченности основными видами продовольствия (рис. 1), но и стимулировали снижение степени зависимости от его импорта (табл. 3).

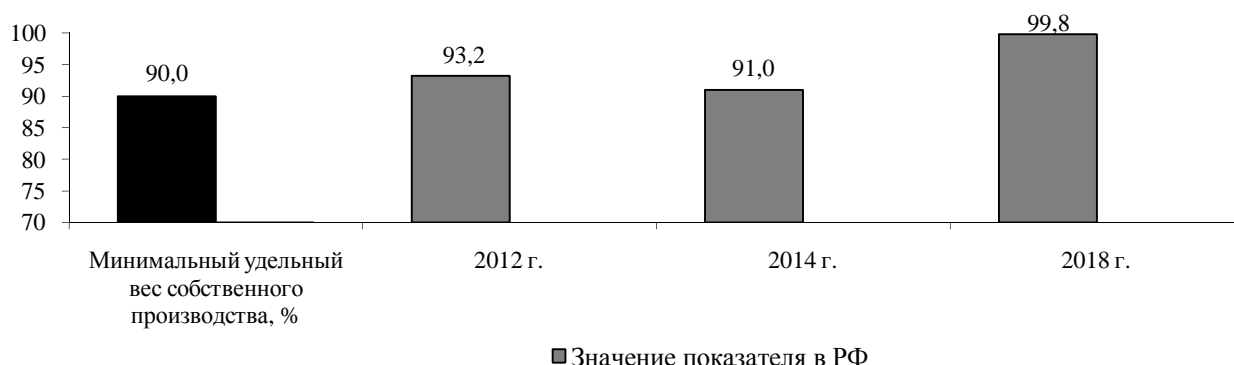

Рисунок 1 - Пороговое значение и объемы производства овощей в РФ за 2012-2018 г. (рассчитано на основе балансов продовольственных ресурсов)

Источник: составлено по [2]

Таблица 3 – Динамика импорта овощной продукции России за 2014-2017 гг.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2014 г., %
Картофель свежий или охлажденный	688	553	287	561	81,5
Томаты свежие или охлажденные	846	668	463	516	61,0
Лук, чеснок и прочие луковичные овощи, свежие или охлажденные	419	320	192	371	88,5

Источник: составлено по [2;3]

Позитивная динамика сокращения импорта овощей, наблюдаемая в последние годы, увеличивает шансы отечественных сельхозтоваропроизводителей занять освободившиеся ниши на внутреннем продовольственном рынке [4;5].

За исследуемый период 2014-2017 гг. выросла общая площадь теплиц в России (табл.4). Так, площадь зимних и летних теплиц увеличилась на 12,3% и 4,4 %.

Таблица 4 – Тенденции развития овощеводства защищенного грунта в сельскохозяйственных организациях

Показатель	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2014 г., %
Общая площадь теплиц, га:					
зимних теплиц	2012,0	2033,8	2142,8	2270,1	112,3
весенних теплиц	918,8	862,4	913,2	959,3	104,4
Урожайность овощей, кг/м ²					
зимних теплиц	29,6	32,0	34,2	36,9	124,7
весенних теплиц	7,4	7,0	8,4	8,6	116,2
Валовое производство тепличных овощей, тыс. т					
зимних теплиц	594,9	650,2	732,9	838,3	140,9
весенних теплиц	67,7	60,7	77,1	82,7	122,2

Источник: составлено по [6]

Улучшение ситуации, наблюдаемой в отечественного овощеводства, связано, прежде всего, с повышением инвестиционной активности в отрасли и увеличением доли государственной поддержки, выделенной на развитие овощеводства закрытого грунта в крупных аг-

рарных формированиях на инновационной основе, среди которых можно выделить: ООО «Овощи Черноземья» (Липецкой области), ООО «Солнечный дар» (Ставропольский край), ООО «Агрокультура групп» (Московская область), ООО «Тепличный комплекс Велес» (республика Адыгея), ООО «Донская усадьба» (Ростовская область) и другие.

Вместе с тем, в отечественной отрасли овощеводства остается нерешенным еще целый ряд проблем. Высокий уровень капиталоемкости отрасли, чрезмерная долговая нагрузка, являющаяся первопричиной закредитованности сельхозтоваропроизводителей, длительный срок окупаемости вложений, а также нестабильная макроэкономическая ситуация в стране не позволяют развиваться овощеводству в крупных аграрных формированиях на промышленной основе, исключая сезонность производства овощей [7;8;9;10].

В ходе исследования для определения прогнозных объемов производства овощей в различных категориях хозяйств России на период до 2025 г. (рис. 2) был использован целый ряд линейных и нелинейных трендовых моделей, а также произведен отбор наиболее достоверных результатов на основе нахождения наименьшего значения дисперсии. Расчеты показали, что к 2025 г. производство овощей в сельскохозяйственных организациях может увеличиться на 11,9 %, составив 3894,3 тыс. тонн, в К(Ф)Х – на 20,1% (до 3117 тыс. т), в хозяйствах населения – на 9,1% (до 11256,1 тыс. тонн) (рис.2).

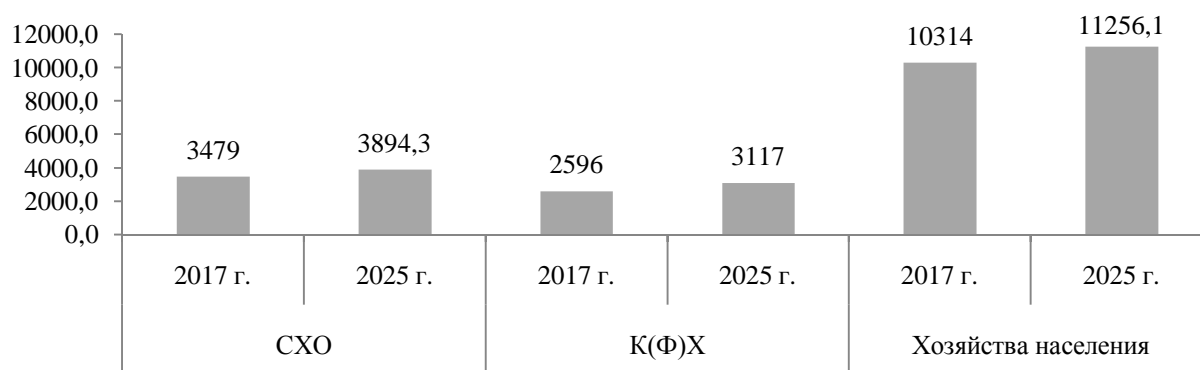

Рисунок 2 – Прогноз производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств в Российской Федерации в 2025 г.

Источник: авторские расчеты

При этом, согласно прогнозным расчетам в среднесрочной перспективе, аграрная структура производства овощей по-прежнему останется крайне неравномерной, и большая доля производства овощных культур в федеральных округах РФ останется за малым формам хозяйствования, в частности, хозяйствами населения (рис. 3).

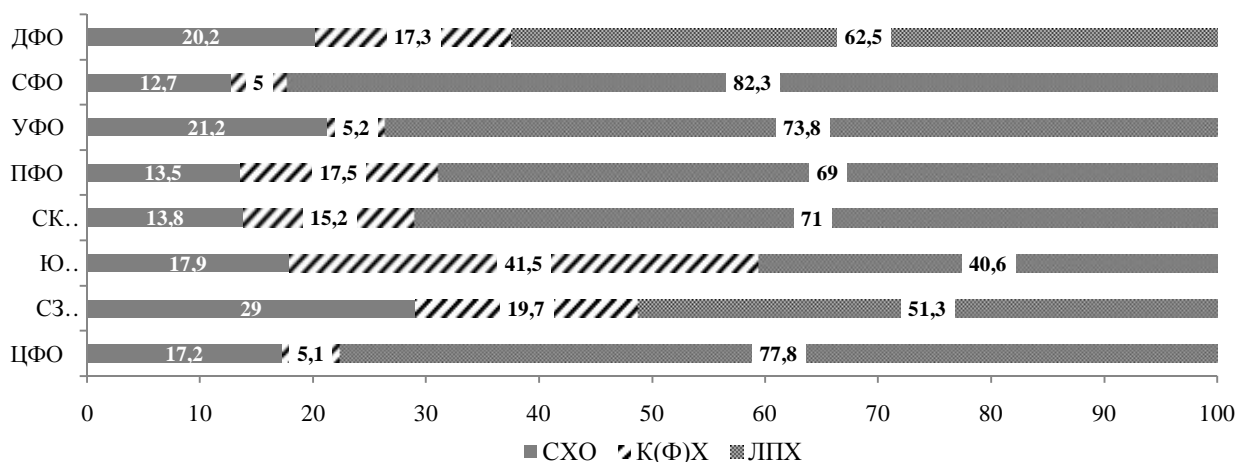

Рисунок 3 - Прогноз структуры производства овощей по категориям хозяйств в разрезе федеральных округов в РФ на 2025 г., %

Источник: авторские расчеты

Массовое производство овощей на индустриальной основе с использованием передовых технологий в крупных специализированных хозяйствах может составить 29 % в Северо-Западном ФО, 20,2 % - в Дальневосточном ФО, 21 % - в Уральском ФО, 17,9 % – в Южном ФО, 17,2 % - в Центральном ФО (рис. 3).

Для расчета объемов производства овощей в расчете на душу населения использовался метод сценарного прогнозирования, основу которого составили данные Росстата по прогнозной численности населения РФ на период до 2025 г. (рис. 4).

Согласно данным Росстата, к 2025 г. численность населения РФ по «*среднему варианту прогноза*» составит 146,6 млн. чел. (рисунок 3.4.10), по «*высокому варианту*» - 150,4 млн. чел., по «*низкому варианту*» - 144,2 млн. чел.

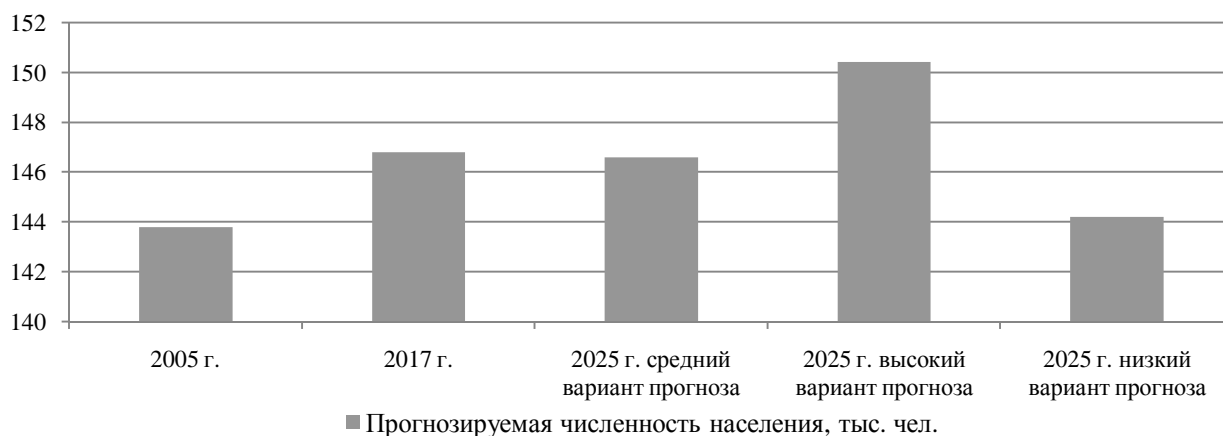

Рисунок 4 - Прогноз численности населения РФ до 2025 г., млн. чел.

Источник: составлено по [11]

Сравнивая результаты прогноза по производству продукции с научно-обоснованными рациональными нормами ее потребления, были выделены три основных варианта развития продовольственного самообеспечения в отечественной отрасли овощеводства:

I сценарий (базовой). В его основе лежит предположение, что численность населения РФ сохранится на уровне 2017 года. При этом условии способность сельского хозяйства обеспечить к 2025 году население страны овощами составит 89,3 % от рациональной нормы потребления.

II сценарий (оптимистический). Сценарий предусматривает положительную динамику роста численности населения страны со 146,8 млн. чел. в 2017 г. до 150,4 млн. чел. к 2025 г. (рост на 2,5 %). При таком развитии событий достижение уровня продовольственной самообеспеченности по овощам составит 86,8 % к норме.

III сценарий (пессимистический) основан на предположении, что численность населения РФ к 2025 году сократится до 144,2 млн. чел., что на 1,5 % ниже уровня 2017 г. Проведенные расчеты показывают, что в этом случае объем производства овощей в расчете на душу населения составит 90,5 % от нормы (таблица 5).

Таблица 5 - Прогноз производства овощей в расчете на душу населения в РФ в 2025 г.

Наименование показателя	Производство кг/чел/год	Прогноз производства продукции на душу населения на 2025 г.			Ср. норма потребления, кг/чел/год	Уровень продовольственного самообеспечения, в % к норме		
		2017 г.	I Базовый сценарий	II Оптим. сценарий		III Пессим. сценарий	I Базовый сценарий	II Оптим. сценарий
Овощи, кг	111,6	125	121,5	126,7	140	89,3	86,8	90,5

Примечание: авторские расчеты

Необходимо отметить, что во всех трех вариантах прогнозных сценариев уровень продовольственной самообеспеченности страны по овощам превышает уровень, установленный Доктриной продовольственной безопасности РФ (80%): по базовому сценарию – на 16,2 %; по оптимистическому – 13,5 %, по пессимистическому – 17,5 %.

Заключение.

Полученные прогнозные параметры развития рынка продовольствия до 2025 г. ориентированы на более полное удовлетворение потребности населения страны в овощах. Однако способность отечественной отрасли овощеводства в 2025 году повысить эффективность производства за счет применения современных достижений науки и техники в настоящее время вызывает обоснованные сомнения.

Список литературы:

1. Холодова М.А., Холодов О.А. Обоснование прогнозных сценариев развития мясо-продуктового подкомплекса АПК региона: монография. - пос. Персиановский : Донской-ГАУ.- 2009. - 171 с.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 30.08.2019 г.)
3. Агропромышленный комплекс России в 2017 г.: Инф. Справочник / Министерство сельского хозяйства России.- ФГБНУ «Росинформагротех». - 2018.- 549 с.
4. Першукевич П.М. Оценка уровня продовольственной безопасности населения Сибири // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2019. - № 6.-С. 2-7.
5. Агирбов Ю.И., Мухаметзянов Р.Р., Сторожев Д.В. Современное состояние и тенденции экспорта плодоовощной продукции в мире // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2019. - № 6. - С.56-63.
6. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы», М.: 2017. – 244 с.
7. Минаков И.А. Пути решения проблемы обеспечения населения страны овощной продукцией // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. -2018. - № 2. - С.16-21.
8. Дудин Н.М., Лясников Н.В., Санду И.С., Боговиз А.В. Политика импортозамещения – новый вектор развития российского агрокомплекса // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2017. - № 5. - С.25-27.
9. Ключач В.А., Аварский Н.Д., Осипов А.Н. Серегин С.Н. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. - М.: ФГБНУ «Всероссийский НИИ сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ). - 2015.- С.81-97.
10. Копеин В.В., Филимонова Е.А. Импортозамещение в сельском хозяйстве: оценки, проблемы и экономическая безопасность // Международный сельскохозяйственный журнал.- 2016. - № 3-1 (45). - С.31-34.
11. Предположительная численность населения РФ до 2035 г.: статистический бюллетень, Москва, 2018. - URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 30.08.2019).

АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена анализу содержания методических рекомендаций и пособий по созданию и организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов. По мнению автора, одной из причин неудовлетворительного развития кооперации в стране является то, что основная масса существующих методических источников не отражает сущностных основ данной формы. Данные издания освещают в основном технологическую сторону создания и организации деятельности кооперативных предприятий. В них, как правило, не содержится информации об особенностях и принципах организации внутрикооперативных отношений. Обоснованы меры по исправлению сложившейся ситуации с методическим обеспечением развития сельскохозяйственной кооперации потребительского типа.

Ключевые слова: сельскохозяйственная потребительская кооперация, методические рекомендации, анализ.

ANALYSIS OF THE METHODOLOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL CONSUMER COOPERATION

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to the analysis of the content of guidelines and manuals for the creation and organization of agricultural consumer cooperatives' activity. According to the author, one of the reasons for the unsatisfactory development of cooperation in the country is that the most part of the existing methodological sources does not reflect the essential foundations of this form. These publications mainly cover the technological side of the creation and organization of cooperative enterprises' activity. As a rule, they do not contain information about the features and principles of organizing intra-cooperative relations. Measures to correct the situation with methodological support for the development of agricultural consumer cooperation are justified.

Keywords: agricultural consumer cooperation, guidelines, analysis

Введение.

Вопреки ожиданиям, без малого четверть века становления сельскохозяйственной потребительской кооперации в России не сделали данную форму реальной силой, активно влияющей на решение проблемы обеспечения стабильного развития отечественного агропромышленного комплекса. В настоящее время кооперация играет малозаметную роль в формировании рыночной инфраструктуры аграрного производства. Удельный вес кооперативов в предоставлении услуг сельским товаропроизводителям в целом по стране "...находится на грани статистической различимости" [1, с. 15]. Более того, в последние годы количество прекративших существование кооперативов стало заметно превышать число вновь создаваемых, сокращается также численность их членов. Исходя из складывающейся ситуации, некоторыми чиновниками и отдельными учёными даже делается вывод о бесперспективности потребительской формы сельскохозяйственной кооперации для отечественной аграрной экономики.

Вместе с тем, преобладающей является точка зрения о большой значимости данной формы для сельских товаропроизводителей, число приверженцев которой существенно возросло после высказывания Президента РФ о необходимости её развития [2]. В настоящее время в научной аграрной среде активизировались исследования в области установления причин неудовлетворительного развития сельскохозяйственной кооперации и поиска путей их устранения. Основная часть публикаций посвящена определению эффективных мер государственной поддержки кооперативных организаций. Учитывая то, что до настоящего времени помощь государства кооперативам осуществлялась бессистемно и непоследовательно, актуальность данного направления исследований не вызывает сомнений. О значимой роли

государства в развитии сельскохозяйственной кооперации свидетельствует как исторический, так и современный опыт. Вместе с тем, малоизученным остаётся влияние факторов внутренней среды на обеспечение эффективного функционирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Жизнеспособность же кооператива определяется, в первую очередь, тем, как выстроена внутренняя организация его деятельности [3]. Исследования показывают, что причиной ликвидации многих кооперативных предприятий на современном этапе развития отечественного АПК является несоответствие характера внутрикрупных взаимоотношений сущностным основам данной организационно-правовой формы. Такое положение дел связано с низким уровнем понимания у сельских товаропроизводителей особенностей кооператива, что, в свою очередь, во многом вызвано слабостью методической базы. Предлагаемые методические рекомендации по созданию и организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов в основной своей массе не отражают многих нюансов организации их работы, а иногда и грешат положениями, входящими в противоречие с кооперативными ценностями и принципами.

Целью исследования является анализ и оценка методического обеспечения процессов создания и организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Материалы и методы исследования.

В процессе исследования использовались методы и приёмы: монографический, абстрактно-логический, системного и причинно-следственного анализа, сравнения и сопоставления, экспертных оценок. Теоретико-эмпирической основой исследования являются международные принципы кооперативной идентичности, правовые и нормативные акты, регламентирующие деятельность сельскохозяйственных потребительских кооперативов, методические рекомендации и научные публикации по теме.

Результаты исследования.

Во всех областях деятельности кооператива центральным звеном является человеческий фактор. Исторический опыт свидетельствует, что осознание и понимание преимуществ данной формы хозяйствования, ее специфичности и сущностных основ вырабатываются постепенно, по мере накопления необходимых знаний. Формированию кооперативного сознания у сельских товаропроизводителей в настоящее время способствуют обучающие семинары, проводимые консалтинговыми структурами, специальные курсы в высших и средних учебных заведениях сельскохозяйственного профиля, консультации квалифицированных специалистов, ознакомление с работой преуспевающих кооперативов. Значимость образования в кооперативном движении обозначена в Международных принципах кооперации, утверждённых на манчестерском конгрессе всемирной организации кооперативов – Международного кооперативного альянса (МКА) в 1995 году. Пятый принцип принятой данной организацией Декларации о кооперативной идентичности гласит: «Образование, обучение и предоставление информации». Один из бывших директоров МКА У.П. Уоткинс, рассуждая о значении обучения для кооперативов, говорил: «Есть утверждение о том, что кооператив является хозяйствующим субъектом, опирающимся на образовательную деятельность...» [4]. Для того, чтобы успешно осуществлять свои функции в условиях постоянно происходящих изменений во внешней среде, кооперативы должны изыскивать возможности для повышения образовательного уровня своих членов и наёмного персонала.

Одним из источников получения необходимых знаний, не требующих каких-либо серьёзных затрат (на проведение обучающих семинаров с приглашением квалифицированных, высокооплачиваемых специалистов, обращение к помощи консультационных структур и т.д.), является самостоятельный анализ руководством и членами кооперативов действующих нормативно-правовых актов и соответствующих методических рекомендаций, включая комментарии положений законов, указов и постановлений, регламентирующих кооперативную деятельность. Следование методическим рекомендациям высокого качества содержания, детально освещающим все важные стороны вопросов создания и функционирования сельскохозяйственных кооперативов, позволяет правильно организовать их деятельность и избежать многих неприятностей, возникающих в процессе работы.

Вместе с тем, анализ большого числа рекомендаций, пособий и комментариев, посвящённых сельскохозяйственной потребительской кооперации, даёт основание сделать вывод, что методическое обеспечение развития данной формы в основной своей массе оставляет желать лучшего. Главным недостатком многих данных изданий, по нашему мнению, является то, что они не направлены на формирование у сельских товаропроизводителей, работников кооперативов, просто сельских жителей правильного понимания сути формы сельскохозяйственного потребительского кооператива, некоммерческого характера его деятельности, а также кооперативных ценностей, традиций и принципов.

Фермеры и другие сельские товаропроизводители, принявшие решение об организации кооператива, должны чётко осознавать, что работа по его созданию должна начинаться не только со знакомства с законодательной базой, но и с обучения, с изучением лучших методических рекомендаций. Ткачи Рочдейла, организовавшие первое в истории человечества кооперативное предприятие (кооперативный магазин), действующее на подлинно кооперативных принципах (эти принципы положены в основу современных Международных принципов кооперации), ещё задолго до этого начали знакомиться с кооперативной идеологией. Основные знания они получили из лекций последователя идей считающегося сегодня классиком кооперации Р. Оуэна и социалиста Дж. Холиока. В дальнейшем образованное ткачами Рочдейлское общество справедливых пионеров постоянно занималось обучающей и просветительской деятельностью, ежегодно выделяя на эти цели 2 % от получаемой кооперативной прибыли. Кроме того, оно постоянно издавало методические брошюры по кооперации, информационные бюллетени, в которых рассказывалось о преимуществах кооперативной формы и успехах своего общества.

Активная методическая помощь развитию кооперации осуществлялась и в дореволюционной России и в период введения НЭПа. Издавались многочисленные рекомендации, пособия, типовые уставы, всевозможные памятки и листовки на кооперативную тематику, кооперативными союзами выпускались газеты. Интересна памятка, которая распространялась среди своих членов кредитными кооперативными товариществами в начале XX века:

1. Ссуду на дело возьмишь – легко её вернёшь.
2. Плати в срок. Срок соблюдёшь – себе кредит сбережёшь.
3. Просрочка и переписка для членов хуже трясины и петли. Коготь увяз – всей птичке пропасть, товариществу худая слава, правлению укор, от соседей оговор. Худая слава по дорожке бежит – хорошая на полочке лежит.
4. Больше, чем деньгами, крепнет товарищество согласием и советом членов, твёрдостью правления, правильностью счетоводов.
5. В правление тех выбирай, у кого разума и совести больше.
6. Правлению в делах помогай: не хлещи ту лошадь, которая везёт.
7. Не мели без толку языком: дело узнай – тогда правду смело объявляй.
8. Общее собрание – всему делу и правлению хозяин. Общих собраний не пропускай, товарищество не в сундуке, а в общем деле.
9. Основателя первого на свете кредитного товарищества Райффайзена не забывай, свои мысли его заветами проверь [5].

В 1990 годы практически повсеместно ощущалась острая нехватка методической литературы по проблемам сельскохозяйственной потребительской кооперации. В отдельных регионах, имевших несколько кооперативов данной формы (в основной массе субъектов РФ такие кооперативы отсутствовали) региональными ассоциациями К(Ф)Х в ограниченном количестве издавались методические брошюры, содержащие, в основном, перепечатки положений закона «О сельскохозяйственной кооперации» [6, 7], и типовые уставы кооперативов различных направлений деятельности, зачастую представлявшие собой варианты плохо адаптированных под кооперативную форму уставов коммерческих организаций.

Немногие же другие издания, более подробно освещающие теоретические вопросы и отдельные стороны практической деятельности сельскохозяйственного потребительского кооператива грешат неточностями. Например, в одном издании в общем разделе (введении), посвящённом всем кооперативным формам, в качестве одного из «принципиальных» пре-

имущества кооперации выделено обязательное трудовое участие членов в деятельности кооператива [8, с. 3], что, безусловно, справедливо в отношении сельскохозяйственного производственного кооператива, но никак не подходит к сельскохозяйственному потребительскому, где такое участие в соответствии с кооперативными принципами и российским законодательством не является обязательным.

Более выигрышно выглядит «Комментарий к Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации» 1997 года, в котором содержится подробное постатейное разъяснение положений закона и рекомендации по практическому их использованию [9]. Однако, несмотря на то, что автором данного документа является основной разработчик указанного закона, он (Комментарий) не лишён досадных недоразумений. Так, в комментарии, разъясняющем положения ст. 19 Федерального закона, которая посвящена органам управления кооперативом, говорится: «...нецелесообразно в правление включать рядовых членов кооператива, на которых также будет распространяться данная ответственность» [9, с. 92]. Данная рекомендация явно противоречит проверенным временем демократическим принципам кооперации, согласно которым необходимо стремиться к активному участию в управлении делами кооперативного формирования как можно большего числа его членов. Это способствует росту осведомлённости более широкого круга членов обо всех нюансах деятельности своего кооператива и, в конечном итоге, большей их заинтересованности в его развитии. Также, на наш взгляд, неоправданной является рекомендация к ст. 26 – не применять на практике предусмотренную законом возможность передачи правлением функций найма работников и организации их работы исполнительной дирекции или применять данное положение в ограниченном масштабе [9, с. 118]. В таком случае резко снижается ответственность исполнительного директора за результаты работы вверенного ему кооператива.

Качественная методическая помощь в деле создания и организации работы кооперативов была оказана проектом Евросоюза Tacis FD RUS 9701 «Продвижение кооперативов независимых фермеров», реализованном в Саратовской, Ярославской и Челябинской областях. Однако данный опыт не получил широкого распространения, а разработанные в его рамках методические документы [4, 10] были изданы очень малым тиражом.

С приходом XXI века количество методической литературы по сельскохозяйственной потребительской кооперации существенно увеличилось. Особенно оно возросло в период реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», в рамках которого были предусмотрены меры, стимулирующие создание в большом количестве снабженческо-сбытовых, перерабатывающих и кредитных кооперативов. Вместе с тем, рост числа методических документов не сопровождался улучшением их качества. Содержание основной их массы по-прежнему представляло собой перепечатку изменившегося к тому времени кооперативного законодательства, в лучшем случае с небольшими разъяснениями тех или иных его положений [11-15].

Немногим лучше обстояли дела с методическим обеспечением развития сельскохозяйственной кредитной кооперации. Многие данные рекомендации и пособия [16-20] посвящены подробному описанию организации различных аспектов деятельности кредитного кооператива. В них приводятся: план счетов бухгалтерского учёта и бухгалтерская отчётность в кредитном кооперативе; основные этапы управления займами; расчеты, связанные с привлечением и выдачей займов; руководство по осуществлению основных элементов внутреннего контроля и т.д. Вместе с тем, данные документы в основной своей массе далеко не в полной мере раскрывают специфические особенности кооперативной формы, характер внутрикооперативных взаимоотношений.

К сожалению, не формируют правильного понимания сущностных основ кооперативной формы и издания для студентов высших и средних учебных сельскохозяйственных заведений. Так, в одном из наиболее известном учебном пособии с названием «Сельскохозяйственная кооперация» [21] самой сельскохозяйственной кооперации уделено немногим более половины всего материала книги. Остальное место занимает изложение сущности вертикально интегрированных формирований холдингового типа, отраслевых союзов, других интегрированных агропромышленных формирований.

По нашему мнению, неправильное понимание сути кооператива, внутрикооперативных отношений, которому во многом способствует низкое качество методических документов, является основной причиной того, что треть всех созданных в период реализации нацпроекта «Развитие АПК» кооперативов не смогла приступить к ведению хозяйственной деятельности и прекратила существование или переродилась в другие формы. Такая же тенденция сохраняется и в настоящее время. Многие из действующих кооперативов в организации своей работы не соблюдают принципов кооперации и по своей сути являются коммерческими организациями, которые не приносят основной массе своих членов каких-либо ощутимых преимуществ, и, в конечном итоге, долго не просуществуют или, как показывает практика, будут «приватизированы» более предприимчивыми членами.

Справедливости ради, следует сказать, что на общем фоне методических документов, нацеленных, в основном, на освещение технологических сторон создания и организации деятельности сельскохозяйственных кооперативов потребительского типа, встречаются, пусть и в единичных экземплярах, рекомендации и пособия, положения которых, наряду с этими аспектами, раскрывают существенные особенности внутрикооперативных отношений, без учёта которых кооператив не является кооперативом [22-25]. По нашему мнению, книга И.В. Захарова и Н.А. Кузнецовой «Создание и организация деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов: Рекомендации» [24], изданная в 2007 году, и в настоящее время остаётся лучшим методическим пособием как для уже создавших или желающих организовать потребительский кооператив сельских товаропроизводителей, так и для консультантов по кооперации, работников органов управления АПК, студентов сельскохозяйственных и кооперативных ВУЗов. В данных рекомендациях, кроме подробного описания технологических моментов, приводятся требования, следование которым предопределяет жизнеспособность кооператива. В их числе: осознание всеми потенциальными членами, что только организация кооператива позволит решить общие для них проблемы, что при пользовании услугами кооператива все члены будут находиться в равных условиях. Должна быть определена реальная готовность членов финансировать свой кооператив, детально просчитана экономическая целесообразность его создания, определён необходимый объём деловых операций для получения ожидаемого размера кооперативного дохода. Особой заслугой данных Рекомендаций является то, что значительная их часть посвящена подробному описанию взаимоотношений внутри кооператива: между членами, а также между членами и исполнительной дирекцией. При этом говорится, что залогом успешной деятельности кооператива является построение этих отношений на основе доверия, дружбы и взаимопомощи.

С охлаждением внимания государственной власти к сельскохозяйственной потребительской кооперации после окончания ПНП «Развитие АПК» заметно снизилось количество методических материалов, издаваемых научными учреждениями. Новый всплеск в издании методической литературы на кооперативную тематику начался после высказываний Президента РФ В.В. Путина о необходимости поддержки сельскохозяйственной кооперации на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам в сентябре 2016 года и в Послании Федеральному Собранию в декабре 2016 года [26]. Если в предшествующий активный период в общей массе издаваемых методических изданий преобладали материалы, подготовленные органами самоуправления малого агробизнеса (ассоциациями системы АККОР, республиканскими, региональными и межрегиональными кооперативными союзами) и научными организациями или отдельными учёными-аграрниками, то в настоящее время значительная часть данных документов выпускается органами законодательной и исполнительной власти федерального, регионального и районного уровней [27-30].

Практически все эти рекомендации представляют собой своего рода шаблон, перечень документов и операций, необходимых для выполнения нормативных процедур, связанных с регистрацией кооператива (создание оргкомитета, определение размера вступительного пая, подготовка устава, проведение организационного собрания и т.д.). В некоторых документах приведены принципы создания и функционирования кооперативов, которые зафиксированы в ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», однако, не содержится их разъяснения. Типичным образчиком таких публикаций является брошюра «Создание и эффектив-

ное функционирование сельскохозяйственных потребительских кооперативов: методические рекомендации», изданная под грифом Министерства сельского хозяйства РФ в 2017 году [28]. В ней на примере кооператива по оказанию услуг производственно-технического характера после упоминания кооперативных принципов пошагово представлены действия по созданию и организации деятельности кооперативного предприятия, а также содержится информация об органах управления, бухгалтерском учёте и налогообложении, приведены образцы примерного устава, форм протоколов и других документов. Кроме этого, в данном издании содержится краткая информация об успешном опыте работы нескольких кооперативов в пяти субъектах РФ, а также об основных направлениях государственной поддержки сельскохозяйственной потребительской кооперации. Вместе с тем, в материалах этой брошюры, как и других методических изданий, не прослеживается идея кооперативного сотрудничества между членами, не содержится рекомендаций по построению механизмов внутрикооперативных взаимоотношений.

В общей массе методической литературы последних лет сложно найти издания, затрагивающие особенности сущностных основ кооперативных отношений. В качестве одного из таких источников можно выделить брошюру «Вопросы, возникающие в процессе создания и деятельности кооперативов», выпущенную в 2016 году липецким Центром развития кооперативов [31]. В ней прописана специфика форм взаимоотношений, которые могут возникать между членами кооператива, а также между кооперативом и членами. Большое место уделено значимости взаимного доверия и ответственности членов. В качестве механизма обеспечения доверительных отношений обосновывается необходимость использования подписаний обязательств на ведение деятельности в кооперативе. Рекомендуемые в данном издании подходы к формированию внутрикооперативных отношений учитывают особенности сельскохозяйственного потребительского кооператива, связанные с некоммерческим характером его деятельности. При этом все отношения внутри кооператива предлагается строить на договорной основе. В то же время в брошюре практически не освещёнными остались вопросы неформальных отношений, связанных с координацией деятельности между членами и играющих важную роль в жизнедеятельности кооператива.

С 2017 года в стране началась очередная компания по стимулированию развития сельскохозяйственной потребительской кооперации, инициированная центральной государственной властью. В паспорте приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», утверждённом президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, в ноябре 2016 года сельскохозяйственная кооперация обозначена в качестве одного из направлений развития. В 2018 году поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов в 61 субъекте РФ определена в качестве приоритетного направления развития сельскохозяйственной отрасли. В соответствии с запланированными мероприятиями проекта предусмотрено принятие программ (подпрограмм) по поддержке кооперации в 10 субъектах РФ. Для методической помощи в подготовке данных документов Проектным комитетом в марте 2017 года были утверждены «Рекомендации по разработке программ развития сельскохозяйственной кооперации в субъектах Российской Федерации» [32]. Однако польза данных рекомендаций для разработчиков региональных программ, на наш взгляд, сомнительна, так как они не содержат предложений по насущному решению многих проблем, препятствующих развитию кооперации, а некоторые их положения находятся в определённом противоречии с сущностными основами кооперативной формы.

Например, в соответствии с положениями анализируемых Рекомендаций основную часть работы по развитию сельскохозяйственной кооперации предполагается осуществлять через АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». При этом не берутся в учёт существующие институциональные образования в лице АККОР, Союза сельских кредитных кооперативов, Федерального союза сельскохозяйственных потребительских кооперативов, Фонда развития сельской кредитной кооперации, кооперативных организаций регионального уровня, которые уже давно реально занимаются вопросами становления сельскохозяйственной кооперации потребительского типа в стране. Игнориру-

ются также саморегулируемые организации ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов – Российский союз «Чаянов» и союз «Агроконтроль», в соответствии с действующим законодательством [33] в числе прочего выполняющие «функции, ...направленные на развитие и упрочение сельскохозяйственной кооперации» [33, ст. 33.1, п. 2, пп. 12].

В разделе 2.2 Рекомендаций, посвящённом мерам финансовой поддержки сельскохозяйственных кооперативов, в качестве посредника между кооперативами и банками определены микрофинансовые организации. Таким образом, проигнорирована деятельность сельскохозяйственных кредитных кооперативов, которые уже много лет занимаются выдачей займов не только сельским товаропроизводителям, но и кооперативам других (не кредитных) направлений деятельности. По нашему мнению, финансовую поддержку развития сельскохозяйственных кооперативов в значительной её части следует организовать именно через достаточно развитую систему сельской кредитной кооперации (уже сегодня в некоторых регионах по объёмам выдаваемых займов кредитная кооперация вполне сопоставима с банками). Промежуточное же звено в лице микрофинансовых организаций является здесь излишним.

О недостаточном непонимании авторами Рекомендаций сути сельскохозяйственной потребительской кооперации свидетельствует содержание раздела 2.5. В нём идёт речь о мерах по организации каналов сбыта продукции кооперативов с перечнем этих каналов.

Основная масса предлагаемых в Рекомендациях мероприятий по поддержке кооперации не учитывает особенностей кооперативных отношений, некоммерческую специфику данной организационно-правовой формы. Предлагаемый в Рекомендациях подход к описанию «целевой модели» развития сельскохозяйственной кооперации и мер по её достижению практически мало чем отличается от подходов, используемых при поддержке коммерческих сельскохозяйственных предприятий.

В целом данные Рекомендации направлены на дальнейшее развитие наблюдаемого в настоящее время усиления административных рычагов (установление запрета для сельскохозяйственных потребительских кооперативов на распределение прибыли между членами, введение подконтрольности кредитных кооперативов Центробанку и др.) и не способствуют реализации внутрикооперативного потенциала для успешного становления потребительской формы кооперации на селе. Кроме того, значительная часть излагаемого в них материала фактически является повтором отдельных положений Государственной программы развития сельского хозяйства, утверждённой Минсельхозом РФ Концепции развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов, тех же проанализированных в настоящей статье методических рекомендаций и пособий со всеми их недостатками.

Заключение.

Глубинной причиной неудовлетворительного положения дел с развитием сельскохозяйственной потребительской кооперации в стране является непонимание сути кооперативной формы, кооперативных отношений подавляющим большинством сельскохозяйственных товаропроизводителей и руководителей АПК различного уровня. Данное обстоятельство во многом связано с серьёзными недостатками в существующем методическом обеспечении процессов создания и организации функционирования кооперативных предприятий. Основная масса существующих рекомендаций и пособий представляет собой перечень технических действий по регистрации кооператива и исполнению в его работе необходимых нормативных процедур, изложенных в законе «О сельскохозяйственной кооперации» и других законодательных актах, регламентирующих деятельность сельскохозяйственных кооперативов потребительского типа. В результате многие из образованных кооперативов по характеру внутрикооперативных отношений практически ничем не отличаются от коммерческих организаций и, как показывает практика, не более чем через 2-4 года прекращают существование или перерегистрируются в другие формы.

Нежелание основной массы сельских товаропроизводителей организовывать кооперативы потребительской формы во многом объясняется малым количеством успешно работающих кооперативов. Люди не понаслышке, а воочию видят, что многие такие организации или распадаются, или влачат жалкое существование. К тому же в стране применительно к развитию сельскохозяйственной отрасли широким фронтом идёт пропаганда индивидуаль-

ного предпринимательства, что не способствует восприятию населением кооперативных ценностей.

Считаем, что для того, чтобы побудить у сельских жителей стремление к организации сельскохозяйственных потребительских кооперативов государству необходимо более широко разъяснять преимущества данной формы, заложенные в её сущностных основах, а также постоянно пропагандировать опыт эффективно работающих кооперативных организаций. Методическая литература на кооперативной тематику обязательно должна включать в себя рекомендации по формированию механизма внутрикооперативных взаимоотношений на основе следования кооперативным принципам и ценностям. По нашему мнению, надёжными партнёрами государства в решении проблемы подготовки таких рекомендаций могут быть органы самоуправления малого агробизнеса и, прежде всего, структуры АККОР. Они располагают квалифицированными специалистами, которые разбираются во всех тонкостях кооперативных отношений, владеют положительным опытом работы по оказанию методической помощи кооперативным организациям и готовы принять участие в разработке методической литературы высокого качества. Финансовая и техническая помощь государства в издании и распространении подобной литературы может радикально изменить ситуацию с развитием сельскохозяйственной потребительской кооперации в стране.

Список литературы:

1. Морозов А.В. Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения, риски, задачи // Материалы научно-практической конференции, посвящённой двадцатилетию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» «Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи» (8 декабря 2015 г., г. Москва). – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016. – С. 15-19.
2. Послание Президента Федеральному собранию. Москва, Кремль. 1 декабря 2016 года. - URL: <http://www.kremlin.ru>.
3. Бурлаков В.Б. Сельскохозяйственная потребительская кооперация: причины неудовлетворительного состояния и перспективы развития // Агрофорсайт. - 2019. – № 2.
4. Колирис П. Обучение и консультационная работа: предназначено для кооперативов и консультантов по кооперации. – Афины: Вакакис Интернэшнл С.А., 2000. – 38 с.
5. Доценко Н. Сельская кредитная кооперация: история и современность. - URL: <http://www.ruralcredit.ru/sskktoday/skr2.shtml>.
6. Агеева Н.М., Гринин Н.Н., Линин Ю.И., Никулин Г.Н. Организация и практическая деятельность сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов: Практическое пособие. – М.: «Информагротех», 1999. – 88 с.
7. Сельскохозяйственные кооперативы: Учебно-методическое пособие / Н.А. Кузнецова, А.А. Степанов, С.А. Воронов и др. – Саратов: Ассоциация «Возрождение», 2000. – 56 с.
8. Дворкин Б.З., Черняев А.А., Глебов И.П. Кооперация в отраслях АПК: теория, опыт, проблемы. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.И. Вавилова, 1999. – 200 с.
9. Вершинин В.Ф., Шаффланд Ю. Комментарий к Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации». – Москва: Издательство ИПО «Профиздат», 1997. – 208 с.
10. Колирис П. Как создать кооператив: предназначено для кооперативов и консультантов по кооперации. – Афины: Вакакис Интернэшнл С.А., 2000. – 34 с.
11. Пособие по организации деятельности сельскохозяйственных потребительских сбытовых кооперативов. – М.: ФГУ РЦСК, 2006. – 34 с.
12. Пособие по организации деятельности сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов. – М.: ФГУ РЦСК, 2006. – 86 с.
13. Методические рекомендации по организации и практической деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК) / Под. общ. ред. И.В. Палаткина, Л.Н. Крапчиной. – Пенза, 2006. – 214 с.
14. Галиновская Е.А., Минина Е.Л. Комментарий к Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации». – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – 192 с.

15. Методические рекомендации: Организационно-правовые основы деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов / Республиканский сельскохозяйственный потребительский обслуживающий кооператив «Содействие». – Чебоксары, 2009.
16. Рекомендации по организации бухгалтерского учёта и налогообложению сельскохозяйственных кредитных кооперативов / В.М. Пахомов и др. – М.: ФГНУ Росинформагротех, 2002. – 116 с.
17. Методические рекомендации по созданию и эффективной деятельности сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов (СКПК) / Под общ. ред. И.В. Палаткина. – Пенза, 2007. – 172 с.
18. Бухгалтерский учёт и налогообложение в сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативах: Методическое пособие / Овчинникова Л.А., Чемрова Т.Н. – М.: ФРСКК, 2007. – 76 с.
19. Рекомендации по организации бухгалтерского учёта и налогообложению сельскохозяйственных кредитных кооперативов / Ю.К. Рыбин, Т.Н. Чемрова и др. – М.: Минсельхоз России, 2002. – 116 с.
20. Методическое пособие по кредитной кооперации / Колл. авторов: Волохонский Ю.Н., Кадров А.М., Коновская Е.А. и др. / Издание 4. – Ростов-на-Дону: Южнороссийская ассоциация кредитных союзов, 2009. – 304 с.
21. Ткач А.В. Сельскохозяйственная кооперация: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательско-торговая кооперация «Дашков и К⁰», 2005. – 364 с.
22. Захаров И.В., Пахомов В.М., Рассказов А.Н. Создание и организация деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2004. – 460 с.
23. Сельскохозяйственная кредитная кооперация: Учеб. пособие / Под ред. С.Б. Коваленко и З.Н. Козенко. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 448 с.
24. Захаров И.В., Кузнецова Н.А. Создание и организация деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 224 с.
25. Бурлаков В.Б. Методические рекомендации по созданию и организации деятельности эффективных сельскохозяйственных потребительских кооперативов. – Саратов: Саратовский источник, 2014. – 52 с.
26. Послание Президента Федеральному собранию. Москва, Кремль. 1 декабря 2016 года. – URL: <http://www.kremlin.ru>
27. Порядок создания и государственная поддержка сельскохозяйственного потребительского кооператива. Уфа, 2017. – URL: <http://www.prt.pravitelstvorb.ru?р=124>.
28. Создание и эффективное функционирование сельскохозяйственных потребительских кооперативов: методические рекомендации / Авт. Т.Г. Самарханов / Министерство сельского хозяйства РФ. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2017. – 174 с.
29. Как создать сельскохозяйственный потребительский кооператив: Дорожная карта / Министерство сельского хозяйства РФ. – М.: ФГБУ и ЦЭО АПК, 2018.
30. Методические рекомендации по созданию и организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов. 7 февраля 2018. – URL: <http://www.сמידовичское.рф>metodicheskie...po...organizatcii...sel...>
31. Вопросы, возникающие в процессе создания и деятельности кооперативов. Выпуск 2. Практика / Центр развития кооперативов. – Липецк: Деловая клякса, 2016. – 44 с.
32. Рекомендации по разработке программ развития сельскохозяйственной кооперации в субъектах Российской Федерации/ – URL: http://www.Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_282309/.
33. О сельскохозяйственной кооперации: федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ. – URL: http://www.Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_8572/.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ПЕРЕХОД К КОМПЕНСАЦИОННОЙ И ЛЬГОТНОЙ ФОРМАМ ПОДДЕРЖКИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье рассматривается проблема повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения. Предлагается расширить набор методов и механизмов воздействия на землепользователей, в число которых необходимо включить: экономическое стимулирование, внеэкономические методы ограничений и подчинений, административные и налоговые меры. Установлено, что в настоящее время наиболее эффективным способом борьбы с неиспользованием земель сельскохозяйственного назначения является создание условий для получения нормальной рентабельности и доходности производства на единице площади. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что необходимо повышать государственную поддержку землепользования и выходить на новый уровень компенсации общественно необходимых затрат.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, субсидии, компенсационная и льготная поддержка.

IMPROVEMENT OF LAND USE PROCESS MANAGEMENT AND TRANSITION TO COMPENSATIVE AND PREFERRED SUPPORT FORMS

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article considers the problem of increasing the efficiency of agricultural land use. It is proposed to expand the range of methods and mechanisms of impact on land users, which should include: economic incentives, non-economic methods of restrictions and subordination, administrative and tax measures. It has been established that at present the most effective way to combat the non-use of agricultural land is to create conditions for obtaining normal profitability and profitability of production per unit of area. Based on the study, it was concluded that it is necessary to increase government support for land use and reach a new level of compensation for socially necessary costs.

Key words: agricultural land, subsidies, compensation and preferential support.

Введение.

Согласно опубликованным прогнозам, в 2019 году в России ожидается хороший урожай зерновых (порядка 118 миллионов тонн), что выше показателей 2018 года и целевых индикаторов Государственной программы. За 8 месяцев 2019 года произведено более 9 миллионов тонн мяса и 21,5 миллиона тонн молока, что на 117 тысяч тонн и 300 тысяч тонн больше показателей за аналогичный период 2018 года соответственно [1, с. 3]. Ожидается, что в текущем году будут превышены пороговые значения показателей Доктрины продовольственной безопасности по зерну, сахару и растительному маслу, а годовой показатель по экспорту сельскохозяйственной продукции перешагнет порог в 24 миллиарда долларов. Однако земельная реформа и проводимая государственная земельная политика в сельском хозяйстве привели к выводу из использования землепользователями и землевладельцами значительных площадей принадлежащих им земель. Для исправления сложившейся ситуации к 2020 году Правительством РФ запланировано ввести компенсирующие и стимулирующие субсидии для частичной поддержки производства на земле, а в современной научной литературе все чаще начал подниматься вопрос о необходимости введения компенсационной и льготной форм поддержки. В рамках исследования предлагается рассмотреть данные формы поддержки и выбрать из них наиболее эффективные.

Цель исследования состоит в определении основных направлений совершенствования государственного управления общественным процессом землепользования в сельском хозяйстве.

Методология исследования состоит в анализе объективных исторических тенденций, характеризующих отношения государства и землепользователей, что позволяет определить общественно необходимый уровень материальной государственной поддержки.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические источники, данные государственных (национальных) докладов об использовании земель, постановления Правительства России, решения региональных органов власти, сообщения специализированных средств массовой информации.

Результаты исследования.

В России на 1 января 2018 года площадь земель сельскохозяйственного назначения составила 383 227,7 тыс. га (табл. 1). За год площадь уменьшилась на 384,3 тыс. га. Земли состоят из угодий сельскохозяйственных и несельскохозяйственных.

Сельскохозяйственные угодья - это угодья, пригодные для получения сельскохозяйственной продукции и постоянно используемые для этого. К ним отнесены: пашня, залежь, кормовые угодья (сенокосы и пастбища), многолетние насаждения.

К несельскохозяйственным угодьям отнесены: земли под водой, в том числе болота, лесные площади и земли под лесными насаждениями, земли застройки, земли под дорогами, нарушенные земли, прочие земли (овраги, пески, полигоны отходов, свалки, территории консервации т.д.). К ним также отнесены и оленьи пастбища, предоставленные хозяйствам для северного оленеводства. Они расположены в тундре, лесотундре и в северной тайге. В таблице 1 они включены в строку «другие земли» [2, с.12].

Таблица 1 - Распределение земель сельскохозяйственного назначения по угодьям (на 01 января 2018 года)

№ п/п	Наименование угодий	Площадь (тыс. га)	В процентах от категории
1	Сельскохозяйственные угодья:	197 785,1	51,6
1.1	пашня	116 235,1	58,8
1.2	залежь	4 336,3	2,2
1.3	многолетние насаждения	1 231,3	0,6
1.4	сенокосы	18 718,4	9,5
1.5	пастбища	57 264,0	28,9
2	Несельскохозяйственные угодья:	185442,6	48,4
2.1	лесные площади	24 513,9	6,4
2.3	земли под лесными насаждениями	19 225,7	5,0
2.4	земли под дорогами	2 294,2	0,6
2.5	земли застройки	1 095,9	0,3
2.6	земли под водой	13 134,1	3,4
2.7	Другие земли	125 178,8	32,7
	Итого	383 227,7	100,0

Источник: составлено по данным Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году. Москва. Росреестр. - 2018. -197с. – стр. 12.

В нашей стране экономические методы стимулирования землепользователей и землевладельцев к использованию заброшенных земель начали применяться лишь два года назад. Одновременно с экономическими методами стали широко использоваться и внеэкономические: различные формы земельного контроля, обложение повышенным земельным налогом, наложение штрафов.

Например, в Ярославской области в 2019 году по результатам проверки земельными надзорными муниципальными органами более 1000 земельных участков было выявлено более 200 нарушений целевого использования участков, т.е. 20%. Правительство области при-

знает, что в регионе «площадь неиспользуемых сельскохозяйственных угодий – это около половины всех земель сельскохозяйственного назначения. Поэтому среди ключевых задач, которые решаются сегодня с помощью муниципального земельного контроля - вовлечение в оборот неиспользуемой пашни, сохранение и повышение плодородия почв» [3, с.2]. В Ростовском районе области при внеплановой проверке земельных полей одного сельхозпредприятия было обнаружено, что «на многих из них нет ни посевов, ни выпаса скота». «Установлено, что поля, предназначенные для сельскохозяйственного производства, не обрабатывались длительное время» - сообщает директор департамента имущественных и земельных отношений области. «Юридическому лицу выдано предписание об устранении выявленных нарушений. Материалы направлены в надзорные органы для принятия решения о привлечении к административной ответственности, а также в налоговые органы с целью применения повышенной налоговой ставки - с 0,3 до 1,5 процента кадастровой стоимости» [3, с.2]. За невыполнение требований по улучшению, защите земель и охране почв введены штрафы. Так, для граждан штраф может достигать 50 тысяч рублей, а для предприятий в форме юридических лиц - 700 тысяч рублей. Предусмотрен и крайний случай, если земля не используется свыше 3 лет, она в судебном порядке может быть изъята и продана муниципальными властями с аукциона.

В Ивановской области решено в течение ближайших пяти лет ввести в использование половину неиспользуемых здесь сельскохозяйственных земель, что составляет около 150 тыс. га. Губернатор области говорит: «У нас в Ивановской области из 542 тыс. гектаров пашни фактически используется только 216 тыс. га, или 40%. Мы не можем быть довольны такой ситуацией. Предлагаю поставить задачу: за пять лет половину неиспользуемой пашни ввести в сельскохозяйственный оборот. Фактически нам предстоит ввести в оборот около 150 тыс. га земли». Он добавляет, что «это сложная, но вполне достижимая задача» [4, с.3]. В Ивановской области программа по вводу в сельскохозяйственное использование неиспользуемых в настоящее время земель экономическими методами реализуется с 2018 года. В 2018 году общая сумма поддержки на это мероприятие составила свыше 51 млн рублей, при этом 90% суммы составили федеральные средства. В результате в течение года в использование было введено 3,4 тыс. га пашни, предоставленные на это субсидии составили 4,2 млн рублей. В расчете на 1 гектар ввода пашни пришлось 15000 рублей субсидий, из которых 1235 рублей составили средства бюджета области. В 2019 году в использование (оборот) планируют ввести еще 5,9 тыс. га пашни.

В Государственной Думе и в Совете Федерации считают, что необходимо значительно повышать налоги на неиспользованные земли. Председатель Комитета Госдумы по аграрным вопросам В. Кашин говорит: «Многие понабрали землю, и она стоит без дела. А люди, которые хотят работать, вынуждены уезжать из села, потому что нет земли - нет работы. ... Я считаю, что надо увеличить в 10 раз земельный налог на неиспользованные земли. Тогда нерадивые собственники вынуждены будут уступить землю тем, кто хочет и готов работать на ней» [5, с.3].

В Совете Федерации заместитель председателя Комитета палаты по аграрно-продовольственной политике и природопользованию С. Лисовский согласен с этой идеей. Он говорит: «Это общемировая практика. Например, в Европе за неиспользование сельскохозяйственных земель присуждают огромные штрафы, поэтому возделывается каждый пригодный для этого клочок земли» [5, с.3].

Эти примеры показывают, что задача использования всей имеющейся в стране земли является чрезвычайно актуальной, но остается до сих пор трудно решаемой.

Теоретически необходимо различать две проблемы:

- введение (вовлечение) в производственное сельскохозяйственное использование неиспользуемых сегодня земель;
- ежегодный новый вывод из производственного сельскохозяйственного использования земель.

Вывод и ввод земель являются двумя стадиями или фазами сложившегося сегодня в стране агротехнического оборота. Решение обеих задач сводится к созданию условий для обеспечения нормальной положительной рентабельности и доходности производства на земле. Интегральный единый экономический показатель привлекательности земли для ее использования - это доходность производства с гектара земли. Для повышения спроса на землю достаточно поднять уровень получаемого дохода на гектаре земли. Это должно стать основным экономическим способом для борьбы с неиспользованием земель.

К сожалению, с нашей точки зрения, в связи со вступлением страны в ВТО предпринимаемые попытки решить обе задачи путем косвенной, а не прямой поддержки производства на земле и в целом сельского хозяйства не приведут к желаемым результатам. Правительство ищет альтернативные пути повышения поддержки, которые бы прямо не противоречили правилам ВТО, к ним, прежде всего, можно отнести: повышение плодородия земли, развитие поселений, создание приемлемой новой инфраструктуры, введение таможенных ограничений и др.

С 2017 года в Российской Федерации действует система единой субсидии регионам, которая представляет собой объединение ранее введенных 54 субсидий для АПК регионов в одну. Решение о распределении средств единой субсидии по различным направлениям поддержки принимают сами регионы. За федеральным уровнем закреплено несколько направлений поддержки, например: погектарная поддержка (повышение продуктивности сельскохозяйственных угодий и вовлечение в использование новых земель), поддержка молочной отрасли (повышение продуктивности и поголовья молочного стада) и субсидирование процентной ставки кредитов по инвестиционным проектам.

Министерство сельского хозяйства России разработало новую систему государственного субсидирования агропромышленного комплекса России, которая может быть принята Правительством страны до конца ноября 2019 года и введена в действие с начала 2020 года. Суть системы состоит в том, что вместо существующих в настоящее время трех видов поддержки (прямой и связанной поддержки в форме субсидий на производство молока; прямой и несвязанной или, так называемой, погектарной поддержки в форме субсидий; а также единой субсидии на множество других объектов поддержки) в 2020 году будут введены две новые - компенсирующая и стимулирующая [6, с.1].

Компенсирующая субсидия предполагает предоставление бюджетных ассигнований на поддержание доходности производителей в двух сферах АПК:

- в земледелии (в сельском хозяйстве) это компенсация теряемых или выпадающих доходов на 1 га площади используемой земли;
- в животноводстве (в сельском хозяйстве и других отраслях АПК) - компенсация теряемых или выпадающих доходов на 1 литр молока.

Компенсирующая субсидия будет распределена по следующим направлениям. В растениеводстве - на агрострахование площадей посевов и на проведение комплекса агротехнологических работ, на поддержку элитного семеноводства, на развитие традиционных подотраслей. В животноводстве - на поддержку собственного производства молока, на поддержку племенного и мясного животноводства, на собственную переработку продукции животноводства, на уплату страховых премий, начисленных по договорам страхования. Расходы на агрострахование попали в компенсирующую часть субсидий, наравне с поддержкой производства молока, племенного животноводства и элитного семеноводства.

Стимулирующая субсидия, в отличие от компенсирующей, предполагает предоставление бюджетных ассигнований во множество самых различных сфер и отраслей АПК. В нее заложена идея стимулирования производителей к созданию новых производств, в которых предоставляемые государством средства могут принести наибольшую отдачу.

Стимулирующая субсидия предполагает поддержку по следующим направлениям: производство зерновых, зернобобовых культур и масличных культур; овощей открытого грунта; продукции плодово-ягодных насаждений; льна-долгунца; молока; развитие специализированного мясного скотоводства, овцеводства; малых форм хозяйствования; виноградных на-

саждений; регионов (10 субъектов Федерации) с низким уровнем социально-экономического развития. Введение новой системы поддержки предполагает повышение уровня объективности в распределении субсидий по каждому субъекту Российской Федерации, что может существенно повысить и эффективность самой государственной поддержки.

Общий размер двух субсидий на 2020 год составит 60,9 млрд рублей, из которых 35 млрд рублей пойдет на компенсирующую часть, а 25,9 - на стимулирующую.

Министерство сельского хозяйства по стимулирующей части будет заключать соглашения с регионами. В результате введения такой поддержки регионы смогут переходить к производству наиболее рентабельной и необходимой для продукции. Следует отметить, что подобная система вынуждает регионы к выполнению договоров, поскольку при их невыполнении в следующем году сумма поддержки будет снижаться. Это означает, что и новая система частично ограничивает регионы в их самостоятельности, поскольку в ней будут регламентированы определенные направления поддержки.

Целью совершенствования управления общественным процессом землепользования в сельском хозяйстве должно стать использование всех площадей земель сельскохозяйственного назначения для производства продукции земледелия. Важнейшим фактором влияния на этот процесс является государственная поддержка земледелия. По нашей оценке в структуре всех факторов влияния на развитие землепользования роль влияния государственной поддержки составляет 50%. В России уровень государственной поддержки земледелия, несмотря на его повышение, многократно уступает уровню в развитых странах Запада. Правительство России продлило до конца 2025 года действие государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и внесло изменения в старую программу [7, с.2]. Расчеты показывают, что общий объем финансового обеспечения на 2018-2025 годы по новой Государственной программе составит 6843339248 тыс. рублей (табл. 2) [8, с.4]. В 2021-2025 годах объем финансирования составит 4,2 трлн рублей. Объем финансирования мероприятий 2019 года увеличен с 297 млрд рублей в старой программе до 793 млрд рублей в новой. Общий бюджет программы в результате изменений вырастет почти в четыре раза. По Госпрограмме финансирование в расчете на 1 га пашни было наибольшим в 2018 году - свыше 10 тыс. рублей. В 2019 году оно уменьшится до 6828,75 рублей, но к 2025 году возрастет до 7428,38 рублей.

Таблица 2 - Финансирование развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2018-2025 годы (тыс. рублей)

№ п/п	Годы	Общий объем финансирования	В расчете на 1 га пашни
1.	2018	1165607071,8	10028,5
2.	2019	793740369,0	6828,75
3.	2020	748059043,9	6435,74
4.	2021	754733313,2	6493,16
5.	2022	843048054,6	7252,96
6.	2023	828152142,2	7124,8
7.	2024	845760275,3	7276,29
8.	2025	863438981,2	7428,38
9.	2018 – 2025	6843339248,2	58874,98

Источник: рассчитано по данным Паспорта Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2025 годы. Интернет-портал правовой информации Правительства России. - URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95149>. 30.09.2019.

Теоретически необходимо выделять и различать две формы бюджетной поддержки: компенсационную и льготную. Эти две формы поддержки земледелия и сельского хозяйства в целом впервые в научной литературе введены и содержательно описаны в статье «Компенсационная и льготная формы поддержки сельского хозяйства» [9, с. 190-198].

Компенсационная форма поддержки проистекает из потерь отраслей АПК в обмене с другими отраслями. Она обеспечивает получение лишь средней по отраслям нормы прибыли. По нашей оценке сегодня уровень компенсационной формы колеблется в пределах 200-300 долл. на 1 га. Все, что выше этого уровня, будет относиться к льготной форме поддержки. Россия может занять среднюю позицию между развитыми и слаборазвитыми странами – требовать от Запада снижения поддержки до компенсационного уровня и отказаться от льготной. Это позволит в последующем наращивать свой уровень бюджетной поддержки до компенсационного уровня. При уровне поддержки в 200-300 долл. на 1 га АПК России может стать одним из самых конкурентоспособных в мире.

В научно-популярной социально-экономической литературе по теме «помощь сельскому хозяйству», «поддержка сельского хозяйства» нередко используются и другие термины и понятия, например «субсидирование», однако, ВТО, ФАО и МВФ используют понятие «уровень государственной поддержки».

Во всем мире сегодня вместо конкуренции отдельных стран между собой возникла межгрупповая конкуренция стран. Группа высокоразвитых стран конкурирует с группами менее развитых. Уровень государственной поддержки аграрной сферы, в первую очередь сельского хозяйства, в первой группе стран очень высок. Специальных расчетов такого показателя в статистике пока не ведется, однако, встречается показатель доли такой поддержки в чистом доходе от производства и реализации продукции на единице площади земли. В некоторых странах Европы он достигает 70%, в менее развитых странах уровень государственной поддержки в десятки раз ниже.

Введение государственной поддержки и рост ее уровня имеют свою давнюю историю. Она начинается со второй половины 19 века с обострения конкуренции между Англией и Францией за рынки сбыта. Обе страны использовали меры защиты или протекционизма, а также поощрения экспорта таможенными и налоговыми льготами. Поддержка проводилась, как прямо, так и косвенно. В последующем конкуренция укрепилась, стала распространяться в других странах. Здесь причина является полностью экономической, причем объективной, не зависящей от субъективной политики. Произошли изменения в органическом строении капиталов в различных отраслях, изменились технические и стоимостные пропорции. Произошло быстрое инновационное развитие, техническая модернизация. Однако такие изменения проходили в различных отраслях с различной скоростью. Возникли отрасли с малыми изменениями, т.е. отстающие. К такой отрасли относилось в то время и земледелие, в современной терминологии - сельское хозяйство.

Земледелие или сельскохозяйственное производство, в отличие от производства в других отраслях, имело, имеет и будет иметь свою специфику. Дело в том, что земля как средство производства, в силу ее количественной ограниченности и невозможности повторного создания каким-либо человеческим способом обретает в производстве, в отличие от обычных средств производства в промышленности, специфические черты, которые обуславливают особенности земельной собственности и поземельных экономических отношений.

Ограниченность земли и отстающее развитие производительных сил ограничивают рост объемов производства продукции сельского хозяйства. По этим причинам производство в земледелии отставало и всегда будет отставать в своем развитии от промышленности. Поэтому поддержка земледелия является в действительности лишь компенсацией потерь сельского хозяйства, как одной отрасли, в процессе межотраслевого обмена с другими отраслями. Сельское хозяйство таким путем выводится с низкого или вовсе отрицательного уровня средней прибыли на уровень среднеотраслевой общественной нормы прибыли. При этом отрасль не выводится на уровень более высокий в сравнении с другими отраслями. Компенсационная поддержка направлена на возмещение лишь потерь в процессе обмена, когда как льготная поддержка не связана ни с обменом, ни с какими-либо потерями отрасли, она направлена на поднятие доходности отрасли до уровня выше среднеотраслевого.

Таким образом, прежде чем переходить к дифференциации уровней поддержки необходимо в первую очередь определиться с общим уровнем поддержки в расчете на гектар

земли, при этом, с нашей точки зрения, при расчетах предпочтительно использовать сельскохозяйственные угодья, поскольку из 383,2 млн. га земель сельскохозяйственного назначения 185,4 млн. га (48,4%) составляют несельскохозяйственные угодья, а доля пашни составляет лишь 30,3%, тогда как в странах Евросоюза она превышает 50%.

Более того, в Европе общий или интегральный показатель уровня поддержки земледелия повышался свыше сотни лет, когда как в России он повышается на протяжении лишь последних десяти лет. По нашей оценке в настоящее время в России интегральный показатель уровня поддержки по всем консолидированным источникам не достиг еще и 100 долларов на 1 га. Этого, безусловно, мало, но даже при таком уровне поддержки производство сельскохозяйственной продукции продолжает расти.

Термины «компенсационная и льготная формы поддержки» и «компенсирующая и стимулирующая субсидии» схожи. Однако содержательно они различаются. Компенсационная и льготная формы поддержки выражают единый общий или интегральный уровень поддержки. Компенсирующая и стимулирующая субсидии выражают лишь одну часть всей суммарной поддержки. Другие части поддержки в данные субсидии не входят.

Заключение.

В сельском хозяйстве России до настоящего времени не решен вопрос использования землепользователями и землевладельцами всех имеющихся у них площадей земель. Решение данной проблемы зависит от улучшения качества управления в масштабах всей страны общественным процессом землепользования. Основным способом борьбы с неиспользованием земель должно стать создание условий для обеспечения нормальной рентабельности и доходности производства на единице площади земли. Однако в нашей стране экономические методы стимулирования использования заброшенных земель начали применяться сравнительно недавно и пока не получили широкого распространения.

В стране необходимо повышать уровень государственной поддержки в земледелии и постепенно выходить на уровень компенсации всех общественно необходимых затрат.

Список литературы:

1. Разживина А. Глава Минсельхоза сообщил о высоком объеме урожая 2019 года. Федеральное агентство новостей. - URL: <https://riafan.ru/1212443-glava-minselkhoza-soobshilo-vysokom-obeme-urozhaya-2019-goda>.
2. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году. - Москва: Росреестр, 2018. -197с.
3. В Ярославской области власти борются с нецелевым использованием земель. - URL: <https://regnum.ru/news/economy/2696649.html>.
4. Глава Ивановской области поручил к 2024 году ввести в оборот 150 тыс. га сельхозпашен. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/6762754>.
5. Налог на неиспользуемые земли сельхозназначения хотят увеличить в 10 раз. - URL: <https://www.pnp.ru/economics/nalog-na-neispolzuemye-zemli-selkhoznaznacheniya-khotyat-uvlichit-v-10-raz.html>. 23.09.2019.
6. Новая система субсидирования АПК может быть принята до конца ноября – Минсельхоз. «Интерфакс». - URL: <https://milknews.ru/index/selskoe-hozyaystvo/novaya-sistema-subsidij-prinyatie.html>. 23.09.2019.
7. На госпрограмму развития сельского хозяйства в 2021-2025 годах направят 4,2 трлн рублей. - URL: <https://milknews.ru/index/gosprogramma-apk-prodlenie.html>. 13.02.2025.
8. Паспорт Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2025 годы. Интернет-портал правовой информации Правительства России. - URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95149>. 30.09.2019.
9. Пашков В.П. Компенсационная и льготная формы поддержки сельского хозяйства. // Журнал Экономика Региона. Екатеринбург. 2011. - № 4. - С.190-198.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНОВОЙ ДИНАМИКИ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАГП РАН

В статье исследована динамика мировых и внутренних цен на продовольствие. Выполнен прогноз мировых цен на продовольствие до 2020 года. Проанализирована структура и проблемы управления структурой затрат. На основе данных симметричных таблиц «Затраты-Выпуск» проанализирована динамика транзакционного сектора агропродовольственного комплекса за период с 2000 по 2014 годы. Установлено, что доля транзакционного сектора в валовом выпуске сельского хозяйства выросла с 7,34 % до 10,51 %, а в валовом выпуске пищевой промышленности с 11,25 % до 17,4%. Обоснована необходимость согласования цен на конечную и промежуточную продукцию, а также управления структурой затрат.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, ценовые пропорции, транзакционный сектор, метод «затраты-выпуск».

FEATURES OF PRICE DYNAMICS IN AGRICULTURAL-FOOD COMPLEX

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article explores the dynamics of world and domestic food prices. The forecast of world food prices up to 2020 is made. The structure and problems of managing the cost structure are analyzed. Based on the data of the symmetric “input-output” tables, the dynamics of the transaction sector of the agro-food complex from 2000 to 2014 is analyzed. It was established that the share of the transaction sector in the gross output of agriculture increased from 7.34 to 10.51%, and in the gross output of the food industry from 11.25 to 17.4%. The necessity of coordinating prices for final and intermediate products, as well as managing the cost structure, is substantiated.

Key words: agro-food complex, price proportions, transaction sector, input-output method.

Введение.

Кризисные условия в экономике обострили проблему восстановления воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, регулирования межотраслевых пропорций, их сбалансированности. Важнейшим индикатором воспроизводственного процесса является динамика цен, пропорциональность их структуры. Анализ ценовых диспропорций связан, прежде всего, со сдвигами в структуре цен.

Особенности современного этапа развития агропродовольственного комплекса характеризуются усложнением условий ведения бизнеса, ужесточением методов конкуренции. В этих условиях актуальной задачей является исследование системы регулирования межотраслевых ценовых соотношений в агропродовольственном комплексе.

Цель исследования состоит в исследовании влияния уровня и структуры цены на продовольствие на конечный продукт, а также в выявлении ценовых несоответствий.

Методологической базой исследования послужили данные симметричных таблиц «Затраты-Выпуск».

Результаты исследований.

Россия встроена в глобальный продовольственный рынок в основном как поставщик сырьевых ресурсов. За период с 2014 по 2018 годы экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья вырос с 18,9 млрд долл. до 24,9 млрд. долл. За указанный период доля продовольственных товаров в товарной структуре экспорта выросла с 3,8 % до 5,5%.

За период с 2014 по 2018 годы импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья снизился с 39,9 млрд долл. до 29,7 млрд. долл. За указанный период доля продовольственных товаров в товарной структуре импорта снизилась с 13,9 % до 12,5 %. В ус-

ловиях роста мирового обмена продуктами питания особую значимость приобретает уровень ценовой конкурентоспособности продовольственных товаров.

На динамику цен на продовольствие оказывают влияние комплекс факторов. В период 2014-2015 годов рост цен был обусловлен девальвацией рубля, экономическими санкциями, ростом стоимости импорта. В настоящее время ценовая динамика замедлилась. Девальвация рубля привела к росту издержек в отраслях, потребляющих импортное сырье, а также к ускоренному росту цен в экспортно-ориентированных отраслях.

На динамику цен в продуктовых цепочках повлияла промежуточная продукция, поступающая по импорту. В сельском хозяйстве промежуточный импорт – это семена, кормовые добавки, удобрения, оборудование импортного происхождения. В пищевой промышленности - пищевые ингредиенты, оборудование. Отмечается рост импорта кормов для животных из Беларуси в Россию. Так, за период с 2015 по 2016 годы импорт кормов из Беларуси вырос с 27,5 тыс. т до 31,8 тыс.т. При этом цена на импортные корма в 2015 году составляла 1595,5 долл.т, а в 2016 году цена выросла до 1602,0 долл./т. Таким образом, рост цен на промежуточную продукцию часто опережал рост цен на конечную продукцию. В 2018 импорт кормов сократился до 13,9 тыс. т, а цена на импортные корма снизилась и составила 1305,8 долл. /т. Уровень цен на продовольствие, их динамика изменяются в зависимости от изменения структуры агропродовольственного комплекса, степени взаимодействия между его отраслями.

Одним из факторов, влияющих на динамику российских цен на продовольствие, являются мировые цены. Анализ движения мировых цен на сырье и товары позволил выявить следующие тенденции. Мировые цены на продовольствие как в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 года, так и структурного кризиса 2014-2016 годов снижались. Так, за период с 2014 по 2018 годы мировые цены на пшеницу снизились на 26,3 %, ячмень - 8,6 %, кукурузу - 15,0 %, говядину - 16,7 % , сахар - 27,0 %.

В отличие от мирового продовольственного рынка на российском рынке цены производителей сельскохозяйственной продукции не снижались. За период с 2014 по 2018 годы рост цен производителей на пшеницу составил 24,3 %, кукурузу - 36,4 %, а на ячмень -47,1 %.

В ходе исследования была поставлена задача - на основе сложившихся тенденций развития мировых цен на продовольствие осуществить прогноз их динамики на период до 2020 года. Использование экспоненциального тренда позволило установить, что индекс мировых цен на продовольствие к 2020 году составит 202 % ($R^2=0,5342$), индекс мировых цен на зерновые 204 % ($R^2=0,5727$) (рис.1). Такое развитие тенденций будет наблюдаться, пока факторы, влияющие на динамику мировых цен, будут находиться в равновесии.

Одной из составляющих мирового продовольственного рынка является финансовая система. Современные товарно-финансовые рынки имеют двойственную товарно-финансовую природу. Движение цен на рынке зерна и все связанные с этим процессы стали все меньше зависеть не только от баланса спроса и предложения, но и от уровня средних издержек. Это связано с негативными процессами формирования цен на рынках сырьевых товаров под воздействием финансовых манипуляций [4]. Как следствие, ресурсы переливаются из реальной производственной сферы в финансовую. С этим непосредственно связано дальнейшее развитие транзакционного сектора.

Нами выполнена оценка динамики транзакционного сектора в валовом выпуске отраслей агропродовольственного комплекса. Методологической основой исследования транзакционного сектора в агропродовольственном комплексе послужил межотраслевой баланс. К транзакционному сектору были отнесены следующие отрасли: оптовая торговля, розничная торговля, услуги финансового посредничества, страхования и управления. Проведенные на основе National Input-Output Tables расчеты показали, что за период с 2000 по 2014 годы доля транзакционного сектора в валовом выпуске отраслей агропродовольственного комплекса выросла. В сельском хозяйстве доля транзакционного сектора выросла с 7,34 % до 10,51 %, а в пищевой промышленности с 11,25 % до 17,4%.

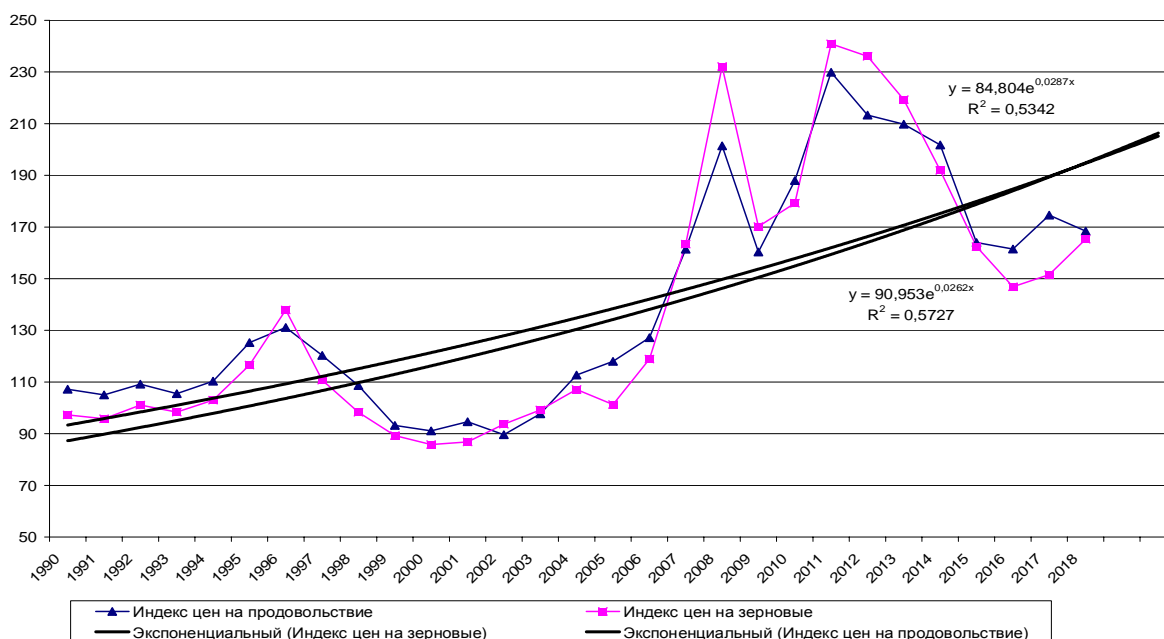

Рисунок 1 - Прогнозные тенденции изменения индекса мировых цен на продовольствие и индекса цен на зерновые до 2020 года (2002-2004 = 100 %)

В структуре отраслей транзакционного сектора наиболее быстро росла отрасль финансовых услуг. За период с 2000 по 2014 годы в сельском хозяйстве доля финансовых услуг выросла с 2,2 % до 6,1 %. В пищевой промышленности доля финансовых услуг выросла с 1,8% до 5,2 % соответственно.

Важной тенденцией является изменение структуры качества развития транзакционного сектора. Если в 1990 годы основная доля приходилась на торгово-посреднические услуги, то сейчас велика доля услуг финансового посредничества, страхования и управления.

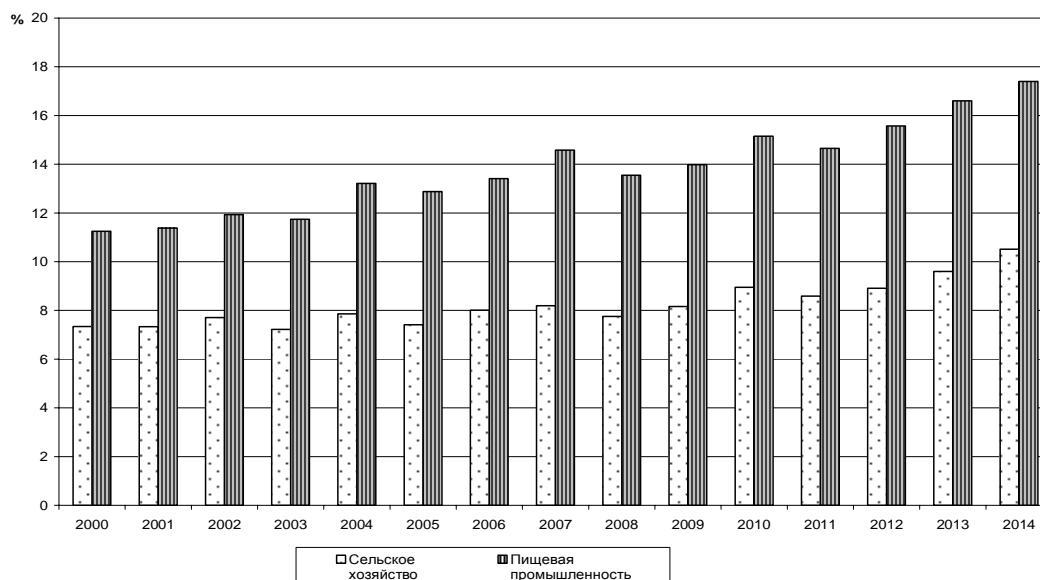

Рисунок 2 - Динамика доли транзакционного сектора в валовом выпуске отраслей агропродовольственного комплекса

Источник: рассчитано по данным National Input-Output Tables, Released November 2016. – URL: http://www.wiod.org/new_site/database/niots.htm

Проведенный анализ затрат в сельском хозяйстве показал, что за период с 2013 по 2017 годы происходил последовательный рост доли материальных затрат в структуре себестоимости.

мости продукции. С 2013 по 2017 годы в сельском хозяйстве доля материальных затрат выросла с 61,2 % до 65,0 %. При этом стоимость сырья в структуре материальных затрат сельского хозяйства увеличилась с 46,1 % до 51,0 %. Доля прочих затрат в сельском хозяйстве снизилась с 9,2 % до 8,0 % соответственно.

В пищевой промышленности доля материальных затрат выросла с 72,8 % в 2013 году до 85,0 % в 2017 году. При этом стоимость сырья увеличилась с 65,4 % до 81,0 %. Доля прочих затрат в пищевой промышленности снизилась с 11,8 % до 5,0 %.

Проведенный анализ структуры розничных цен на различные виды продовольствия показывает, что большая часть доходов от производства и реализации остается у предприятий сферы обращения. Проводимые государством меры по созданию агрохолдингов способствовали некоторому снижению доли посреднических структур. В то же время, как видно из таблицы, оборот посреднического звена по свинине и сырам сычужным твердым и мягким до сих пор обнаруживает тенденцию к росту.

Таблица - Доля транзакционных издержек, в % к розничной цене

	Мука пшеничная высшего сорта		Свинина		Колбаса вареная в/с		Сыры сычужные твердые и мягкие	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018	2013	2018
НДС и другие налоги	3,92	3,90	6,01	5,13	6,7	5,92	6,37	5,68
Оборот сферы обращения	54,26	53,42	28,60	30,16	22,83	26,22	26,13	31,13
Оборот посреднического звена	34,36	31,27	7,74	11,16	4,01	5,67	7,25	12,97
Торговая надбавка	17,36	19,34	18,26	16,66	16,6	17,65	16,53	15,87

Источник: по данным Цены в России. 2018: Стат. сб./ Росстат – М., 2018. -142 с. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/Cena-2018.pdf

Особого внимания заслуживает развитие продуктового ритейла. Итоги развития этой сферы противоречивы. С одной стороны, российские сети развиваются агрессивно, что ведет к отсеву с рынка малых торговых предприятий. С другой стороны, рынок российского ритейла отстает от развитых стран, а его вклад в розничный товарооборот составляет около 30% [2].

Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что дальнейшее развитие агропродовольственного комплекса связано с совершенствованием контрактных отношений, развитием логистики и поддержкой экспортной деятельности российских агрохолдингов.

Заключение.

Среди множества факторов, оказывающих влияние на динамику цен на продовольствие, нами выделены: мировые цены, девальвация рубля, экономические санкции, что дало возможность оценить условия ценовой конкурентоспособности в агропродовольственном комплексе. Межотраслевая несбалансированность агропродовольственного комплекса наиболее сильно выражена в структуре цены на продовольствие. Изменения в ценовых соотношениях являются факторами, которые определяют интенсивность структурных сдвигов.

Происходящие институциональные преобразования связаны с формированием транзакционного сектора. Проведенная на основе данных симметричных таблиц «Затраты-Выпуск» оценка транзакционного сектора за период с 2000 по 2014 годы показала, что его доля в валовом выпуске сельского хозяйства выросла с 7,34 % до 10,51 %, а в валовом выпуске пищевой промышленности с 11,25 % до 17,4%.

Список литературы:

1. Гильмундинов В., Денисов А. Влияние немонетарных факторов на инфляцию в России //Эко/ - 2012. - № 1. - С. 116-129/
2. Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е. Трансформация институциональной структуры российского АПК //Российский экономический журнал. - 2018. - № 3. - С.47-62, 58

3. Литвинцева Г., Гахова Н. Динамика транзакционного сектора экономики России: как учил Д. Норт // Журнал институциональных исследований. - 2016. - Том 8. - № 2. - С. 38-50.
4. Небурчилова Н.Ф., Петрунина И.В. Эквивалентность соотношения закупочных, оптово-отпускных и розничных цен на мясо и мясные продукты // Все о мясе. - 2017. - № 1. - С. 51-55
5. Оболенский В.П. Мировые цены и реформирование мировой финансовой системы // Российский внешнеэкономический вестник. - 2017. - № 2. - С 71-83
6. Попов В.А. Экономико-математические методы и модели в плановом ценообразовании: (вопросы теории и методологии). – М.: Экономика, 1982.- 144 с.
7. Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов /Отв. ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 328 с.
8. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации 2014-2018. – URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4083130174998897::NO>
9. Финансы России. 2018: Стат. сб./ Росстат. – М., 2018. – 439 с.
10. Цены в России. 2018: Стат. сб./ Росстат – М., 2018. -142 с. – URL: – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/Cena-2018.pdf
11. Commodity Markets Outlook. April 2019. World Bank Group. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31549/CMO-April-2019.pdf?sequence=8&isAllowed=y>

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ АГРОСТРАХОВАНИЯ

Кадоццева М.Е., к.э.н., Коростелев В.Г., к.э.н., ИАГП РАН

Рассмотрены подходы к реализации концептуальной модели институциональной среды национальной системы сельскохозяйственного страхования, позволяющей отслеживать и прогнозировать изменения, происходящие в институциональных взаимоотношениях субъектов агрострахования, а также оценивать факторы, оказывающие влияние на устойчивость контрактных связей. Предложены направления системных преобразований межинституционального взаимодействия государства, страховых организаций и хозяйствующих субъектов АПК, учитывающих совокупность факторов и основных индикаторов развития страхового рынка в современных условиях.

Ключевые слова: сельскохозяйственное страхование, институциональная среда, методология, управление, структура, модель, субъекты, межинституциональное взаимодействие

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF AGRICULTURAL INSURANCE

Kadomtseva M.E., candidate of economic sciences,
Korostelev V.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The approaches to the implementation of the conceptual model of the institutional environment of the national agricultural insurance system are examined, which allows tracking and predicting changes in the institutional relationships of agricultural insurance entities, as well as assessing the factors affecting the stability of contractual relations. The directions of systemic transformations of the inter-institutional interaction of the state, insurance organizations and economic entities of the agro-industrial complex, taking into account a combination of factors and basic indicators of the development of the insurance market in modern conditions, are proposed.

Key words: agricultural insurance, institutional environment, methodology, management, structure, model, subjects, inter-institutional interaction

Введение.

Стратегия обеспечения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности национального агропродовольственного комплекса определяет необходимость исследования подсистемы финансовых институтов с целью обеспечения устойчивости финансирования сельского хозяйства в условиях глобальных вызовов и угроз. Одним из наиболее важных финансовых институтов, направленных на стабилизацию доходов сельскохозяйственных производителей, является страхование сельскохозяйственных рисков (или агрострахование). Однако в настоящее время предлагаемые механизмы реализации страховой деятельности в сельском хозяйстве являются недостаточно эффективными. Для совершенствования действующей модели агрострахования необходимо исследовать теоретико-методологические аспекты развития института агрострахования, изучить текущее состояние агрострахования и обосновать направления его модернизации.

Целью настоящей работы является исследование институциональной структуры системы агрострахования и выявление ключевых факторов, влияющих на формирование и развитие страховой деятельности в сельском хозяйстве России.

Методика исследования.

В вопросах теоретического анализа механизмов государственного управления национальным агропродовольственным комплексом и отдельных его элементов одним из наиболее активно используемых в настоящее время подходов является институциональный, обладающий свойствами учитывать отдельные факторы и сложные взаимосвязи между экономикой и обществом, государством и институтами в условиях трансформации социально-экономического пространства, а также позволяющий выявлять возможности структурной модернизации экономических систем.

Исследованию особенностей современной институциональной экономики посвящены труды Г.Б. Клейнера, В. Маевского, О.С. Сухарева, В.М. Полтеровича, Е.В. Попова и др. В своей работе «Эволюция институциональных систем» Г.Б. Клейнер, говоря о степени изученности динамики институциональных систем, отмечает, что одной из ключевых проблем является недостаточность эмпирической базы институциональных исследований. В частности, «...ощущается серьезный недостаток систематических описаний состава, структуры и функций базовых социально-экономических институтов в реальных отечественных экономических системах». Им предлагается системный многоуровневый подход к теоретическому анализу формирования и изменения институциональной структуры путем разработки «институциональных карт», отражающих состав и взаимодействие институтов в различных сферах экономики [1, с. 28]. В.М. Полтерович также отмечает, что «мы не располагаем полным описанием большинства реальных институтов...» [2, с. 26]. Одним из таких реальных и наименее изученных экономических институтов является институт страхования сельскохозяйственных рисков.

Система страхования сельскохозяйственных рисков является частью национальной финансовой системы, которая постоянно трансформируется с целью повышения финансовой устойчивости отечественного агропродовольственного комплекса. Развитие данной системы определяется структурной сбалансированностью институциональной среды, уровнем развития институтов и плотностью их взаимодействия. На изучении этих взаимосвязей – институциональных соглашений, а также механизмах и транзакциях – концентрировалось внимание большинством представителей классического неинституционализма (Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт, Р. Майерсон и др.). Нами взята за основу трехуровневая модель межинституционального взаимодействия, предложенная Оливером Уильямсоном [3], на основе которой построена концептуальная модель институциональной среды системы сельскохозяйственного страхования. Модель представлена в виде многоуровневой динамично развивающейся системы взаимодействия между субъектами инфраструктуры страхового рынка, субъектами его экономической организации, саморегулируемыми и общественными организациями, органами государственного регулирования на полях неформальных и формальных правил, норм и ограничений (рис. 1). Институционализация страхового поля позволяет отслеживать изменения, происходящие во взаимоотношениях субъектов агрострахования, выявлять, систематизировать и оценивать факторы, оказывающие влияние на развитие института сельскохозяйственного страхования в Российской Федерации в целом.

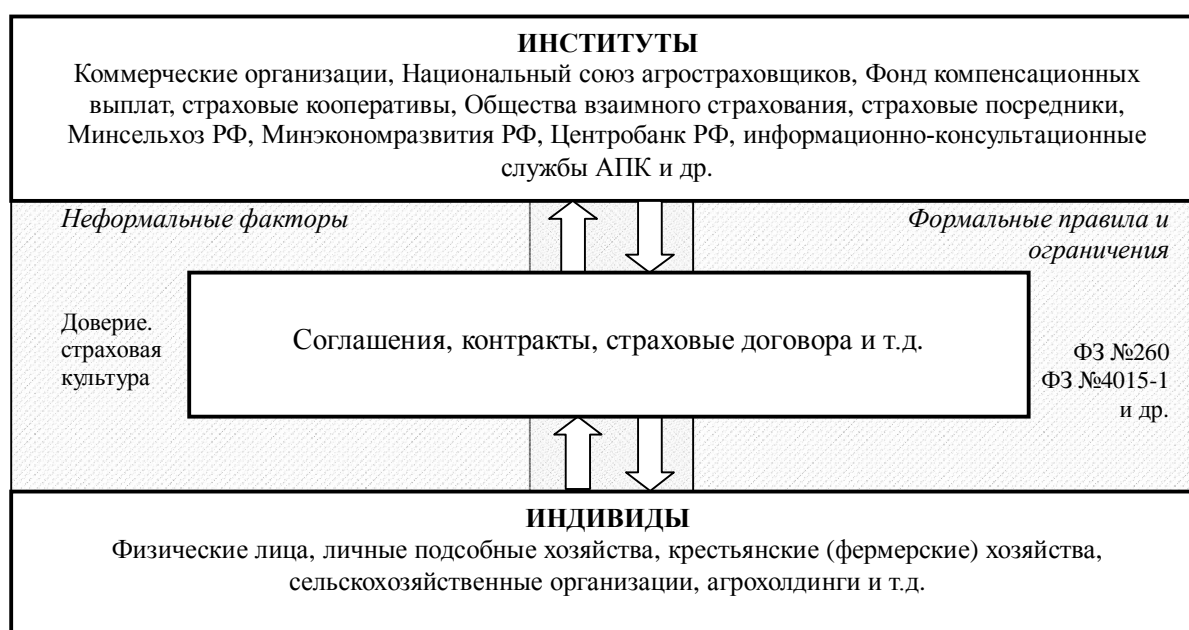

Рисунок 1 - Концептуальная модель институциональной среды национальной системы сельскохозяйственного страхования

Результаты исследования.

Важнейшим аспектом исследования институциональной среды сельскохозяйственного страхования является выявление и анализ её субъектов, а также уровня их взаимодействия, определяющего общий характер развития и эффективность страховой системы.

В статье 4.1 Федерального закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определены следующие участники страховых отношений: страхователи, страховые организации, общества взаимного страхования (ОВС), страховые агенты, страховые брокеры и страховые актуарии, уполномоченные органы исполнительной власти. Данный закон является правовой основой регулирования обязательного страхования. В России страхование сельскохозяйственных рисков является мультирисковым и осуществляется на добровольной основе посредством имущественного страхования. Добровольное страхование реализуется на основании договора страхования и правил страхования, определяющих общие условия и порядок его осуществления, которые устанавливаются страховщиком или объединением страховщиков (п.3 ст.3 ФЗ-№ 4015-1), поэтому данный федеральный закон определяет лишь общие принципы работы сельскохозяйственного страхования.

Институционально-правовой базой организации агрострахования и оказания государственной поддержки в сфере страхования сельскохозяйственных рисков является Федеральный закон от 25.07.2011 года №260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [4]. Пунктом 16 статьи 2 данного закона определены основные участники сельхозстрахования с господдержкой: страхователи, выгодоприобретатели, страховщики, уполномоченный орган, уполномоченный орган субъекта РФ Банк России. В соответствии с требованиями двух базовых законов, страхование сельскохозяйственных рисков (на основе государственной поддержки) вправе осуществлять только коммерческие организации, вступившие на добровольной основе в члены объединения. Создание «Единого объединения страховщиков агропромышленного комплекса – Национального союза агростраховщиков» (НСА) стало ключевым шагом в направлении развития централизованной системы сельскохозяйственного страхования. В соответствии с 260-ФЗ и Уставом НСА определены функции объединений страховщиков, которые дополнительно выполняют функцию перестрахования за счет формируемого фонда компенсационных выплат. В целом с принятием закона 260-ФЗ были заложены организационные основы действующей системы сельскохозяйственного страхования, методологической базы, создана информационная система агрострахования, определены ключевые элементы институциональной среды: страховые организации, субъекты хозяйствования, институты инфраструктуры страхования, внешние институциональные факторы воздействия, а также само государство, определяющее условия формирования институциональной среды.

Государство является важнейшим системообразующим институтом. Оно может, как способствовать созданию институтов и задавать вектор развития институциональной среды, так и являться сдерживающим элементом её развития. Всё зависит от конкретных условий и сравнительной эффективности в этих условиях той или иной системы хозяйственной координации [5, с. 98]. В лице ответственных органов государство проводит регулируемую политику для субъектов страхового рынка, обеспечивает условия для развития конкуренции на страховом рынке. При этом реализуется достаточно «жесткая» политика со стороны Центрального Банка России, осуществляющего функции по регулированию, контролю и надзору в сфере страхового дела [6]. Однако, несмотря на то, что за последние годы проведена существенная работа по созданию формальных норм, определяющих развитие системы страхования, не до конца прослеживается принцип системности её функционирования. Это частично проявляется в развитии нормативно-правовой и методологической базы страховой деятельности. В частности, отсутствует единый подход к оценке и отбору рисков, трудно отследить причинно-следственную связь рисков событий и ущерба, неразрешение спорных вопросов по поводу наступления страхового случая и выплат и т.д.

Проникновение страхования в сельскохозяйственную отрасль непосредственно зависит от межинституционального взаимодействия субъектов, механизмов координации и стимулирования. Государство определяет прямые и косвенные связи между институтами, институциональную основу развития системы страхования и образует организационные институты, входящие в ее инфраструктуру. Последняя включает в себя: обслуживающие страхование организации, экспертные статистические и информационные службы, метеорологическую службу, юридические институты, банки, страховых посредников и пр., связи между ними, опосредующие связи между страхователем и страховщиком, потоки информации, методы и способы взаимодействия.

Институт страховых посредников (страховые брокеры), как связующий элемент, занимает особое место в институциональной структуре. Развитая посредническая деятельность является важнейшим свойством страховых рынков экономически развитых стран. По данным исследования, проведенного Европейской ассоциацией страховых посредников VIPAR (European Federation of Insurance Intermediaries), которая была организована еще в 1937 году, в 30 странах страховыми посредниками в 2008 году было собрано более 80% общего объема страховых премий, оплаченных в этих странах [7]. Наличие страховых посредников и степень их участия в процессе подготовки и заключения договора страхования характеризует уровень зрелости страховых отношений. Построение агентских сетей методом сетевого или многоуровневого маркетинга стимулирует развитие конкуренции на страховом рынке, ведет к унификации условий страхования, снижению тарифов, соответствию условиям потребителей страховых услуг.

Развитие страхового посредничества было определено в качестве одного из приоритетных направлений развития инфраструктуры страхового рынка в Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года [8]. По данным Банка России в структуре каналов продаж в 2017 году их доля не превысила и 3%, причем большую часть страховых премий обеспечил банковский сектор. Недостаточный уровень развития института страхового посредничества в целом и его отсутствие в секторе сельскохозяйственного страхования определяет значимость информационно-консультационных служб АПК, как структур, выполняющих функции популяризации страхования среди сельхозпроизводителей, оказывающих помощь в юридическом консультировании, в том числе при сопровождении договоров страхования и т.д. Данные направления актуальны, так как доминирующей тенденцией выступает высокая дифференциация получения страховых услуг, особенно с господдержкой, между крупными и малыми формами хозяйств. Поэтому региональные информационно-консультационные службы АПК должны входить в число субъектов инфраструктуры рынка агрострахования, как структуры наиболее близко находящиеся к малым сельхозпроизводителям и знающие специфику и особенности аграрного производства.

Крупные агропредприятия являются наиболее привлекательными субъектами рынка для страховых организаций. Риски, сопровождающие хозяйственную деятельность малого агробизнеса, более высоки, а страховые суммы значительно меньше. Малые формы хозяйствования ограничены в средствах, что сказывается на соблюдении агротехнологий, наличии необходимой сельскохозяйственной техники, а также профессиональных агрономов и узкопрофильных специалистов. Кроме того, утрата (гибель) посевов даже с небольшой площади или части поголовья животных уже приводит к наступлению страхового случая. В силу данных причин сегмент малого предпринимательства, по сравнению со средними и крупными предприятиями отрасли, менее привлекателен для страховщиков. В результате страховые тарифы для малых форм хозяйствования выше, что определяет недоступность страховых продуктов для данной категории хозяйств. В тоже время широкий спектр потенциальных рисков обуславливает и большую потребность К(Ф)Х, ЛПХ и ИП в агростраховании.

Основную долю субъектов, осуществляющих страховую деятельность, занимают коммерческие организации. В то же время институциональную структуру дополняют страховые кооперативы и общества взаимного страхования, организация значительной части деятельности которых осуществляется на некоммерческой основе. Страховые потребительские кооперативы создаются самими сельскохозяйственными товаропроизводителями для удовлетво-

рения собственных потребностей в обеспечении защиты своего производства от ситуаций с неблагоприятными последствиями. Поэтому страховые кооперативы не преследуют цели получения прибыли (в отличие от коммерческих страховых структур) и служат интересам только своих членов. Хотя законодательством Российской Федерации и предусмотрена возможность организации страхования сельскохозяйственных рисков на кооперативной основе, в российском агропромышленном комплексе сельскохозяйственная страховая кооперация как институт в настоящее время практически отсутствует [9, 10].

Сравнительный анализ отечественной и зарубежной практики страхования свидетельствует о существенной разнице в институциональном развитии экономических систем. Потенциал рынка агрострахования достаточно высок и еще до конца не охвачен. В целях более глубокого проникновения страхования в хозяйственную деятельность, институциональной структуре сферы страхования не хватает наполнения субъектами различных организационно-правовых форм, способных предложить страховые программы и услуги с широкой степенью вариативности [11, 12]. Сохраняется необходимость применения дифференцированного подхода к организации страхования агропроизводителей в зависимости от их размера: крупных и средних - в коммерческих организациях, осуществляющих страховую деятельность, а малых форм хозяйствования - преимущественно в обществах взаимного страхования и страховых кооперативах с распространением на них государственной поддержки страхования и государственного перестрахования. Преимущества подобных форм организации страховой деятельности проявляются в специфических особенностях самой кооперативной формы и наибольшей степени адаптации к менталитету сельского населения.

Страхование следует рассматривать как социально-экономический механизм, функционирующий на основе совокупности сложных и взаимосвязанных между собой экономических, организационно-правовых и социально-психологических отношений по снижению рисков между множеством экономических агентов. Институциональная среда страховой системы применительно к сельскому хозяйству отличается от классического страхования за счет значительного преобладания отраслевой специфики и неформальных факторов в хозяйственной деятельности и экономических связях. На представленной модели институциональной среды национальной системы сельскохозяйственного страхования (рис.1) отражено, как потоки межинституционального взаимодействия от хозяйствующих субъектов к организациям страхования идут через пересечение областей формальных и неформальных институциональных факторов, определяющих порядок взаимодействия субъектов и контрактные связи. При этом осуществление действий со стороны потребителей страховых услуг (физических и юридических лиц) происходит приближенно к области неформальных факторов, организация же действий со стороны институтов агрострахования основана на установленных формальных нормах и правилах.

Ментальный барьер в сознании большей части населения сельских территорий в России заключается в представлении об агростраховании, как о некоей малоэффективной трате средств, а не платы за приобретение страховой защиты и передачи своих рисков. Неприязнь к отношениям со страховыми компаниями, «убыточная идеология» страхования - сдерживают страховую активность сельхозпроизводителей [13, с. 96]. С другой стороны, низкий уровень технической оснащенности, юридической культуры, несоблюдение технологий сельскохозяйственного производства и прочие факторы формируют у страховых компаний по отношению к сельхозпроизводителям, преимущественно малых форм хозяйствования, стереотип «невыгодных» страхователей. Совокупность данных факторов определяет низкую страховую культуру в сельскохозяйственной отрасли.

Снижение доверия к институту страхования произошло из-за применения многими страховыми компаниями теневых «схем» освоения бюджетных субсидий без реального страхования, о чем свидетельствует достаточно низкий уровень страховых выплат при распространении операций «псевдострахования». В результате, страховые организации, занимавшие в 2014 году 62,3% всего рынка агрострахования с господдержкой, в течение 2015 года подверглись санкциям Банка России, что заставило 28 из них покинуть рынок. Доля застрахованных площадей этими страховыми организациями в 2015 г. составляла 57,2% от общего

объема застрахованных земель. Таким образом, оздоровление рынка агрострахования одновременно привело к резкому сокращению показателей страхования сельскохозяйственных рисков (рис. 2).

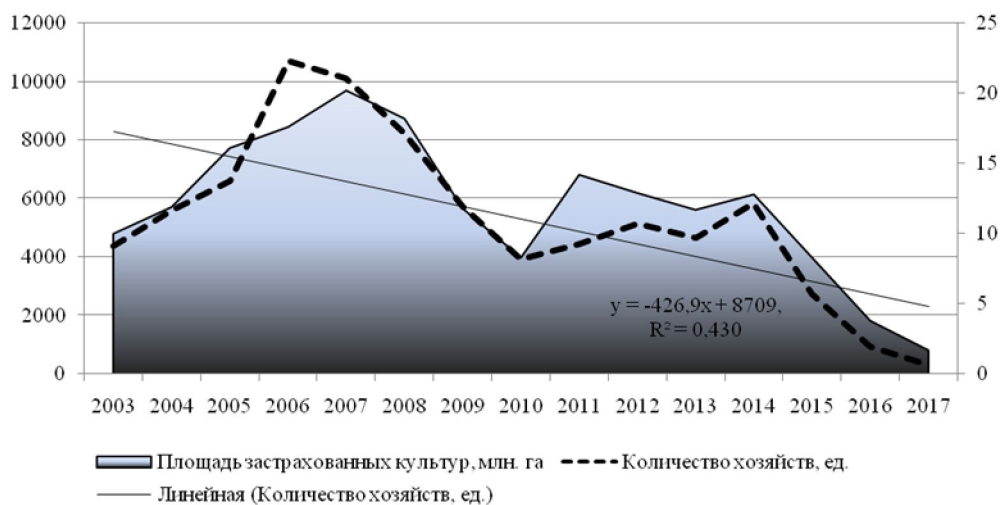

Рисунок 2 - Площадь застрахованных культур и количество хозяйств, заключивших договоры страхования с господдержкой в 2003 – 2017 годы [23]

Одним из решений для преодоления фактора низкого доверия и достижения взаимопонимания в диалоге агробизнеса, государства и страховщиков является повсеместное применение на практике возможностей стремительно развивающихся IT-технологий, например, спутникового мониторинга [14, с. 116]. Ранее применение таких технологий не находило отражения в нормативно-правовом поле страховой деятельности. В 260-ФЗ не предусматривалась возможность использования подобных систем при проведении процедуры экспертизы. С принятием федерального закона №563-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», были внесены изменения в часть 1 статьи 5. Она была дополнена предложением: «Экспертиза проводится на основании обследования объектов страхования, если обследование возможно на момент проведения экспертизы, а также на основании представленных страховщиком и (или) страхователем соответствующих документов, информации и материалов, полученных в том числе в результате мониторинга с использованием авиационных и космических средств» [15]. Внесенные изменения потребуют большой работы по закреплению данного положения в методическом обеспечении страховой деятельности. Пока практика показывает лишь выборочное рассмотрение судебными органами экспертных заключений, основанных на спутниковом мониторинге, в качестве доказательств в рамках дел по спорам в агростраховании. Однако при нормативном урегулировании данные космического мониторинга могут стать основой при решении спорных случаев и системы урегулирования убытков в агростраховании с государственной поддержкой, а закрепление применения цифровых технологий в нормативной и методологической базе станет важнейшим шагом в направлении совершенствования национальной системы сельскохозяйственного страхования и ее соответствия международным стандартам.

Заключение.

Глубокие социально-экономические преобразования последних лет оказали значительное воздействие на соотношение между институтами в рамках институциональной структуры и задали вектор развития институциональной среды страхования сельскохозяйственных рисков. Агрострахование следует рассматривать как институт, который можно и необходимо использовать для системного решения актуальных проблем развития сельского хозяйства. Несмотря на это, участники рыночных отношений в должной мере не используют его в качестве финансового механизма защиты в случае наступления чрезвычайных событий. Пассив-

ное использование страховых инструментов в сельском хозяйстве не способствует решению проблем формирования финансовой устойчивости сельхозпроизводителей. Государство также недостаточно уделяет внимание данному институту. Второстепенное положение страховой отрасли в экономике, общая недооценка значимости агрострахования привели к тому, что предлагаемые институциональные механизмы организации хозяйственной деятельности становятся недостаточно действенными в существующих социально-экономических условиях, приводя к деформированным формам и нормам их реализации. Неравномерное развитие институциональной среды агрострахования порождает серьезные затруднения в функционировании и развитии большинства экономических организаций, входящих в состав организационно-управленческого механизма агропродовольственного комплекса. Необходимо усилить меры по совершенствованию нормативно-правовой и методологической базы страховой деятельности, активнее внедрять цифровые технологии.

Список литературы:

1. Клейнер В.Г. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. - 240 с.
2. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов// Журнал «Экономическая наука современной России». - 2001. - №3. - С. 24 – 50.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. Уильямсон. - СПб.: Лениздат, СЕУ Пресс, 1996.
4. ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 25.07.2011 N 260-ФЗ. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117362/.
5. Стукач В.Ф. Мониторинг развития крестьянских хозяйств. Динамика, адаптация к рынку, методы мониторинга: монография // В.Ф. Стукач, Е.В. Коваленко. – Издатель: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KGDud-weiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany. – 168 p.
6. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 26.07.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2017). - URL: <http://www.consultant.ru>.
7. European Federation of Insurance Intermediaries. – URL: <https://www.bipar.eu/en/home>.
8. Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года. - URL: <http://static.government.ru/media/files/41d47e4f03ae8a61bd97.pdf>.
9. ФЗ от 8 декабря 1995 г. N 193-ФЗ "О сельскохозяйственной кооперации" (с изменениями и дополнениями). - URL: <http://base.garant.ru/10105638/#ixzz5ZHOSPO2T>.
10. Бурлаков В.Б. Проблемы развития страхования рисков сельскохозяйственного производства на кооперативной основе // Научное обозрение: теория и практика. - 2018. - № 8. - С. 136-146.
11. Дадьков В.Н., Романова А.А. Эволюция организации страхования сельскохозяйственных рисков в России // Страховое дело (электронный журнал). - 2014. - №4. - С. 26-35. - URL: <https://rucont.ru/efd/610522>.
12. Порфирьев Б.Н., Юлдашев Р.Т. Становление системы агрострахования в России: ключевые проблемы и наметки решений // Российский экономический журнал. - 2010. - №6. - С. 35–43.
13. Статистические данные по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, многолетних насаждений и сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой в 2012 – 2016 гг. М.: 2017. - 68. с.
14. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения: Монография. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. - 228 с.
15. Федеральный закон от 27.12.2018 № 563-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314703/

ОПТИМИЗАЦИЯ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ СТРУКТУР В АПК

Рябчикова Н.Н., к.э.н., ИАГП РАН

Раскрываются экономическая составляющая содержания транзакционных издержек, особенности их формирования и управления в субъектах агропродовольственного комплекса. Основное внимание в исследовании уделено вопросу оптимизации транзакционных затрат путем формирования и развития кластерных структур. Представлен анализ некоторых подходов к классификации транзакционных издержек, включая перечень тех, которые чаще снижаются за счет взаимодействия участников в рамках кластера. С целью выявления тенденций развития транзакционного сектора в РФ проанализированы индексы цен на услуги инвестиционного назначения, включая отрасли сельского хозяйства и производства пищевых продуктов. Обосновывается необходимость создания механизма управления транзакционными издержками в АПК на основе развития кластерной политики.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, транзакционные издержки, механизм, кластеры.

OPTIMIZATION OF TRANSACTION COSTS BY FORMING CLUSTER STRUCTURES IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Ryabchikova N.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article reveals the economic component of the content of transaction costs, the features of their formation and management in the subjects of the agri-food complex. The main focus of the study is on the issue of optimizing transaction costs through the formation and development of cluster structures. The analysis of some approaches to the classification of transaction costs is presented, including a list of those that are often reduced due to the interaction of participants in the cluster. In order to identify trends in the development of the transaction sector in the Russian Federation, price indices for investment services, including agriculture and food production, are analyzed. The necessity of creating a mechanism for managing transaction costs in the agricultural sector based on the development of cluster policy is substantiated.

Keywords: agri-food complex, transaction costs, mechanism, clusters.

Введение.

В условиях динамичного изменения окружающей среды, знания и информация выступают основополагающими ресурсами современной экономики, определяющими вектор мирового развития. В связи с тем, что использование эффектов сетевого взаимодействия становится определяющим условием поведения экономических агентов, происходящие изменения в структуре экономики требуют анализа взаимосвязи секторов. Усложнение процессов взаимодействия актуализируют вопросы изучения транзакционного сектора как части экономической системы.

Относительно его состава среди экономистов не существует единого мнения. Большинство исследователей включают в него отрасли: банковские и юридические услуги, страхование, оптовую и розничную торговлю, судебную систему и правоохранительные органы, затраты на управление и другие услуги (Д. Норт, Дж. Уоллис [1]). Для агропромышленного комплекса данные виды деятельности являются поддерживающими.

В настоящее время проблему транзакционных издержек активно стали исследовать как российские, так и зарубежные ученые, занимающиеся вопросами их оптимизации и управления. Несмотря на достаточную проработанность теории транзакционных издержек в современной экономике, не уделено достаточного внимания их исследованию в агропродовольственном комплексе.

Поскольку аграрную сферу целесообразно рассматривать как территориальную формацию, представляющую собой целостную природно-географическую и социально-экономическую систему, в которой осуществляются сбалансированное воспроизводство агропромышленной продукции со свойственной ему специализацией в межрегиональном разделении труда; развитие инфраструктуры и охрана окружающей среды, создающие предпосылки для нормального воспроизводства населения [2], решать проблему оптимизации трансакционных издержек необходимо в плоскости институциональных трансформаций.

Цель исследований – выявление тенденций развития трансакционного сектора в РФ на основе анализа индекса цен на услуги инвестиционного назначения, включая отрасли сельского хозяйства и производства пищевых продуктов, а также обоснование необходимости создания механизма управления трансакционными издержками в отечественном агропродовольственном комплексе.

В процессе исследования применялись следующие **методы исследования**: монографический, экономико-статистический, абстрактно-логический, метод институционального анализа.

Результаты исследования.

Теоретико-методологические основы исследования трансакционных издержек заложены в работах Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона, А.Е. Шаститко и других ученых. Вопросы трансакционных издержек в аграрной сфере раскрыты в трудах А.С. Малахова, И.Г. Панженской, В.Ф. Стукача, С.Н. Суворова, О.В. Шумакова и др. Сущность и особенности трансакционных издержек, возникающих в процессе функционирования социально-экономических систем различного уровня, проанализирована в работах Дж. Коммонса, О. Уильямсона, К. Эрроу и ученых, занимающихся исследованиями в области институциональной экономической теории. Проблемам оценки трансакционных издержек посвящены труды Г. Демсецем, Д. Норта, В.Л. Тамбовцева, В.Е. Кокорева и др. М.Б. Ерзнкян делает вывод о том, что существуют веские причины сосредоточения внимания именно на трансакционном секторе, поскольку его динамика «является в определенной мере индикатором происходящих в экономике и обществе институциональных изменений», а также определяющей для динамики развития государств и социально-экономической системы в целом [3]. Принимая во внимание современные тенденции развития мирового хозяйства (активное использование информационных технологий, превращение инновационного процесса в постоянно действующий фактор развития, высокие скорости изменений, обостряющаяся конкуренция), инициирующие формирование нового типа хозяйствования на основе сетевой концепции, ряд авторов считает необходимым исследовать особенности взаимовлияния трансакционного сектора и обслуживаемого им трансформационного сектора в контексте сетевого взаимодействия и сетевой организации экономики [4].

Существует большое количество определений «трансакционных издержек» разных авторов. Р. Коуз считает, что трансакционные издержки это – «издержки, возникающие при заключении рыночных сделок, связанные со сбором и обработкой информации, проведением переговоров и принятием решений, контролем выполнения контрактов и их юридической защитой». А.Е. Шаститко дает им определение как «затрат ресурсов (денег, времени, труда и т.п.) для планирования, адаптации и контроля за выполнением взятыми индивидами обязательств в процессе отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, принятых в обществе» [5].

Различные трактовки и подходы к определению трансакционных издержек породили множество подходов к их классификации. В таблице 1 приведены некоторые классификации зарубежных авторов, отличающиеся принципиальным подходом к группировке затрат.

Для выявления, анализа и влияния на величину трансакционных затрат в системе агропродовольственного рынка необходим механизм управления, содержащий следующие направления развития в виде совершенствования правового регулирования, соответствующих инфраструктур (рыночной, информационной и т. д.), административного управления, кадрового состава, кластерной аграрной политики и т.д.

Так как одним из инструментов управления транзакционными издержками на макроуровне является кластерная политика, которая, трансформируя экономические процессы в АПК страны, нацелена на сокращение издержек сбыта сельскохозяйственной продукции, транспортных расходов, поиска информации, то в данной статье основное внимание уделено обоснованию механизма управления транзакционными издержками в рамках кластеров агропродовольственного комплекса. В процессе управления транзакционными издержками каждый участник кластерной структуры нацелен на их снижение, но при этом на получение более полного удовлетворения потребностей в необходимых услугах, обязательных для эффективного своего функционирования.

Таблица 1 – Зарубежные классификации транзакционных издержек

Классификация Т. Эггертсона [6]	Классификация П. Милгрота и Дж. Робертса [7]	Классификация О. Уильямсона [8]
Издержки поиска информации о ценах и качестве товаров, а также о потенциальных покупателях или продавцах; издержки выявления резервных позиций при эндогенных ценах; издержки составления контрактов; издержки контроля за выполнением условий контракта; издержки принуждения к выполнению условий контракта; издержки защиты прав собственности от посягательств третьей стороны	Издержки разделяются на группы на основании определенных критериев. Например, критериями является объективность издержек или объект состыковки; в качестве источника издержек выступают недостатки координации между субъектами или недостатки их рациональности (нравственности); координационные издержки осуществляются для обеспечения состыковки планов, а мотивационные – для состыковки стимулов	Транзакционные издержки разграничиваются на затраты до (ex ante) и после (ex post) заключения контракта; ex ante: затраты на составление проекта контракта, проведение переговоров и обеспечение гарантий реализации соглашения; ex post: издержки в связи с плохой адаптацией к непредвиденным обстоятельствам, расходы, связанные со сбоями в контрактных отношениях, издержки использования структур управления, используемых для улаживания конфликтов, затраты в связи с точным выполнением контрактных обязательств

Под транзакционными затратами агропромышленных кластеров понимается специфический вид затрат, возникающих в процессе взаимодействия их участников и оказывающих значительное влияние на ход экономических процессов.

При формировании агропродовольственных кластеров исследователи чаще всего опираются на следующий комплекс методов: аналитический (исследование ресурсов конкретных территорий базирования кластеров), метод определения уровня конкурентоспособности, моделирование кластерной структуры, а также метод «Затраты-выпуск», позволяющий проводить исследования оборота товаров и услуг между отраслями и секторами экономики. Подход к выявлению кластеров на основе межотраслевых отношений при помощи таблиц «Затраты – выпуск» встречается в работах D Czamanski [9], J Redman [10], H. D. Roeske et al. [11], E. J. Feser, R. M. Luge [12], E. J. Feser, E. M. Bergman [13].

W. Isard [14] при идентификации кластера использует концептуальный подход. Автор расширяет внутриотраслевую концепцию местоположения, основываясь на кластерном анализе, утверждая при этом, что все фирмы принадлежат к одной отрасли, учитывая межотраслевые связи. Концепция ученого базируется на прямых и обратных связях таблиц «Затраты – выпуск», позволяющих формировать кластеры организаций, взаимосвязанных по производственной стоимостной цепочке и необязательно принадлежащих одной отрасли [16]. S. Lammagino и P. Mccann характеризуют этот тип пространственного кластера как «долгосрочные устойчивые и предсказуемые отношения между фирмами в кластере, через вовлечение частых сделок» [15] и подчеркивают концептуальную взаимосвязь модели с классической (Вебер) и неоклассической (Мозес) производственными моделями местоположения.

Анализ таблиц «Затраты-выпуск», представляющих собой матрицу с элементами величин взаимобмена продукцией и услугами между отраслями или территориями, позволяет

определить наиболее перспективные в плане интенсивности направления взаимосвязей. Именно с такого метода начали внедрять кластерный подход в экономику Финляндии. Существует Всемирная база данных WIOD [18], выступающая эффективным инструментом для работы исследователей, осуществляющих поиск необходимых индикаторов с целью проведение эмпирических наблюдений для проверки и количественной оценки своих теорий. WIOD позволяет решать вопросы, связанные с фрагментацией и социально-экономическими аспектами (рабочие места или создание добавленной стоимости), а также экологическими аспектами (использование энергии, различные выбросы в воздух или использование воды).

Определение экономической целесообразности создания агропромышленных кластеров и их эффективности формирует необходимость в трансформации и моделировании процесса управления транзакционными издержками. По мнению А.С. Васина, А.Ю. Шахова, В.А. Коваленко наиболее полную картину происходящих экономических процессах в кластере, и в частности, уровень транзакционных издержек дает использование экономико-математических моделей теории игр [14]. При построении более эффективных вариантов оптимизации деятельности участника кластера и сетевых взаимодействий формирование экономико-математических моделей позволяет усовершенствовать инструментарий принятия решений участников кластера.

Одним из результатов кластерно-сетевого взаимодействия в рамках каждого из кластеров, является оптимизация транзакционных издержек (рис. 1), что является результатом постоянного взаимодействия между участниками кластеров.

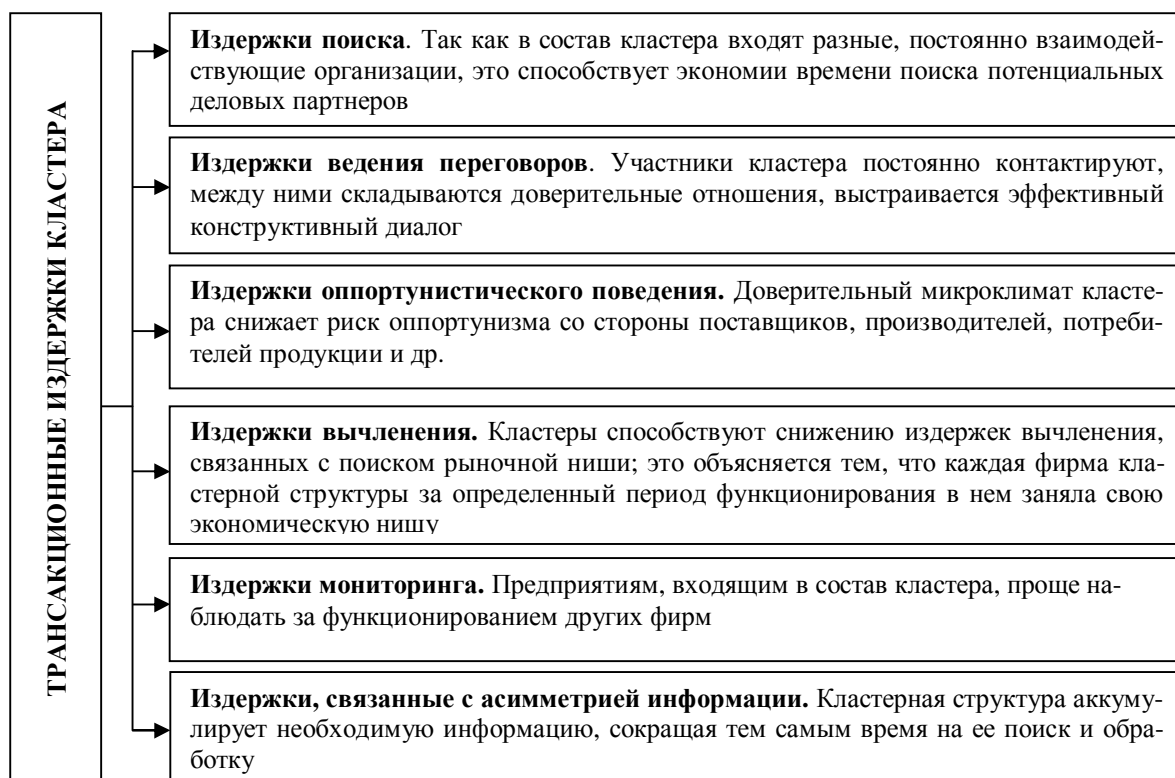

Рисунок 1 – Транзакционные издержки кластера

В рамках агропродовольственного кластера, как правило, благодаря территориальной близости и социальной доступности партнеров снижаются издержки поиска информации, ведения переговоров, измерения.

Под транзакционными издержками в данном контексте понимаются затраты взаимодействия субъектов кластеров в аграрной экономике. Эти издержки включают любые необходимые затраты ресурсов, направленные непосредственно не на производство экономических благ, а на обеспечение успешной реализации данного процесса. Именно этот аспект

«обеспечивающей» функции транзакционных издержек часто сравнивают с затратами энергии на преодоление трения в механических системах.

Несмотря на то, что механизм управления транзакционными издержками в агропродовольственном комплексе должен содержать выявление, анализ, планирование и воздействие на величину издержек по транзакциям, оптимизация этих издержек означает не только снижение их размера, но и их рост, который может быть связан с различного рода инновациями в производстве, управлении или маркетинге. Стоит отметить, что рост и снижение могут происходить в отдельных направлениях и по отдельным статьям затрат, а в общем объеме оставаться неизменными, на что указывает в своем исследовании Е.А. Асташова [17]. Стоит отметить, что в настоящее время транзакционные издержки занимают значимое место в работе предприятий кластеров, а их величина влияет на финансовый результат их деятельности.

Обоснование разработки механизма управления транзакционными издержками в системе агропродовольственного рынка включает основные направления работы в этой области: развитие рыночной и информационной инфраструктуры, совершенствование административного управления, кластерную политику в системе АПК, повышение эффективности системы правового регулирования, развитие интегрированных структур, стандартизацию методов измерения, учета и отчетности, способы реализации продукции, кадровый состав и др. Решение проблемы оптимизации транзакционных затрат лежит в плоскости институциональных изменений. Управление оптимизацией транзакционных издержек невозможно без учета особенностей агропромышленного комплекса и влияния государственного регулирования на взаимоотношения между субъектами.

Согласно отчетной информации Минпромторга, формирующиеся в России промышленные кластеры в 2019 г. достигли следующих финансово-экономических показателей: общее количество рабочих мест, приходящихся на участников промышленных кластеров в России в составило 16 241, доля высокопроизводительных рабочих мест – 50,29%, число малых и средних участников кластеров – 7, а объем налоговых и таможенных платежей участников кластеров в федеральный бюджет составил 1302 млн. руб.¹ [18]. По количеству кластеров лидером стал Приволжский Федеральный округ (рис. 2).

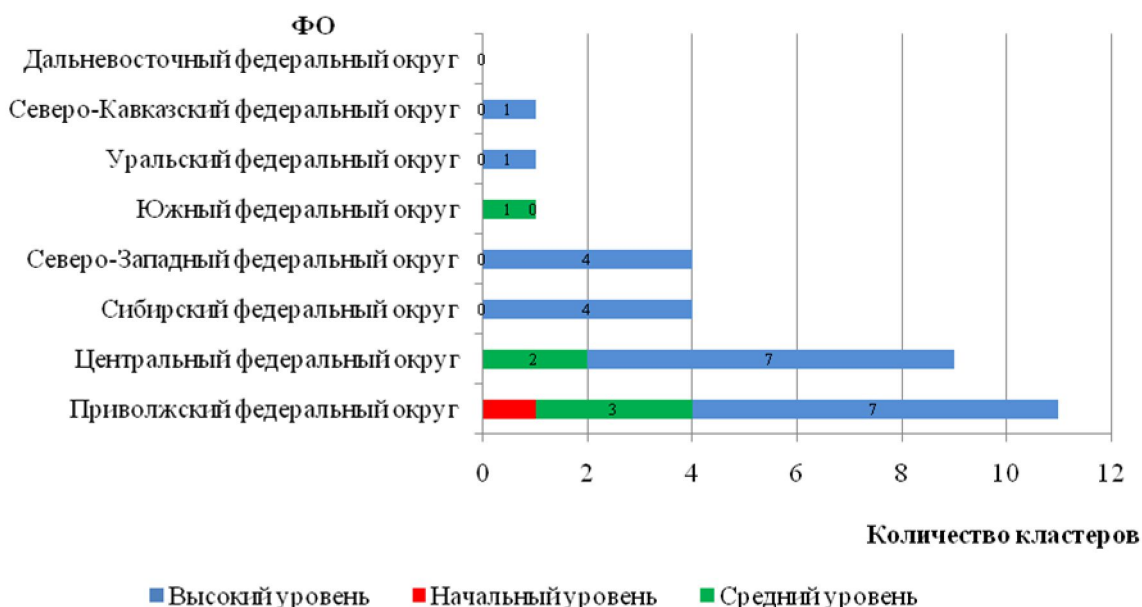

Рисунок 2 - Количество промышленных кластеров по федеральным округам РФ в 2019 г.

Источник: составлено по материалам Сводной статистической информации геоинформационной системы по кластерам [www.gisip.ru]

¹ Количество кластеров, по которым рассчитан показатель – 1.

Кластеры агропромышленного производства России активно формируются в Пермском крае, Белгородской, Курской, Орловской, Вологодской, Новгородской, Ростовской, Астраханской и других областях.

Одним из направлений развития кластеров является проектная деятельность (разработка и реализация внутрикластерных и инвестиционных проектов). Согласно «Сведениям об инвестиционной деятельности» Федерального статистического наблюдения около 10% в общем объеме инвестиций в основной капитал занимает прочая продукция (затраты, услуги) инвестиционного назначения. Расчет показателя индекса цен на них используется для анализа экономических процессов макроуровня.

Для определения влияния ценовых изменений на прочую продукцию инвестиционного назначения в области сельского хозяйства и производства пищевой продукции и прочей связанной деятельности (некоторых услуг) были проанализированы индексы цен с 2017 г., которые показали динамику их увеличения, что является следствием тенденции сокращения транзакционного сектора в АПК (рис. 2).

Рисунок 2 – Индексы цен на прочую продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения в РФ с 2017 г. в России*, %

Источник: составлено автором по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы РФ [<http://srtv.gks.ru/>];

* показатель показывает, во сколько раз возросла или уменьшилась стоимость продукции из-за изменения цен, или сколько % составляет рост (снижение) стоимости продукции в результате изменения цен

Данная гипотеза требует дальнейшей проверки посредством использования данных базы данных WIOD и детального их анализа.

Заключение.

В современной российской экономике транзакционные издержки имеют особое значение для агропродовольственного комплекса, отличающегося следующими особенностями: сезонностью производства, высоким уровнем цен на производственные услуги и низким на продукцию сельскохозяйственного производства, отсутствием квалифицированных кадров и т.п. Выбор способа их измерения является одним из приоритетных направлений в новой институциональной теории. Малоизученность указанного направления в экономической теории в настоящее время обуславливает актуальность данного направления исследования. В ре-

зультате изучения особенностей и сущности взаимоотношений, возникающих внутри агропродовольственного кластера, обосновывается необходимость совершенствования и использования механизма управления транзакционными издержками на основе развития кластерной политики.

Поскольку транзакционный сектор экономики АПК нуждается в значительных ресурсах (трудовых, технологических, информационных и прочих) и его субъекты сами по себе несут значительные затраты транзакций, это сказывается на соответствующих издержках как отдельных промышленных предприятий, так и страны в целом. Транзакционный сектор на основе кластерно-сетевых взаимосвязей в условиях эффективной институциональной структуры не только развивает социально-экономическую систему, но и влияет на развитие связанных с ней подсистем.

Список литературы:

1. Wallis J., North D. Measuring the Transactional Sector in American Economy, 1870–1970 // Long-term factors in American Economic Growth, Vol. 51, Of The Income and Wealth Series / ed. S. Engerman and R. Gallman. Chicago: University of Chicago Press, 1986. Цит.: А.С. Скоробогатов. Институциональная экономика. Курс лекций. – СПб.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 139.
2. Иванова Н.В. Системная трансформация аграрной сферы в региональной экономике РФ: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – М., 2011. – 48 с.
3. Erznkyan M.B. Transaktsionnye factory dinamiki promishlennogo proizvodstva: dis.... kand.ekon. nauk. – М., 2010. – 159 р.
4. Перский Ю.К., Фрейман Е.Н. Кластерно-сетевое представление транзакционного сектора экономики // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9. – С. 1585–1589.
5. Горячев В.П. Понятие транзакционные издержки в экономической теории и практике // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2015. – № 1 (12). – С. 361–367.
6. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2000.– С. 29–30.
7. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – С. 59–60.
8. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма // Фирмы, рынки и «отношенческая» контракция. – СПб.: Лениздат, 1996. – С. 55–56.
9. Czamanski D., De Abblas L. A. Identification of industrial clusters and complexes: a comparison of methods and findings // Urban Studies, 1979, Vol. 16, P. 61–80.
10. Redman J. Understanding State Economics through Industries Studies. – Washington DC: Council of Governor's Policy Advisors, 1994. – URL:link.springer.com≥ chapter/10.1007/978
11. Røepke H. D., Adams D., Wiseman R. A new approach to the identification of industrial complexes using input-output data // Journal of Regional Science, 1974, Vol. 14, № 1, P. 15–29.
12. Feser E. J., Luge R M. Cluster analysis as a mode of inquiry: It's use in science and technology policymaking in North Carolina // European Planning Studies, 2002, № 11, P.11–24.
13. Feser E. J., Bergman E. M. National industry cluster templates: A framework for applied regional cluster analysis // Regional Studies, 2000, Vol. 34, № 1, P. 1–19.
14. Isard W., Schooler E. W., Vietorisz T. Industrial complex analysis and regional development: A case study of refinery-petrochemical-synthetic-fiber complexes and Puerto Rico. – Cambridge: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, 1959, 324 p.
15. Lammarino S., Mccann P. Firm location and technology: stylized constructs and illusory policies/ Presented at the 4th European Meeting on Applied Evolutionary Economics (EMAE). – Utrecht, Netherlands, 2005, Vol. 14, № 1, P. 15–29.
16. Турганбаев Е. М., Козлова М. В. Идентификация региональных индустриальных кластеров и оценка их структурного воздействия на экономику региона (на примере ВКО) // Управление большими системами. – 2009. – № 25. – С. 139–178.

17. Васина А.С., Шахова А.Ю., Коваленко В.А. Моделирование процесса управление транзакционными издержками в автотранспортном кластер // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – № 47 (89). – С. 15–22.
18. Dietzenbacher E. Et al. (2013) The construction of world input–output tables in the wiod project // EconomicSystems Research, 71-98.
19. Сидорченко А.Е. Влияние кластеров на снижение транзакционных издержек // Альманах современной науки и образования. – Грамота. – 2014. – № 5–6 (84). – С. 114–117.
20. Асташова Е.А. Управление транзакционными издержками в АПК // Вестник Омского университета. – 2006. – № 3. – С. 88–91.
21. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам. 2019 г. – URL:www.gisip.ru

ОБОСНОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ СОЧЕТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Андрющенко С.А., д.э.н., ИАГП РАН

В настоящее время управление инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственного комплекса осуществляется независимо на федеральном уровне и на уровне региональных агросистем. В статье рассматривается один из возможных механизмов координации действий федеральных органов власти с органами управления субъектов Российской Федерации. Одним из основных объектов координации в агропродовольственном комплексе должно стать инновационное развитие его отраслей, производственной, логистической и «цифровой» инфраструктуры, обеспечивающих рост производства на новой технологической основе. На примере программы развития мелиоративного комплекса России и Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса рассматриваются направления совершенствования программ развития отдельных отраслей агропродовольственного комплекса страны, так же региональных агросистем. Одной из задач региональных программ должна быть активизация использования имеющегося потенциала аграрной науки, мобилизация научно-интеллектуального потенциала. Предложено в качестве одного из вариантов обоснования концепции координации отраслевых и региональных программ в агропродовольственном комплексе использовать успешный опыт Единой аграрной политики Европейского Союза по применению механизма «перекрестного соответствия» (Cross-compliance) для согласования программ развития отраслей АПК страны с программами развития региональных агросистем.

Ключевые слова: национальные проекты, субсидии, перекрестное соответствие, региональные агросистемы, отрасли АПК.

SUBSTANTIATION OF MECHANISMS FOR MANAGEMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF PRODUCTION POTENTIAL OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX BASED ON THE COMBINATION OF NATIONAL AND REGIONAL PRIORITIES

Andryuschenko S.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

Currently, the management of innovative development of the productive potential of the agro-food complex is carried out independently at the national level and at the level of regional agricultural systems. The article considers one of the possible mechanisms of coordination of actions of federal authorities with management bodies of subjects of the Russian Federation. One of the main objects of coordination in the agro-food complex should be the innovative development of its industries, production, logistics and “digital” infrastructure, ensuring the growth of production on a new technological basis. On the example of the program for the development of ameliorative complex of Russia and Long-term Development Strategy of the Grain Complex, ways to improve programs of the development of national agro-food sector’s industries and regional agricultural systems are considered. One of the objectives of the regional programs should be an activation of the use of the existing potential of agricultural science, as well as the mobilization of scientific and intellectual potential. Use of the successful experience of the common agricultural policy of the European Union on the application of mechanism of “cross-compliance” will be one of the variants of the concept of coordination of sectoral and regional programs in the agro-food complex. It is necessary in order to approve program of development of national agrarian industries with programs of development of regional agricultural systems.

Keywords: national projects, subsidies, cross-matching, regional agricultural systems, agribusiness industries

Введение.

Развитие производственного потенциала агропродовольственного комплекса (АПК) обусловлено инновационным развитием отраслей комплекса и эффективным применением отраслевых инноваций на региональном уровне. Соответственно, при распределении средств государственной поддержки между отраслями АПК и субъектами Российской Федерации возникает дилемма между поддержкой отраслей и поддержкой регионов. Решение этой дилеммы относится к числу сложных теоретических задач, что подтверждается в научном докладе «О стратегии развития экономики России», подготовленном группой ведущих ученых Российской академии наук [1].

В докладе [1] прямо указывается, что недооценка регионально-пространственного разреза в системе государственного управления на федеральном уровне приводит к сверхконцентрации экономической активности в одних регионах и недоиспользованию потенциала других. По нашим оценкам, в агропродовольственном комплексе такие диспропорции ярко видны на примере высокой концентрации производства в таких регионах как Белгородская область и недостаточной обеспеченности ресурсами сельского хозяйства ряда регионов, не имеющих источников весомых поступлений в региональные бюджеты.

Следует согласиться с авторами доклада, что пространственный разрез должен входить во все основные блоки единой системы стратегического планирования экономического развития страны, что позволит координировать действия федеральных органов власти с органами управления субъектов Российской Федерации. Инструментами такой координации должны стать, по мнению авторов доклада, система увязанных друг с другом прогнозов социально-экономического развития России и регионов. Следует уточнить, что в агропродовольственном комплексе одним из основных объектов координации должно стать инновационное развитие его отраслей, производственной, логистической и «цифровой» инфраструктуры, обеспечивающих рост производства на новой технологической основе.

Цель исследований.

Обоснование организационных и экономических инструментов координации инновационного развития отраслей агропродовольственного комплекса, а также производственной, логистической и «цифровой» инфраструктуры региональных агросистем, обеспечивающих рост производства продовольствия на непрерывно обновляемой технологической основе.

Методика исследований.

Необходимость координации национального и регионального разрезов инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса признается агробизнесом, так вице-президент Российского зернового союза А. Корбут считает необходимым сконцентрировать государственную поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей на стимулировании интенсификации производства и технологического развития. При этом, по его мнению, необходимо ответить на ряд вызовов, в том числе «*вызов знаний*» – связанный с низкой эффективностью аграрной науки, отставанием в использовании высокоэффективных IT-технологий и биотехнологий; и «*вызов интеграции*» – необходимости совершенствования национальной и региональной структуры производства и агропродовольственной логистики с целью оптимального использования производственных факторов (конкурентных преимуществ) [2].

Развитие производственного потенциала агропродовольственного комплекса, обеспечивающее повышение его конкурентоспособности, устойчивый рост экспорта продовольствия и рентабельность производства, достаточную для расширенного воспроизводства, требует эффективного функционирования экономического механизма, координирующего научно-техническое развитие АПК в целом и его отраслей как на национальном, так и на региональном уровнях. Широко распространено мнение, что экономический механизм функционирования агропромышленного производства должен реализоваться в основном через государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственного сырья и продовольствия [3]. Действительно, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продо-

вольствия (в редакции от 8 февраля 2019 г., далее – Госпрограмма – 2025) включает прогнозы опережающего развития приоритетных территорий, но эти прогнозы практически не скорректированы с ведомственными проектами «Техническая модернизация агропромышленного комплекса», «Цифровое сельское хозяйство», ведомственной целевой программой «Научно-техническое обеспечение развития отраслей агропромышленного комплекса».

В Госпрограмме – 2025 преобладает отраслевой подход, в ней на примере мелиоративного комплекса представлен один из возможных вариантов комплексной программы развития производственного потенциала одной из отраслей агропродовольственного комплекса. Особенностью программы развития мелиоративного комплекса является то, что помимо 182 инвестиционных проектов по модернизации и строительству объектов мелиорации по всей стране она включает план проведения широкого круга научных исследований и опытно-конструкторских работ, а также реализацию их результатов для укрепления продовольственной безопасности страны и расширения экспортного потенциала [4]. Перечень научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИР и ОКР) охватывает основные методические, геологические, технологические и экологические вопросы, от которых зависит расширение возможностей мелиоративного подкомплекса и повышение эффективности его использования в составе производственного потенциала агропродовольственного комплекса.

Координация между производственными и научными организациями в рамках ведомственной программы «Развитие мелиоративного комплекса России» облегчена тем, что заказчики и исполнители научных и прикладных исследований не несут значительных финансовых рисков из-за гарантированного бюджетного финансирования. В других отраслях финансовые риски являются серьезным препятствием для налаживания взаимодействия научных организаций с сельскохозяйственными товаропроизводителями. Преодолению организационных и финансовых рисков способствует создание сетевых организаций, основанных на горизонтальных связях заинтересованных сторон, в которых осуществляется комбинированное финансирование, в том числе государственными и частными участниками инновационного процесса [5]. Для этого в рамках отраслевой программы необходимо создание специального экономического механизма. Примером создания такого механизма является объединение усилий компании АО «Щелково Агрохим» и крупнейшего российского производителя сахара «Русагро» для производства отечественных семян сахарной свеклы силами специально созданного акционерного общества «СоюзСемСвекла» [6].

Пример с формированием программы освоения принципиально важных инноваций в сахаропродуктовом подкомплексе показывает, насколько важно на первых этапах формирования стратегии инновационного развития отрасли выявить заинтересованных потенциальных участников реализации стратегии (стейкхолдеров) и наладить координацию между ними [7]. В число стейкхолдеров могут войти сельскохозяйственные товаропроизводители, научные организации, производители оборудования, финансовые структуры и инвесторы; предприятия производственной инфраструктуры, торговые сети, государственные органы.

Подробное описание стейкхолдеров также содержится в Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года [8], в которой охарактеризованы основные участники технологической цепочки производства, транспортировки, хранения и экспорта зерна и продуктов его переработки. Следует отметить, что в этом документе обобщены важнейшие прогнозируемые изменения в технологии выращивания зерновых культур и переработки зерна, сформулированы соответствующие направления научных исследований, но механизмы координации научных организаций, инвесторов и сельскохозяйственных товаропроизводителей не определены.

В Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года значительное внимание уделяется мерам по снижению фитосанитарных рисков для предотвращения потерь урожайности зерновых культур, повышения безопасности зерна и продуктов его переработки. С этой целью предполагается стопроцентная предпосевная обработка семенного материала, а также обработка посевов пестицидами с учетом результатов

фитосанитарного мониторинга [8]. Снижению экологической нагрузки будет способствовать создание и внедрение технологий производства для применения в сельском хозяйстве биологических методов борьбы с вредителями, но в целом стратегия не предусматривает комплексных мер по снижению негативного воздействия зернового производства на окружающую среду, возможно, предполагается, что это функция региональных органов власти. На рисунке 1 представлена обобщенная схема разработки программы развития отрасли агропродовольственного комплекса на основе освоения результатов научных исследований.

Рисунок 1 – Схема разработки программы развития отрасли агропродовольственного комплекса на основе освоения результатов научных исследований

На региональном уровне требуется координация отраслевых программ и стратегий развития агропродовольственного комплекса с региональными программами повышения социальной, экологической и экономической эффективности региональных агросистем [9], что позволит успешно участвовать в национальном проекте «Наука» и федеральном проекте «Экспорт продукции агропромышленного комплекса»; а также эффективно применять отраслевые инновации [10]. Одной из задач региональных программ должна быть активизация использования имеющегося потенциала аграрной науки, мобилизация научно-интеллектуального потенциала региональных агросистем [6]. Как отмечается в докладе, подготовленном РАНХиГС, в наиболее успешных в управлении инновационным развитием субъектах РФ региональные власти способствуют формированию сетей взаимодействия [12].

Одной из важнейших задач органов управления региональными агросистемами является формирование производственной и логистической инфраструктуры, а также «цифровой» инфраструктуры, в первую очередь предназначенной для управления и эффективного ис-

пользования земельных ресурсов. В настоящее время в Российской Федерации уже около 10% пашни обрабатываются с применением цифровых систем [2], дальнейший быстрый рост применения таких технологий связан с составлением точных цифровых карт сельскохозяйственных угодий. Основным информационным ресурсом цифрового землеустройства является Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН), но она не полностью отвечает требованиям эффективного управления земельными ресурсами. Так по сведениям Аналитического центра Минсельхоза России, только 61 субъект Российской Федерации предоставил данные в ЕФИС ЗСН, из них в 42 регионах наполняемость базы данных о землепользователях составляет менее 50% [11]. Всё это свидетельствует о том, что в региональных агросистемах еще предстоит большая работа по формированию «цифровой» инфраструктуры, необходимой для координации функционирования различных отраслей АПК на местном уровне.

Не менее важной функцией руководства региональных агросистем является создание благоприятного инвестиционного климата, регулирование общего уровня инвестиций, поддержание на оптимальном уровне показателей фондовооруженности труда, износа основных фондов, удельного веса полностью изношенных основных фондов сельского хозяйства, от динамики этих показателей зависят темпы роста производительности труда и суммарные объемы производства продукции всех отраслей сельского хозяйства в субъектах РФ [13].

Стратегии развития региональных агросистем должна включать меры по поддержанию межотраслевых пропорций между отраслями сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, обеспечивающих максимально полное использование ресурсов и особенностей каждого региона. Как показывает опыт Румынии, специализация регионов с благоприятными условиями на производстве сельскохозяйственного сырья способствует поддержанию высокого уровня конкурентоспособности продукции пищевой промышленности [14]. С этих позиций подход к адресной поддержке проектов развития перерабатывающей промышленности в агропродовольственном комплексе должен быть дифференцированным регионально-отраслевым [15].

В агропромышленном комплексе России складывается трехступенчатая система управления инновационным развитием производственного потенциала. *Фундаментальные исследования*, направленные на поиск принципиально новых технологий, проводятся в рамках национального проекта «Наука»; *отраслевые программы* стимулируют повышение эффективности существующих технологий и адаптацию новых технологий к производственным условиям, *региональные программы* обеспечивают координацию реализации отраслевых программ в природно-климатических и социально-экономических условиях конкретных регионов и включают мероприятия по развитию ресурсного обеспечения и производственной инфраструктуры.

В качестве одного из вариантов концепции координации отраслевых и региональных программ в агропродовольственном комплексе можно использовать успешный опыт Единой аграрной политики Европейского Союза по применению механизма «перекрестного соответствия» (Cross-compliance) для обеспечения продовольственной безопасности и управления процессом экологизации аграрной сферы [16].

Особенность механизма перекрестного соответствия в ЕС состоит в том, что он предназначен для распределения средств государственной поддержки непосредственно для сельскохозяйственных товаропроизводителей (фермеров); для решения этой задачи создана развитая информационная система, контролирующая деятельность фермеров и эффективность использования средств государственной поддержки. В условиях Российской Федерации механизм перекрестного соответствия отраслевых и региональных программ может быть направлен на согласование региональной составляющей отраслевых программ и отраслевой составляющей региональных программ; основным инструментом согласования должны выступать прогнозы технологического развития отраслей, а также прогнозы использования трудовых, земельных, инфраструктурных ресурсов региональных агросистем (рис. 2).

Рисунок 2 – Схема координации программ развития отраслей агропродовольственного комплекса страны и региональных агросистем

Заключение.

В настоящее время в агропродовольственном комплексе России складываются межотраслевая и межрегиональная системы управления развитием производственным потенциалом на инновационной основе. Основными инструментами этой системы служат научно-технологические прогнозы, а также отраслевые и региональные программы. Сложившиеся диспропорции в развитии агросистем субъектов Российской Федерации указывают на необходимость формирования экономического механизма, координирующего научно-техническое развитие АПК в целом и его отраслей как на национальном, так и на региональном уровнях. Пример программы развития мелиоративного комплекса России и Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса свидетельствует, насколько важно для управления развитием отрасли выявить заинтересованных потенциальных участников реализации стратегии (стейкхолдеров) и наладить координацию между ними. В число стейкхолдеров программ развития отраслей АПК могут войти сельскохозяйственные товаропроизводители,

научные организации, производители оборудования, финансовые структуры и инвесторы; предприятия производственной инфраструктуры, торговые сети, государственные органы. В рамках отраслевой программы необходимо создание специального экономического механизма, с его помощью поддерживаются горизонтальные связи заинтересованных сторон и осуществляется комбинированное финансирование реализуемых проектов, в том числе государственными и частными участниками инновационного процесса.

На региональном уровне требуется координация отраслевых программ и стратегий развития агропродовольственного комплекса с программами повышения социальной, экологической и экономической эффективности региональных агросистем. К задачам региональных программ развития агросистем следует отнести активизацию использования имеющегося потенциала аграрной науки, создание благоприятного инвестиционного климата, поддержание на оптимальном уровне показателей фондовооруженности труда и износа основных фондов, поддержание межотраслевых пропорций между отраслями сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, развитие производственной, логистической и «цифровой» инфраструктуры.

В качестве одного из вариантов концепции координации отраслевых и региональных программ в агропродовольственном комплексе можно использовать успешный опыт Единой аграрной политики Европейского Союза по применению механизма «перекрестного соответствия» (Cross-compliance) для согласования программ развития отраслей АПК страны с программами развития региональных агросистем.

Список литературы:

1. О стратегии развития экономики России: препринт / С.Ю. Глазьев [и др.]; под ред. С.Ю. Глазьева. – М.: ООИ РАН, 2011. – 48 с.
2. Корбут А. Аграрная политика: как исправить недостатки и выработать новую стратегию развития. – URL: <http://kvedomosti.ru/news/kommentarij-agrarnaya-politika-kak-ispravit-pedostatki-i-vyrabotat-novuyu-strategiyu-razvitiya.html> (доступ 28 января 2019 г.).
3. Устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС: монография / А.Ф. Серков [и др.]; под ред. акад. И.Г. Ушачева. – М.: Научный консультант, 2018. – 320 с.
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в редакции от 8 февраля 2019 г.) // О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717: Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2019 г. N 98. – URL: <http://consultant.ru>
5. Мильнер Б.З., Орлова Т.З. Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление. – М.: Инфра-М, 2013. – 288 с.
6. Дерунова Е.А. Формирование системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – URL:
7. Андрущенко С.А., Дерунова Е.А. Направления и индикаторы цифровизации как фактора развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Конкурентоспособность национального агропродовольственного комплекса в условиях глобальных вызовов: оценка и перспективы // Сборник материалов Всерос. науч. конф. Островские чтения / ИАГП РАН. – Саратов, 2018. – С. 144–149.
8. Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года: Распоряжение правительства Российской Федерации от 10 августа 2019 г. № 1796-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/>
9. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногентова [и др.]; под ред. акад. А.А. Анфиногентовой; ИАГП РАН. – Саратов: Изд-во Саратовский источник, 2011. – 270 с.

10. Андрющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2. – С. 34–38.
11. Волков С.Н., Шаповалов Д.А. Цифровое землеустройство – новые горизонты АПК // Роль аграрных вузов в реализации национального проекта Наука и Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. / под ред. И.Л. Воротникова; ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ. – Саратов, 2019. – С. 8–23.
12. Высокотехнологичный бизнес в регионах России: Национальный доклад. Вып. 2 / под ред. С.П. Земцова; РАНХиГС, АИРР. – М., 2019. – 108 с.
13. Бондаренко Ю.П. Ресурсные факторы и ограничения инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3.
14. Popescu A. (2019), Changes and Trends in Wine Production and Consumption in the World and Romania During the Period 2007-2018. // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development, Vol. 19, Iss. 2: 345–361.
15. Трифонова Е.Н. Оценка перспектив реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК» с учетом существующих тенденций развития пищевой промышленности РФ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – URL:
16. Андрющенко С.А. Перспективы развития экономических механизмов реализации экологических приоритетов производства продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО И НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Воротников И.Л., д.э.н., ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

Представлены основные направления развития кадрового и научного потенциала аграрного производства Саратовской области. Приводятся сведения об участии ученых и специалистов аграрного университета в подготовке кадров для отрасли. Выявлены основные направления развития аграрной науки и образования в контексте реализации национальных проектов и программ развития отрасли. Приводятся сведения о нормативных документах, разработанных учеными университета в целях поддержки развития кадрового потенциала отрасли.

Ключевые слова: кадры, наука, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, потенциал, Саратовская область.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES AND SCIENTIFIC SUPPORT OF AGRARIAN PRODUCTION IN THE SARATOV REGION

Vorotnikov I.L., doctor of economic sciences,
Saratov state agrarian university named after N.I. Vavilov

The main directions of the development of human resources and scientific potential of agricultural production in the Saratov region are presented. It is provided information on the participation of scientists and specialists of an agricultural university in personnel training for the industry. The main directions of the development of agricultural science and education in the context of the implementation of national projects and programs for the development of the industry are identified. Information on regulatory documents developed by scientists of the university in order to support the development of personnel potential of the industry is provided.

Keywords: personnel, science, agro-industrial complex, agriculture, potential, Saratov region.

Введение.

В настоящее время большое внимание уделяется развитию аграрной науки и образования [1–4]. Согласно указу Президента Российской Федерации от 21.07.2016 г. № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства» выделены приоритетные направления развития аграрной отрасли [5]. Разработана и утверждена Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг., согласно которой осуществляется реализация отдельных подпрограмм в сфере растениеводства, животноводства, пищевой и перерабатывающей промышленности. Реализуются приоритетные национальные проекты «Образование» и «Наука».

Министерством сельского хозяйства Российской Федерации подготовлен проект отраслевой программы «Кадровое обеспечение агропромышленного комплекса Российской Федерации на 2020–2024 годы», согласно которому особое внимание уделяется послевузовскому профессиональному образованию и переподготовке кадров.

Саратовский государственный аграрный университет сегодня является лидером аграрного образования и науки. Университет реализует многоуровневую систему непрерывного профессионального образования: среднего профессионального образования, высшего образования, в том числе бакалавриат, специалитет, магистратура и программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, а также программы дополнительного образования. Образовательные программы среднего профессионального образования реализуются в Финансово-технологическом колледже, Краснокутском, Марксовском и Пугачевском филиалах университета.

Цель исследования.

Обосновать приоритетные направления развития кадрового и научного обеспечения аграрного производства Саратовской области

Методы исследования.

При подготовке статьи применялись методы теоретического познания – дедукция, индукция, монографический, расчетно-конструктивный, статистический и системный подходы. В ходе исследований также применялись метод сценариев, метод многокритериальной оценки, экспертной оценки, а также математический и статистический анализ, использовались методы форсайт-прогнозирования, управление на основе данных, междисциплинарное взаимодействие, анализировались сквозные технологии национальной технологической инициативы и др.

Результаты исследования.

Актуальной проблемой в растениеводстве остается дефицит работников массовых профессий, а именно квалифицированных трактористов-машинистов, комбайнеров и гидротехников. Саратовскому государственному аграрному университету им. Н.И. Вавилова (СГАУ) удалось сохранить среднее профессиональное образование в четырех техникумах – Марксовском, Краснокутском, Пугачевском и Саратовском. В университете последовательно реализуется многоуровневая система непрерывного профессионального образования: школьник – бакалавр – магистр – аспирант. В ряде муниципальных районов Саратовской области открыты профильные лицейские классы. СГАУ является всероссийской площадкой конкурса Агро НТИ-2019 в Приволжском федеральном округе и площадкой регионального чемпионата World Skills Russia по направлению агроинженерия. Студенческие отряды СГАУ ежегодно участвуют в посевных и уборочных кампаниях в районах области, а также в университетском предприятии УНПО «Поволжье».

В настоящее время наблюдается постепенное старение не только сельских тружеников, но и специалистов среднего звена и руководителей. Так, в стадию предпенсионного и пенсионного возраста вступило почти 2/3 работников отрасли.

К сожалению, многие руководители и специалисты не всегда имеют профильное аграрное образование, хотя в обществе устойчиво формируется мнение о переизбытке подготовки кадров по аграрным специальностям. В целом обеспечение специалистов аграрного профиля в среднем по России составляет только 0,6. Сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия не достаточно эффективно используют целевой прием на профильные специальности по следующим направлениям: агрономия, инженерия, зоотехния и ветеринария. Крайне мало прямых договоров с сельскохозяйственными предприятиями на платную подготовку кадров.

Университет последовательно развивает сеть 20 учебно-базовых хозяйств. На 2019 г. согласно государственной программе «Комплексное развитие сельскохозяйственных территорий» заложена компенсация затрат на подготовку кадров и практическое обучение. При поддержке минсельхоза Саратовской области СГАУ сформировал перечень таких предприятий и на 2020 г. запланировано предоставление субсидий в размере около 5 млн руб. на эти цели.

В условиях цифровизации всех сфер деятельности знания устаревают очень быстро, поэтому особое значение имеет повышение квалификации и переподготовка кадров как минимум каждые 3–5 лет. В зимний период СГАУ совместно с минсельхозом Саратовской области объявляет подобные программы для работников администрации, специалистов и руководителей сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. В целях подготовки работников к инновационной деятельности в университете функционирует информационно-консультационная служба, которая по заявкам предприятий проводит консультации и мастер-классы по таким проектам, как начинающие фермеры и семейные фермы, кооперативы, стартапы и т.д.

По нашему мнению, необходимо возрождение программы подготовки и трудоустройства кадрового резерва руководителей и специалистов агропродовольственного комплекса

Саратовской области. Следует отметить, что был значительно повышен уровень трудоустройства на селе за счет принятия закона о господдержке кадрового потенциала АПК Саратовской области, целями которого является повышение привлекательности агропромышленного комплекса области для выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования. Так, молодые специалисты, окончившие профессиональные образовательные организации, имеют право на получение единовременной денежной выплаты в размере 150 тыс. руб., а молодые специалисты, окончившие образовательные организации высшего образования, – 320 тыс. руб. Ежегодно такую поддержку получают более 100 выпускников.

В Саратовской области уже более 20 лет успешно функционирует ассоциация «Аграрное образование и наука», объединяющая ведущих ученых аграрного университета, НИИ региона и сельхозтоваропроизводителей. Так, на полях УНПО «Поволжье» СГАУ 28 июня 2019 г. проходил день поля Саратовского ГАУ с участием проректоров по науке аграрных вузов России, где был отмечен высокий уровень организации растениеводства и научно-образовательной деятельности. В УНПО «Поволжье» был заложен участок экспериментального семеноводства, в том числе и на орошаемых площадях. Планируется получать семена зерновых, технических и кормовых культур высших репродукций. Другим перспективным научным направлением является разработка и внедрение серии комбинированных почвообрабатывающих орудий и дождевальной машины «Каскад».

В 2019 г. машинно-тракторный парк УНПО «Поволжье» был переведен на систему цифрового управления на основе программы Агросигнал. Лаборатория качества университета эффективно проводит анализ ГСМ по заказам сельскохозяйственных предприятий.

В ближайшей перспективе необходимо сформировать на базе УНПО «Поволжье» семеноводческое хозяйство межрегионального уровня, которое станет полигоном для научных экспериментов и практических внедрений. На федеральном уровне назрела необходимость принятия программы стимулирования трудоустройства выпускников аграрного профиля подобно сельским врачам и реализации повышения квалификации кадров АПК.

Выводы.

Сегодня аграрный университет – это социально-ориентированная организация, которая помимо образовательных и научных задач решает и задачи, связанные с благоустройством, спортивной и культурно-массовой работой.

Основными направлениями развития кадрового и научного обеспечения аграрного производства Саратовской области являются:

- обеспечение кадрами высшей квалификации;
- популяризация высшего образования аграрного профиля;
- выявление и развитие у обучающихся образовательных организаций, реализующих программы среднего общего образования, творческих способностей и интереса к научной деятельности;
- создание условий для интеллектуального развития, поддержки одаренных детей, обучающихся в образовательных организациях сельских поселений, в том числе оказание содействия им в профессиональной ориентации и продолжении образования;
- пропаганда научных знаний;
- выполнение хозяйственных договоров по заказу хозяйствующих субъектов агропромышленного комплекса муниципальных районов области;
- деятельность информационно-консультационной службы университета;
- содействие благоустройству, участие в проведении спортивно-массовых, просветительских и культурных мероприятий.

По итогам проведенных мероприятий приняты следующие нормативные акты:

- Закон Саратовской области «О механизме дифференцированного распределения государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в Саратовской области», который предусматривает выделение на территории области семи природно-климатических микрорайонов, а также введение механизма дифференцированного распределения

государственной поддержки (несвязка) между сельхозтоваропроизводителями в зависимости от природно-климатических и организационно-экономических условий хозяйствования;

- Закон Саратовской области «О внесении изменений в статью 3 Закона Саратовской области «О государственной поддержке производства и реализации сельскохозяйственной продукции в Саратовской области». Закон создан в целях распространения правового статуса субъектов государственной поддержки на научные организации, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования Саратовской области, которые осуществляют подготовку кадров в области сельского хозяйства и имеют в своей структуре учебные, учебно-опытные и учебно-производственные подразделения и в процессе своей деятельности осуществляют производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую переработку в соответствии с перечнем, указанным в ФЗ «О развитии сельского хозяйства»;

- Закон Саратовской области «О внесении изменений в Закон Саратовской области «О государственной поддержке кадрового потенциала агропромышленного комплекса Саратовской области», который устанавливает перечень наиболее востребованных должностей в агропромышленном комплексе области, отменяет ежегодное денежное пособие и увеличивает размера единовременной денежной выплаты, что позволит молодым специалистам, работающим в сельской местности получить финансовую поддержку одновременно и использовать ее для решения жилищных, бытовых и других проблем.

Список литературы:

1. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентов [и др.]. – Саратов: Амирит. – 403 с.
2. Воротников И.Л. Проблемы и перспективы развития аграрного образования и науки // Островские чтения. – 2017. – № 1. – С. 16–18.
3. Глебов И.П., Черненко Е.В. Формирование кадровой политики в АПК РФ // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов, 2013. – С. 325–327.
4. Глебов И.П., Черненко Е.В. Кадровый аспект современной аграрной политики // Актуальные проблемы и перспективы развития АПК в связи с вступлением в ВТО: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.П. Глебова; ФГБОУ ВПО Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова. – Саратов, 2013. – С. 40–47.
5. Воротников И.Л. Модернизация научно-инновационной деятельности вузов в соответствии со стратегией научно-технологического развития российской федерации и указом президента от 21.07.2016 г. № 350 «О мерах по реализации научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства» // Повышение эффективности научно-исследовательской деятельности аграрных вузов в целях реализации федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы: материалы Всероссийского семинара-совещания проректоров по научной работе вузов Минсельхоза России. – Саратов, 2017. – С. 13–17.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ РАЗВИТИЯ

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАГП РАН

На основе авторской методики обоснован вывод о продолжающемся росте межрегиональных различий развития аграрной экономики, в том числе и за счет неравномерного распределения ресурсов для осуществления аграрного производства. Предложены направления повышения эффективности развития сельского хозяйства в условиях существующей неоднородности регионального пространства страны. В частности, обосновано влияние показателей уровня инвестирования на темпы роста аграрного производства в регионах. Сформулированы актуальные задачи государственной поддержки экономического роста сельского хозяйства, предполагающие дифференцированный подход между регионами с потенциалом роста и регионами с хроническим спадом аграрного производства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, регионы России, ресурсы развития, неоднородность регионального пространства, экономический рост, задачи государственной поддержки.

REGULARITIES AND TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE STRUCTURE OF ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA'S AGRICULTURE UNDER CONDITIONS OF INTER-REGIONAL DIFFERENCES OF DEVELOPMENT

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

Based on the author's methodology, it is substantiated a conclusion on the continued growth of inter-regional differences in the development of the agricultural economy, including due to the uneven distribution of resources for agricultural production. Directions of increasing the efficiency of agricultural development in the conditions of the existing heterogeneity of the country's regional space are proposed. In particular, the influence of investment level indicators on the growth rates of agricultural production in the regions is justified. Actual tasks of state support of agricultural economic growth are formulated. They suggest a differentiated approach between regions with growth potential and regions with a chronic decline in agricultural production.

Keywords: agriculture, Russian regions, development resources, heterogeneity of the regional space, economic growth, tasks of state support.

Введение.

В 2000–2018 гг. в России наблюдался рост аграрного производства за исключением 2003, 2010 и 2012 гг., летний период которых характеризовался длительной засухой. На его фоне, однако, в значительной части регионов происходило сокращение аграрного производства. Фактически, реальный прирост валовой продукции сельского хозяйства страны создавался предприятиями лишь половины регионов. Например, в 2016 г. рост физического объема валовой продукции по сравнению с предыдущим годом составил 4,8%, но при этом в 28 регионах наблюдался спад производства, доходивший до 23,8% (Мурманская область), а в 6 регионах объем производства лишь остался на прежнем уровне. Таким образом, в 34 регионах из 78 с.-х. предприятия сократили свое производство, или, в лучшем случае, не утратили своих достижений, ими в 2016 г. было произведено 27,8% валовой продукции сельского хозяйства России, то есть почти треть валовой сельхозпродукции страны производилась в регионах с депрессивным аграрным комплексом. При этом наблюдалась тенденция снижения доли в производстве валовой сельхозпродукции страны: в 2009 г. она составляла 33,5%, в 2011 г. – 32,3%, в 2013 г. – 30,9%, в 2015 г. – 29,7%, в 2016 г. – 27,8%. В связи с вышеизложенной актуальной проблемой является изучение закономерностей и тенденций формирования структуры экономического роста сельского хозяйства России. Ранее автором проводи-

лись исследования по межрегиональным различиям условий развития сельского хозяйства, которые послужили методической основой при подготовке данной работы [1–18].

Цель исследований.

Целями исследований являлась разработка методики анализа и проведение самого анализа закономерностей и тенденций формирования структуры экономического роста аграрного сектора России в условиях значительных межрегиональных различий развития. При этом были определены возможности выявления совокупности факторов, направлений и ограничений развития аграрного комплекса в региональном пространстве страны, при которых рост аграрного производства страны сможет устойчиво достичь более высокого уровня. Также автором выявлены регионы, где наиболее целесообразно внедрение инновационных технологий роста и развития аграрного производства, что может найти применение при разработке экономических механизмов реализации приоритетов развития и использования производственного потенциала аграрного комплекса в регионах страны.

Методика исследований.

Для обозначения структуры экономического роста сельского хозяйства в условиях межрегиональных различий развития использовался набор показателей, характеризующих как уровень производства аграрной продукции, так и уровень социально-экономического развития региональных агросистем. Осуществлялся анализ факторов и ресурсных ограничений, оказавших влияние на существующий уровень дифференциации регионов по уровню производства и социально-экономического развития агропродовольственного комплекса. Предложены направления разработки мер дальнейшей поддержки развития аграрного производства в региональном пространстве страны. Исследование проводилось с помощью таких методов, как корреляционно-регрессионный анализ и экономико-статистические группировки. Для исследования были отобраны 78 регионов России, доля которых в производстве валовой продукции сельского хозяйства страны превышает 98%. К сожалению, города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Республика Крым автором не рассматривались ввиду отсутствия или недостатка информации. Автономные округа Архангельской и Тюменской областей рассматривались в составе этих областей [19, 20].

Результаты исследований.

За исследуемый период количество регионов, характеризующихся спадом и стагнацией аграрного производства, колебалось по годам. Например, в 2007 г. таких регионов было 27, в 2008 г. – 19, в 2009 г. – 31, в 2010 г. – 57, в 2011 г. – 10, в 2012 г. – 47, в 2013 г. – 38, в 2014 г. – 33, в 2015 г. – 35, в 2016 г. – 34, в 2017 г. – 32. В динамике последних десяти лет в среднем в 33 регионах даже в наиболее благоприятные для сельского хозяйства года постоянно наблюдались спад или стагнация сельхозпроизводства, однако ежегодный их состав менялся. В России не было ни одного региона, у которого хотя бы в отдельные года не наблюдался рост производства физического объема валовой продукции сельского хозяйства. Абсолютными лидерами этого антирейтинга являются Костромская область и Республика Карелия, у которых рост производства наблюдался только в одном году из одиннадцати последних лет. Доля их производства в валовой продукции сельского хозяйства страны сократилась с 0,65% в среднем за 2007–2009 гг. до 0,43% за 2015–2017 гг. Второе место в лидерстве по антирейтингу заняли Ивановская, Вологодская области и Хабаровский край, у которых только трижды наблюдался рост сельхозпроизводства, а для восьми лет был характерен спад или стагнация, доля их производства в валовой сельхозпродукции страны сократилась с 1,68% до 1,18%. Далее следуют одиннадцать регионов, в которых спад/стагнация производства имел место семь раз, доля их производства упала с 13,9% до 10,9%. В Архангельской, Мурманской, Нижегородской и Омской областях спад производства был отмечен шесть раз, а суммарная доля в валовом сельхозпроизводстве страны за одиннадцать лет сократилась с 4,5% до 3,4%. В одиннадцати регионах спад/стагнация были пять раз, а сокращение доли опустилось до 11,7%–11,5%. В пятнадцати регионах сельскохозяйственное производство четыре раза демонстрировало отрицательные тенденции, при этом доля сократилась с 22,3% в среднем за 2007–2009 гг. до 19,8% за 2015–2017 гг. В девятнадцати регионах отрицательная динамика развития сельского хозяйства наблюдалась трижды, и в них доля сельского хозяйства начала

расти, увеличившись с 28,7% до 30,6%. В девяти регионах спад производства был отмечен дважды, рост доли был с 12,5% до 15,6%. В Брянской, Астраханской областях и Кабардино-Балкарской Республике спад/стагнация производства был только один раз, и доля их увеличилась с 2,4% до 3,2%. Единственным регионом, где в 2007–2017 гг. ни разу не отмечалось спада аграрного производства, является Республика Дагестан, доля которого в валовой сельхозпродукции страны выросла с 1,7% в среднем за 2007–2009 гг. до 2,1% в 2015–2017 гг.

Результаты проведенных расчетов позволяют утверждать, что некорректно говорить о росте производства в сельском хозяйстве России без принятия во внимание того факта, что реальный рост наблюдается только в чуть более половины регионов, а в остальных происходил систематический спад или уровень сельхозпроизводства оставался на прежнем уровне. Поэтому необходимо отделять регионы с потенциалом роста от регионов с хроническим спадом аграрного производства, которые существенно увеличивают нагрузку на регионы, имеющими потенциал роста.

С 2007 по 2017 гг. с учетом отдельных лет со спадом производства, только в 26 регионах из 78, или ровно в одной трети, рост физического объема валовой продукции сельского хозяйства был выше среднероссийского уровня. Но реальный рост аграрного производства страны создавала только четверть регионов с наиболее высоким уровнем роста аграрного производства. Суммарные объемы сельхозпроизводства регионов, характеризующихся низким уровнем роста аграрного производства, и регионов с хроническим спадом и стагнацией производства в целом в динамике лет остаются на прежнем уровне, но в отдельные года падают, что увеличивает нагрузку на регионы с высоким потенциалом роста, что создает дополнительные трудности для решения проблем повышения продовольственной независимости страны.

Вывод о том, что сфера аграрного производства имеет глубокую межрегиональную дифференциацию доказывает следующий пример. В последние полтора десятка лет в России был значительный рост урожайности зерновых культур, с 18,5 в 2005 г. до 29,2 ц/га убранной площади в 2017 г., позволивший за этот период увеличить валовые сборы с 77,8 до 135,4 млн т, то есть на 74%, при том, что посевные площади под зерновые культуры увеличились всего на 8,9%, с 43,8 до 47,7 млн га.

Урожайность зерновых культур в 2005–2017 гг. была выше среднероссийской в 2010 г. в 19 регионах, а в 2015 и 2016 гг. – в 27 регионах. В них производилось от 54,8% общего объема зерна страны в 2010 г. до 58,0% в среднем за 2015–2016 гг. То есть, менее одной трети регионов страны производили в среднем 57% зерна в долгосрочной динамике лет, при этом почти в половине зернопроизводящих регионов России урожайность зерновых культур за полтора десятилетия не выросла. Исходя из вышеизложенного некорректно говорить об интенсификации развития всей зернопроизводящей отрасли в стране.

В 2011–2017 гг. было внесено 64,6% от общего объема минеральных удобрений страны под посеvy зерновых и зернобобовых культур, включая кукурузу. Если объем минеральных удобрений под зерновые культуры приравнять к 100%, то на одну треть регионов с урожайностью зерновых культур выше среднероссийской приходилось в разные года от 68% до 79% внесенных минеральных удобрений страны. Из этого следует, что три четверти вносимых под зерновые культуры удобрений влияют на рост производства зерна в стране, а оставшаяся одна четверть служит для того, чтобы в остальных регионах удержать общий объем производства зерна на сложившемся уровне или на уровне незначительного спада в неблагоприятные года.

Органических удобрений под зерновые культуры в 2011–2017 гг. было внесено от 54,5% до 58,0% от общего объема вносимых удобрений. На регионы, в которых производилось около 57% зерна страны, приходилось в среднем 55% органических удобрений. То есть, почти половина объема вносимых органических удобрений под зерновые культуры не способствовала росту производства зерна в стране. Поэтому, при распределении минеральных и органических удобрений под зерновые культуры необходимо учитывать, что в большинстве регионов они практически не окажут влияния на рост производства зерна.

Количество с.-х. техники по стране в настоящее время неуклонно снижается. В сельскохозяйственных организациях в 2017 г. по сравнению с 2005 г. количество тракторов снизилось с 480 333 ед. до 216 758, или в 2,22 раза. Количество зерноуборочных комбайнов снизилось в 2,24 раза, кукурузоуборочных – в 3,22 раза, кормоуборочных – в 2,43 раза, картофелеуборочных – в 1,98 раза. При этом в региональном пространстве страны данные тенденции сокращения парка сельскохозяйственных машин свойственны всем регионам без исключения. Но в регионах со спадом/стагнацией аграрного производства темпы выбытия сельхозмашин были гораздо выше, чем в регионах с растущими объемами производства. Только 49 регионов в долгосрочной динамике лет характеризовались ростом производства валовой продукции сельского хозяйства, в 2005–2007 гг. они имели 62,6% всего тракторного парка страны, в 2015–2017 гг. – 65,9%. По наличию комбайнов показатели следующие: по зерноуборочным – 61,3% и 65,7%, по кукурузоуборочным – 84,9% и 88,6%, по кормоуборочным – 55,3% и 58,4%, по картофелеуборочным – 62,4% и 65,8%. Таким образом, наблюдается четкая тенденция: чем выше темпы выбытия сельхозтехники – тем выше темпы сокращения сельхозпроизводства в регионах. Исходя из сложившихся реалий, в программах модернизации сельскохозяйственного машинно-тракторного парка приоритет должен отдаваться регионам с потенциалом положительных темпов аграрного роста, в которых располагается две трети парка тракторов и комбайнов страны.

Одним из направлений развития сельского хозяйства России, помимо обновления машинно-тракторного парка, является обновление и увеличение количества основных фондов в сельском хозяйстве. Достаточно не простая картина складывается при рассмотрении данной проблемы на уровне регионов.

Уровень распределения основных фондов сельского хозяйства по регионам можно во многом отследить через показатели фондовооруженности (стоимость основных сельхозфондов на одного работника сельского хозяйства) и фондоотдачи (валовой продукции сельского хозяйства на 1 тыс. руб. основных сельхозфондов). В среднем в 2005–2007 гг. наименьший уровень фондовооруженности был в Сахалинской области – 88 тыс. руб. основных фондов на 1 работника. Наивысший уровень – в Кемеровской области – 503 тыс. руб. на 1 работника. Разница составила в 5,7 раза. При этом в Сахалинской области вплоть до 2012 г. включительно был хронический спад производства, но в целом в 2005–2017 гг. физический объем производства продукции сельского хозяйства вырос на 2,6%. А в Кемеровской области объем сельхозпроизводства за этот период увеличился на 11,4%. В последние годы ситуация практически не изменилась. В среднем в 2015–2017 гг. наименьший уровень фондовооруженности (238 тыс. руб. основных сельхозфондов на 1 сельхозработника) был в Республике Северная Осетия – Алания, а наивысший уровень остался в Кемеровской области, он составил 2532 тыс. руб. на одного работника. При рассмотрении значений показателя фондовооруженности по всем остальным регионам в динамике лет прослеживается тенденция: чем выше фондовооруженность в сельском хозяйстве, тем выше темпы роста сельского хозяйства. Данная связь является корреляционной, когда при полном охвате регионов более высокому значению фондовооруженности не всегда соответствует более высокое значение роста аграрного производства в регионах, но теснота связи достаточно высокая.

Такие же тенденции отражает и распределение по регионам уровня показателей фондоотдачи. Самый низкий уровень фондоотдачи в сельском хозяйстве в среднем в 2005–2007 гг. был в Архангельской области, где на каждую тысячу рублей стоимости основных сельхозфондов было произведено 273 руб. стоимости валовой сельхозпродукции данного региона. А наибольший уровень фондоотдачи был в Еврейской автономной области, он был равен 2672 руб. Разница между показателями составила 9,8 раза. При этом в первом регионе в 2005–2017 гг. спад аграрного производства составил 40%, во втором – объемы сельхозпроизводства упали на 30%. В среднем в 2015–2017 гг. произошло сокращение разницы между регионами с наименьшим и наибольшим значением фондоотдачи до 7,3 раза. Самый низкий уровень фондоотдачи остался в Архангельской области, а самый высокий уровень фондоотдачи был в Республике Северной Осетии – Алании, Еврейская автономная область заняла второе место. Но при этом в Северной Осетии объемы аграрного производства за почти полтора де-

сятилетия не изменились, оставшись на прежнем уровне. Интересен тот факт, что в 2015–2017 гг. Республика Северная Осетия – Алания являлась одновременно регионом с самым низким уровнем фондовооруженности и с самым высоким уровнем фондоотдачи среди всех регионов России. Это явилось следствием того, что для Северной Осетии характерны благоприятные агроклиматические условия, но имеется незначительное количество сельскохозяйственной земли при переизбытке сельского населения. Поэтому высокая доля ручного труда и малое количество основных сельхозфондов в производстве аграрной продукции привели к таким соотношениям показатели фондовооруженности и фондоотдачи. Но в целом, связь между уровнем фондоотдачи и ростом аграрного производства также является корреляционной, отражающей взаимную связь роста обоих показателей только при охвате всех регионов России.

Сравнение показателей фондовооруженности и фондоотдачи с объемами аграрного производства в региональном пространстве страны позволяет проследить четкую тенденцию снижения объемов аграрного производства в условиях уменьшения фондоотдачи в регионах с низкой фондовооруженностью сельского хозяйства. Поэтому программы поддержки обновления и увеличения основных сельхозфондов должны в первую очередь направляться в те регионы, где уже существует хорошая материально-техническая база, дальнейшее развитие которой позволит, как минимум, сохранить высокие темпы роста аграрного производства.

Проблемы влияния многоукладности на развитие сельского хозяйства привлекают внимание многих исследователей и им даются разные оценки. В данной работе оценка влияния многоукладности на развитие сельского хозяйства осуществлялась путем анализа изменений физического объема валовой продукции сельского хозяйства в регионах страны в 2005–2017 гг.: регионы были проранжированы по данному показателю в сторону увеличения, также были рассчитаны средние за 2015–2017 гг. удельные веса каждой категории хозяйств в валовой продукции сельского хозяйства регионов. Проведенные расчеты продемонстрировали изменение реальной доли каждого уклада в валовой сельхозпродукции в соответствии с планомерным ростом объемов аграрного производства в динамике лет в региональном пространстве страны. Полученные результаты отразили следующую тенденцию: на рост аграрного производства в регионах непосредственное влияние оказывает рост фермерского уклада в многоукладной аграрной экономике регионов. Причем это влияние имело высокую корреляционную зависимость. В первых двадцати регионах, где за последние полтора десятка лет объемы аграрного производства существенно снизились, фермерские хозяйства не получили широкого развития, их доля в аграрном производстве осталась на уровне постсоветской России периода возрождения фермерского движения. При том, что по мере роста объемов аграрного производства фермерский сектор занимал всё большую долю в аграрной экономике регионов.

Хозяйства населения, по мнению автора, в настоящее время являются тормозом роста аграрного производства. Их доля в валовом производстве наиболее высока в тех регионах, где сельское хозяйство за последние полтора десятка лет существенно сократило объемы своего производства. И хотя теснота корреляционной связи по хозяйствам населения значительно ниже, чем по фермерским хозяйствам, можно сделать однозначные выводы, что они не только не способствуют, но даже замедляют развитие сельского хозяйства в стране.

Доля сельскохозяйственных организаций в производстве валовой сельхозпродукции имела колебания по годам, но построенная линия тренда представляет собой абсолютно горизонтальную линию. Таким образом, крупный сельскохозяйственный уклад на данный момент не имеет существенных ресурсов для влияния на рост общего аграрного производства в стране и выполняет скорее стабилизирующую функцию по поддержанию аграрного производства в регионах.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что многоукладность может и способствовать и тормозить развитие сельского хозяйства. Всё зависит от того на поддержку каких укладов делаются акценты в тех или иных регионах. По результатам расчетов можно сделать вывод о том, что наиболее эффективно многоукладность будет влиять на рост аграр-

ного производства, когда высокий приоритет поддержки будет направлен на регионы, где уже получили широкое распространение крестьянские (фермерские) хозяйства.

Существуют различные точки зрения на эффективность инвестирования сельскохозяйственной отрасли, в данном исследовании представлена авторская позиция, выработанная на основе анализа статистической информации регионов России. Вначале были рассчитаны средние за 2013–2017 гг. удельные веса инвестиций на сельское хозяйство в общем объеме инвестиций по всем видам экономической деятельности регионов. Полученные по регионам значения были распределены по уровню роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства точно так же, как и при расчетах по многоукладности сельского хозяйства. Результаты расчетов отражают тот факт, что сельское хозяйство наибольшие предпосылки к росту имело в аграрно-ориентированных регионах, то есть, в тех регионах, где доля инвестиций в сельское хозяйство являлась сопоставимой или превышала долю инвестиций в другие системообразующие отрасли экономики. Хотя фактические значения отдельных регионов имели значительные колебания от линии тренда, общая тенденция проявлялась весьма четко: в тех регионах, где доля инвестиций на сельское хозяйство составляла не более 2%, не наблюдалось роста объемов сельскохозяйственного производства.

Уровень объема инвестиций в сельское хозяйство в расчете на одного сельхозработника также имеет влияние на рост аграрного производства в региональном пространстве страны. В отношении отдельных регионов присутствуют относительно высокие колебания от линии тренда, но имеющаяся общая тенденция отражает общий рост производительности труда одного работника сельского хозяйства при повышении объемов инвестирования для осуществления сельскохозяйственной деятельности. Иная ситуация складывается при расчетах размера валовой продукции сельского хозяйства, полученной на 1 рубль инвестиций в сельское хозяйство. Линия тренда расположена горизонтально на отметке 18 руб. при расчете по усредненным данным за 2007–2017 гг. (см. рисунок), то есть можно говорить, что увеличение инвестирования в сельское хозяйство на 1 рубль будет способствовать увеличению выхода валовой сельскохозяйственной продукции на 18 рублей. Таким образом, не наблюдается ситуации, когда увеличение объема инвестиций на каждый последующий рубль способствует увеличению выхода валовой сельхозпродукции на всё более высокую величину.

Рисунок – Объем валовой продукции сельского хозяйства на 1 рубль инвестиций в сельское хозяйство (в среднем за 2007–2017 гг.), руб.

Наибольшая результативность от инвестирования сельского хозяйства достигается в аграрно-ориентированных регионах, где инвестиции способствуют наибольшему росту производительности труда работников сельского хозяйства. При расчете эффективности инве-

стиций на объем произведенной сельхозпродукции отражается общая тенденция: по всем регионам, характеризующимся и спадом, и ростом аграрного производства –1 рубль инвестиций способствует получению одного и того же объема валовой сельхозпродукции. Это происходит вследствие того, что имеется много регионов со спадом и стагнацией аграрного производства, которые нивелируют разницу с регионами, имеющими рост сельхозпроизводства, где увеличение инвестиций на каждый последующий рубль имеет мультипликативный эффект всё большего увеличения валовой продукции. Такая ситуация позволяет сделать вывод о том, что равномерное инвестирование сельского хозяйства по всем регионам будет в лучшем случае поддерживать сложившиеся темпы производства валовой сельхозпродукции в стране. Тогда как перераспределение потока инвестиций преимущественно в регионы с наиболее развитой сельскохозяйственной отраслью позволит уже предполагать мультипликативный эффект увеличения объемов валовой продукции на каждый последующий рубль инвестиций, что в итоге должно отразиться на более высоких темпах роста сельского хозяйства России. В особенности это актуально в условиях внешних санкций на поставку продовольствия в нашу страну.

Проведенные расчеты также показывают зависимость изменения физического объема валовой продукции сельского хозяйства от роста реальных доходов населения в динамике лет. По отдельным регионам имеются значительные колебания уровня роста реальных доходов населения от линии тренда, но общая тенденция показывает определенный уровень зависимости роста производства сельского хозяйства от роста реальных доходов населения. Данная зависимость соотносится с ранее выявленной зависимостью роста объемов аграрного производства при увеличении инвестирования в сельское хозяйство в расчете на одного сельскохозяйственного работника. Повышение зарплат работников способствует повышению их производительности труда, что снижает зависимость от увеличения количества работников для обеспечения роста аграрного производства, последнее актуально в условиях активного вымывания трудовых ресурсов из аграрной сферы. Повышение зарплат способствует повышению общего уровня доходов населения, что в свою очередь способствует повышению темпов роста аграрного производства в регионах.

Как логическое продолжение предыдущего анализа были проведены расчеты по определению уровня влияния на рост сельскохозяйственного производства платежеспособного спроса населения. Произведенная продукция не сможет быть реализованной свыше тех пределов, до которых население готово увеличивать свои расходы на покупку продовольствия. В расчеты не включались объемы российского экспорта продовольствия, которые сейчас значительно ограничены в условиях внешних санкций по отношению к нашей стране.

Сложившийся уровень потребления населением основных пищевых продуктов является одним из показателей спроса населения на продовольствие. За последние полтора десятилетия в России выросло среднедушевое потребление всех основных пищевых продуктов за исключением хлебопродуктов и картофеля. Лидерами роста потребления являлись наиболее дорогостоящие мясопродукты, фрукты и ягоды, уровень потребления которых вырос ровно на одну треть. Другие продукты демонстрируют немного более скромные темпы роста потребления. Реальную ситуацию среднедушевого потребления основных пищевых продуктов можно понять только путем анализа регионального пространства страны. Результаты расчетов отражают огромный разброс фактического потребления в регионах разных пищевых продуктов в сопоставлении как со среднероссийским уровнем, так и с рекомендуемыми рациональными нормами потребления. Исследование изменений уровня потребления проводили в динамике 2000–2017 гг., а расчеты для анализа современной ситуации потребления основных продуктов питания в региональном пространстве страны осуществляли по усредненным данным за 2014–2017 гг., чтобы исключить некоторые колебания в уровне потребления в отдельные года. Источником статистической информации являлся сайт Федеральной службы государственной статистики России [20].

В четырех регионах с 4,4% населения России потребление хлебопродуктов не дотягивало до рекомендуемой нормы. Потребление хлебных продуктов у 60% населения страны из 47 регионов превышало рекомендуемую рациональную норму более чем на 20%. Даже в тех

29 регионах, где потребление хлебных продуктов было ниже среднероссийского уровня на 20%, оно превышало уровень рекомендуемой рациональной нормы. Таким образом, 95% населения России употребляли хлебопродуктов значительно больше рекомендуемой рациональной нормы. Растительное масло не достигало рекомендуемой нормы потребления в 35 регионах (31,8% населения страны). Но при этом среднероссийский уровень потребления растительного масла был выше рекомендуемой рациональной нормы на 15%. Выше среднероссийского уровня растительное масло потребляли только в 25 регионах, где проживают 43,5% населения страны.

Картофель не доедал каждый десятый житель страны в соответствии с рекомендуемой рациональной нормой. В восьми регионах его потребление не дотягивало до рекомендуемой нормы, а в пятнадцати регионах почти в два раза превышало рекомендуемую норму. Фактическое потребление овощей не превышало 80% от рекомендуемой рациональной нормы в 51 регионе с 63,7% населения страны, исключением составляли лишь восемь регионов. По сравнению со среднероссийским показателем только 38,4% населения потребляли овощей больше, чем в целом по стране. Реальное потребление сахара превышало рекомендуемую рациональную норму почти в два раза. При этом в России не существует региона, в котором потребление этого продукта не дотягивало бы до рекомендуемой нормы. И только в шести регионах превышение потребления сахара от рекомендуемой нормы составляло не более 20%.

В целом по стране потребление мясопродуктов было равно рекомендуемой рациональной норме. Однако потребление мясных продуктов у 48,9% населения не соответствовало рекомендуемой нормой, у 7,7%, проживающего в девяти регионах, потребление было ниже нормы на 80%; и только у 9,1% населения из семи регионов потребление мяса превышало рекомендуемую норму более чем на 20%. Фактическое потребление молока в среднем по стране не дотягивает до рекомендуемой нормы на 84 кг, или на 35%, что значительно выше по сравнению с другими основными пищевыми продуктами. Только в двух регионах среднелитровое потребление молочных продуктов превышало рекомендуемую норму на 2% и 12% соответственно. В 61 регионе, где проживает 72,4% населения страны, уровень потребления молока не превышал 80% от нормы. Потребление яиц в среднем по стране лишь незначительно превышало рекомендуемую рациональную норму, но реальное превышение было зафиксировано только в 38 регионах с 61,7% населения страны. В 15 регионах с 16,1% населения страны наблюдалось его катастрофическое недопотребление.

Потребление фруктов и ягод в целом по стране практически в два раза ниже рекомендуемой нормы. И только в Краснодарском крае и Кабардино-Балкарской Республике среднелитровое потребление равно 94% и 100% от рекомендуемой нормы соответственно. В 23 регионах с уровнем потребления фруктов и ягод не выше 80% от среднероссийского уровня – средневзвешенная величина потребления фруктов и ягод была ниже рекомендуемой рациональной нормы в два с половиной раза.

Заключение.

Таким образом, даже при наличии устойчивых тенденций роста и развития аграрного комплекса в целом по стране существует значительная группа регионов, для которых характерны систематический спад или стагнация аграрного производства. Данным исследованием обосновано, что их примерно половина из общего количества. Это означает, что на вторую половину регионов ложится двойная нагрузка для обеспечения роста сельскохозяйственного производства страны, так как кроме своего развития им приходится еще и компенсировать спад/стагнацию производства в другой половине регионов. Данные обстоятельства необходимо учитывать при разработке госпрограмм развития аграрного комплекса страны: регионы должны получать ресурсы на развитие соразмерно своей эффективности, которая имеет глобальную межрегиональную дифференциацию.

Проведенные расчеты подтвердили тот факт, что менее одной трети регионов обеспечивают общий рост производства зерна в стране, а для остальных регионов характерны стагнация, спад или незначительный рост объемов производства зерна. Только три четверти минеральных удобрений и 55% органических удобрений, вносимых под зерновые культуры,

влиять на рост производства зерна в стране. В регионах со спадом/стагнацией аграрного производства темпы выбытия сельхозмашин значительно выше, чем в регионах с растущими объемами производства в сельском хозяйстве. При этом прослеживается высокая корреляционная зависимость снижения объемов аграрного производства в условиях уменьшения фондоотдачи в регионах с низкой фондовооруженностью сельского хозяйства.

Структура многоукладности сельского хозяйства может способствовать росту аграрного производства в региональном пространстве страны при эффективной государственной политике. Фермерский сектор необходимо поддерживать в регионах, где он уже получил широкое развитие, как и сельскохозяйственные организации, которые выполняют стабилизирующую функцию по поддержанию аграрного производства в регионах. Равномерное инвестирование сельского хозяйства по всем регионам будет в лучшем случае лишь поддерживать сложившиеся темпы аграрного производства в стране. Поэтому необходимо перераспределение потока инвестиций преимущественно в регионы с наиболее развитой сельскохозяйственной сферой, которые могут дать мультипликативный эффект увеличения объемов валовой сельхозпродукции на каждый последующий рубль инвестиций, что в итоге должно отразиться на темпах роста сельского хозяйства России. Необходимо учитывать и тот факт, что чем выше рост реальных доходов населения в регионах, тем больше и рост производительности труда в сельском хозяйстве, и как следствие – рост аграрного производства.

Сложившийся уровень потребления населением основных пищевых продуктов в региональном пространстве страны демонстрирует следующие показатели: 95% населения страны потребляли хлебных продуктов значительно больше рекомендуемой рациональной нормы потребления. Поэтому для дальнейшего роста производства зерна необходимо проработать каналы экспорта зерна в другие страны.

Нормы потребления растительного масла не достигали рекомендуемой в 35 регионах, при этом большая доля потребляемого масла была импортной. Развитие внутреннего рынка сбыта возможно только при ограничении объемов ввозимого импортного масла.

Производства картофеля в стране в целом уравновешено с его потреблением практически во всех регионах, т.е. нет необходимости увеличивать его производство. Две трети населения страны не дополучали более 20% овощей от рекомендуемой рациональной нормы, что диктует необходимость значительного роста производства овощей в стране. Среднедушевое потребление сахара значительно превышало рекомендуемую рациональную норму во всех регионах (в некоторых регионах даже в несколько раз), поэтому рост производства сахарной свеклы (фабричной) возможен только при запрете на ввоз импортного сахара-сырца.

Потребление мясных продуктов у 48,9% населения не соответствовало рекомендуемой нормой даже с учетом их импорта, поэтому имеется большой потенциал внутреннего рынка для реализации мясных продуктов при условии роста платежеспособного спроса населения и сокращения ввоза импортных мясных продуктов. Потребление молочных продуктов только в двух регионах соответствовало рекомендуемой норме, что так же говорит о большом потенциале внутреннего рынка для реализации молочных продуктов при росте производства объемов молока. Яичных продуктов потребляли в соответствии с рациональной нормой только 61,7% населения страны, а фруктов и ягод – только жители Кабардино-Балкарской Республики, что отражает большой потенциал реализации этих продуктов на внутреннем рынке.

Список литературы:

1. Андрющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2 (368). – С. 34–38.
2. Андрющенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Особенности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, признанных неблагоприятными для сельскохозяйственного производства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 4(73). – С. 47–53.
3. Андрющенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Ре-

гиональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 5. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=199>

4. Приоритеты инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России / С.А. Андрющенко [и др.] // Региональные агросистемы: экономика и социология/ – 2016. – № 2. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=175>

5. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Саратовский источник, 2018. – 413 с.

6. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. – 403 с.

7. Бондаренко Ю.П. Метод корректировки межрегиональных сравнений уровня и темпов развития агросистем // Аграрный научный журнал. – 2006. – № 6. – С. 68–71.

8. Стратегические приоритеты социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Саратовский источник, 2016. – 595 с.

9. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 9. – С. 24–30.

10. Агропродовольственный комплекс региона в условиях глобализации / И.Ф. Суханова [и др.]; под общ. ред. И.Ф. Сухановой. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 431 с.

11. Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности России / под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – 273 с.

12. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2016. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=173>

13. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногентова [и др.]; под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2011. – 311 с.

14. Бондаренко Ю.П. Производительность труда в сельском хозяйстве регионов России // Стратегическое управление социально-экономическим развитием агропродовольственного комплекса России в условиях роста глобальной конкуренции: материалы Островских чтений (25–26 октября 2016 года). – Саратов: ИАГП РАН, 2016. – С. 201 – 204.

15. Социально-экономические проблемы развития мелкотоварного уклада в АПК России / под ред. В.Б. Бурлакова; ИАГП РАН. – Саратов, 2007. – 122 с.

16. Пахомова Н.В., Рихтер К., Малышков Г.Б., Бондаренко Ю.П. Организационно-институциональные условия формирования спроса на инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2015. – № 2. – С. 4–33.

17. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 3. – С. 4–49.

18. Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. К вопросу среднесрочного прогнозирования урожайности зерновых культур // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=59>

19. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>

20. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcs.ru/>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ РФ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАГП РАН

В статье уточнено понятие конкурентоспособности продукции пищевой промышленности. Выявлены условия повышения конкурентоспособности продукции перерабатывающих предприятий. Уточнена роль государства в реализации экономических механизмов ускорения темпов производства конкурентоспособной продукции предприятий пищевой промышленности. В качестве непосредственного инструментария обоснования формы и степени господдержки предприятий пищевой промышленности регионов РФ предложено использование авторской методики на основе расчета и анализа общего интегрального показателя. Автором рассчитаны пороговые значения общего интегрального показателя при ранжировании регионов по уровню потенциальных возможностей наращивания конкурентных преимуществ продукции пищевой промышленности.

Ключевые слова: пищевая и перерабатывающая промышленность, государственная поддержка, регионы РФ, общий интегральный показатель, конкурентоспособность.

IMPROVEMENT OF MECHANISMS OF GOVERNMENT SUPPORT OF FOOD INDUSTRY ENTERPRISES OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ORDER TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF PRODUCTS

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article clarifies the concept of competitiveness of food industry products. Conditions of increase of competitiveness of production of processing enterprises are revealed. The role of the state in the implementation of economic mechanisms to accelerate the pace of production of competitive products of the food industry is specified. It is proposed to use the author's methodology on the basis of calculation and analysis of the General integral indicator As a direct tool for substantiating the form and degree of state support of food industry enterprises in the regions of the Russian Federation. The threshold values of the General integral indicator in the ranking of regions by the level of potential opportunities for increasing the competitive advantages of food industry products are indicated.

Keywords: food and processing industry, state support, regions of the Russian Federation, General integral indicator, competitiveness

Введение.

Производство конкурентоспособной продукции пищевой промышленности является одним из приоритетных направлений развития отечественного агропромышленного комплекса, ориентированных на достижение целей, прописанных в Доктрине продовольственной безопасности страны. В настоящее время благодаря реализации политики импортозамещения Россия достигла, а в некоторых случаях, даже превзошла пороговые значения Доктрины по ряду ключевых продуктов питания. В связи с этим с 2013 по 2018 гг. Россия снизила импорт продовольственных товаров на 31,2% [1] (с 43,3 млрд долл. до 29,8 млрд долл.). Однако дальнейшее наращивание выявленных тенденций требует формирования адекватного механизма регулирования АПК, предполагающего реализацию эффективных форм участия государства в данном процессе.

Целью настоящего исследования является обоснование перспективных форм участия государства в поддержке пищевой промышленности регионов с целью повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, рекомендовано при этом использовать в качестве непосредственного инструмента методику расчета общего интегрального показателя и ран-

жирование на его основе регионов по степени сформированности инновационно- инвестиционного климата.

Методика исследований.

В качестве методологической составляющей исследования использованы абстрактно-логический метод, методы статистического и рейтингового анализа, фактографический метод анализа.

Результаты исследований.

Термин «конкурентоспособность», широко используемый в работах отечественных и зарубежных авторов, характеризуется достаточно широкой трактовкой в зависимости от объекта исследования. В первую очередь, можно выделить такие понятия, как «конкурентоспособность предприятия» и «конкурентоспособность продукции», что, по нашему мнению, являются неотъемлемыми друг от друга экономическими категориями. Только конкурентоспособное предприятие, обладающее определенным набором преимуществ в рыночной среде перед другими участниками рыночных отношений, способно производить продукцию или услуги с лучшими характеристиками, пользующиеся у потребителей более высоким спросом по сравнению с аналогами других производителей. Безусловно, существуют ситуации, когда выпуск вполне конкурентоспособной продукции не всегда сопряжен с аналогичным уровнем конкурентоспособности предприятия. Однако, учитывая специфику отрасли пищевой промышленности с достаточно высокой степенью участия государства в процессе ее функционирования, а также в условиях низкого насыщения внутренних рынков многими видами отечественной продукции, можно предположить, что наличие конкурентоспособного товара является существенным преимуществом производителя, в том числе перед импортерами продуктовых аналогов. Таким образом, в настоящем исследовании сделан акцент на конкурентоспособность продукции, подразумевая наличие (или отсутствие) конкурентных преимуществ у предприятия в целом.

По мнению В.И.Нечаева и П.В.Михайлушкину [2], конкурентоспособность продукции можно определить как способность продукции соответствовать сложившимся требованиям рынка в конкретный период времени. Количественно конкурентоспособность продукции можно оценить с помощью определенного набора показателей, сформированного для конкретной ситуации в целях заданного исследования. Обычно выделяют три стандартных группы показателей: регламентирующие, включающие набор экологических, правовых, нормативных и ряда других показателей, несоответствие хотя бы одного из которых нормативу приводит к нецелесообразности дальнейшей оценки конкурентоспособности продукции и ставит под сомнение правомерность ее выпуска; стоимостные, определяемые готовностью потребителя прибегнуть к соответствующим затратам на приобретение и использование товара для удовлетворения конкретной потребности; а также качественные, характеризующие свойства товара, удовлетворяющие конкретную потребность. Таким образом, конкурентоспособность продукции – это набор стоимостных и качественных характеристик товара, направленных на удовлетворение конкретной потребности при обязательном соответствии нормативам всех регламентирующих показателей. Под конкурентоспособностью продукции пищевой промышленности будем понимать степень удовлетворения специфических потребностей покупателя для обеспечения его жизнедеятельности с приемлемым для него соотношением стоимостных и качественных характеристик товара.

В условиях членства России во Всемирной торговой организации объективно сложились условия, при которых способность отечественной продукции выдерживать конкуренцию с импортными аналогами приобрело первостепенное значение, которое в ближайшем будущем будет только увеличиваться. До недавнего времени отечественные производители продовольственных товаров не уделяли достаточного внимания повышению конкурентоспособности выпускаемой продукции. Данная ситуация во многом была связана с объективными причинами состояния предприятий отрасли – таких, как выраженная сезонность загрузки мощностей, высокий уровень износа производственных мощностей, их недозагруженность, морально устаревшие технологии производства, зависимость многих отраслей от импортно-

го сырья и т.п. Однако сегодняшние условия стратегического прорыва в функционировании и положении на рынке многих крупных предприятий отрасли диктуют необходимость повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции по целому ряду параметров. Более того, по оценке Госторгинспекции [3], в последнее время в целом существенно выросло качество отечественных продуктов, при этом в отношении многих отечественных продуктов можно утверждать, что их качество превзошло импортные аналоги.

Проблему принципиального повышения качества и безопасности пищевых продуктов можно решить только комплексно, рассматривая все интегрированные в процесс составляющие как сложную систему. В частности, представители Воронежской государственной технологической академии [4] в качестве первоочередных задач в данном направлении выделяют создание многоуровневых интегрированных систем по производству готового продукта; повышение эффективности производства и управления предприятиями; оптимизацию бизнес-процессов; ориентацию всех стадий технологического процесса на удовлетворение запросов потребителей и т.д. При этом в качестве конкретного механизма, который бы обеспечивал непрерывность совершенствования данных процессов выделяется статистическое моделирование и методология развертывания функции качества (QFD). Однако данный подход является затратным как по времени, так и по финансовым показателям, и его могут себе позволить только крупные предприятия в рамках долгосрочной стратегии повышения их конкурентоспособности. Для большинства субъектов хозяйствования в данной отрасли на сегодняшний день с целью получения краткосрочных конкурентных преимуществ выгоднее всеми возможными способами снизить себестоимость выпускаемой продукции, чем повысить ее качество. В рамках данного целеполагания основной стратегией [5] является оптимизация производственных расходов, что, по нашему мнению, не ведет к принципиальному решению проблемы повышения конкурентоспособности предприятия и тем более повышению конкурентоспособности продукции.

Повышение конкурентоспособности как продукции пищевой промышленности, так и конкурентоспособности всего предприятия в долгосрочной перспективе может быть основано только на определенных мерах, требующих существенных финансовых вложений и характеризующихся временным лагом в получении отдачи от проводимых мероприятий. К числу подобных мер можно отнести, в первую очередь, внедрение технологических, организационных и маркетинговых инноваций, сопряженных с принципиальным улучшением качественных характеристик выпускаемой продукции. На пути повышения конкурентоспособности продукции помимо повышения ее качества не стоит игнорировать и актуальные мировые тенденции в развитии данного товарного сегмента. В частности, британская аналитическая компания Mintel [6] выделила три основные тенденции развития пищевой промышленности в 2019 г., которые уже взяты на заметку крупными мировыми производителями.

Первая тенденция связана с современной модой на так называемое «здоровое» питание, в связи с чем появилось целое направление в производстве продуктов питания, продвижение на рынок которых связано с формированием в сознании потребителя ассоциаций данного продукта с долголетием и крепким здоровьем. Это и всевозможные йогурты с различными добавками, и ультрафильтрованное молоко с пониженным содержанием жира, и включение в напитки ноотропов для улучшения памяти и т.п. Второе перспективное направление развития пищевой промышленности видится в появлении «умных» магазинов, связанных с потребностями современных покупателей в экономии времени. И, наконец, третий тренд можно определить как «вечнозеленое (или ответственное) потребление», в основе которого лежит идея «этичного» потребления, что во многом связано с восстановлением экологических параметров сельского хозяйства. Таким образом, в современных условиях глобализации рыночного пространства, а также его информатизации и всё возрастающей роли маркетинговых технологий пропаганды определенного стиля потребления не следует игнорировать факт усиления влияния факторов, выходящих за рамки количественного учета и анализа состояния локально выделенного рынка. Помимо классического подхода к анализу показателей, характеризующих спрос и предложение на рынке товара, а также показателей, отражающих

затратность и эффективность производства, необходим более специфичный подход к разработке стратегии развития предприятий, учитывающий подобные нестандартные факторы и глобальные рыночные тенденции, которые не всегда поддаются количественному измерению. Особенно это важно в ситуации, когда планируются принципиальные изменения в тенденциях как внутреннего потребления, так и увеличения экспорта продовольствия. Достижение данных целей уже не представляется возможным без внедрения различного рода инноваций в рамках хозяйственной деятельности предприятий пищевой промышленности.

По мнению многих специалистов [7], внедрение инноваций в той или иной форме в процессе хозяйственной деятельности предприятий является одним из основных критериев стабильности в современных условиях. Как уже было отмечено, далеко не все представители бизнеса способны самостоятельно привлечь ресурсы для осуществления поставленных целей. Это представляется возможным только при условии активного привлечения инвестиций, а также при разумной государственной поддержке предприятий пищевой промышленности, формально допустимой правилами ВТО.

За последние пять лет существенно увеличились объемы государственной поддержки АПК в целом [1]. Например, на реализацию Госпрограммы развития сельского хозяйства было выделено 197,7 млрд руб. в 2013 г. против запланированных 307,9 млрд руб. в текущем году. Кроме того, в российской экономике отчетливо наметилась тенденция наращивания государством своего присутствия в экономике. По данным ФАС [8], вклад госкомпаний в ВВП России вырос с 35% в 2005 г. до 70% в 2015 г.

На современном этапе развития отечественного агропромышленного комплекса в рамках существующего механизма госрегулирования экономики в качестве реально существующих непосредственных инструментов поддержки предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности можно выделить «льготное» кредитование и предоставление «единой» субсидии. При этом возникает вполне оправданная потребность в разработке действенной методики распределения государственных финансовых ресурсов между предприятиями пищевой промышленности с учетом реальных потребностей субъектов хозяйствования и региональных особенностей отрасли.

В качестве вспомогательного аналитического инструментария при разработке вариантов распределения господдержки нами ранее была предложена методика [9], основанная на типизации регионов как по уровню инновационно-инвестиционной привлекательности (включающая в себя учет таких факторов, как объем отгруженных товаров, объем инвестиций, затраты на технологические инновации, объем инновационных товаров), так и по ранжированию – «внешних» по отношению к отрасли условий хозяйствования (а именно, уровень доходов, цен, установившиеся пропорции перерабатывающего сегмента с сельским хозяйством). Преимущество данной методики заключается, в первую очередь, в одновременном учете как отраслевого, так и регионального аспектов в анализе пищевой и перерабатывающей промышленности, что позволяет получить объективные результаты в процессе изучения тенденций инновационного развития отраслей переработки в региональном разрезе. Количественно данная идея реализована с помощью авторской методики расчета и анализа общего интегрального показателя.

Общий интегральный показатель, учитывающий совокупное влияние всех логически выделенных факторов, влияющих на состояние пищевой промышленности, и показывающий степень сформированности инновационно-инвестиционного климата в отрасли региона, рассчитывается как средняя геометрическая простая. Помимо этого, показатель демонстрирует опосредованное влияние общего уровня экономического развития региона через «внешние» по отношению к отрасли факторы. Таким образом, данный показатель отражает общий уровень инновационного развития пищевой и перерабатывающей промышленности субъекта РФ. В качестве пограничного значения общего интегрального показателя нами выделено значение 1. Исходя из методики расчета, данное значение, во-первых, является усредненным по России и, во-вторых, отклонение значения показателя от 1 в меньшую сторону свидетельствует об усилении рисков, связанных с «внутренней» отдачей отрасли от инвестиционных

вложений и превалярованием отрицательного влияния на развитие отрасли «внешних», нерегулируемых факторов, таких как уровень доходов, цен, а также установившихся пропорций со смежными отраслями сельского хозяйства. Таким образом, значение общего интегрального показателя, равное 1, является точкой перелома в оценке инновационно-инвестиционного климата пищевой промышленности региона, ниже которой инвестирование в отрасль практически не окупается. В данном случае необходим пересмотр формы финансовой поддержки предприятий на субсидирование.

На основе ранжирования регионов по уровню общего интегрального показателя, ранее нами был предложен алгоритм распределения госсредств между предприятиями пищевой промышленности регионов [10]. Было выделено две группы регионов: в первую группу вошли регионы со значением общего интегрального показателя меньше 1, что характеризует в целом низкую отдачу отрасли переработки от вложенных средств, а во вторую группу – со значением показателя больше 1, что является показателем благоприятного инновационно-инвестиционного климата региона. Соответственно для первой группы регионов предпочтительной формой участия государства является субсидирование, а для второй – инвестирование. Количественное распределение регионов по группам в зависимости от значения общего интегрального показателя продемонстрировано на рисунке 1.

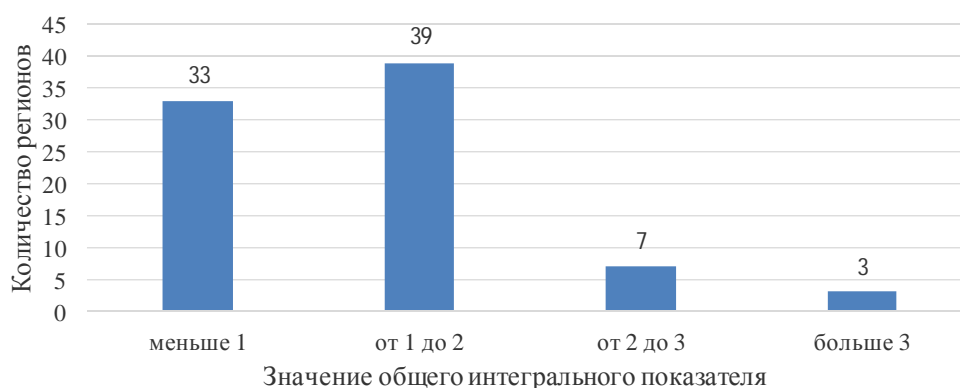

Рисунок 1 – Количественное распределение регионов РФ по группам в зависимости от значения общего интегрального показателя в 2017 г.

На данном этапе исследований нами введены дополнительные пороговые значения общего интегрального показателя (для значений показателя больше 1), что позволяет составить своеобразный рейтинг регионов по степени доверия с точки зрения потенциального инвестора внутри каждой группы. Это обусловлено необходимостью совершенствования механизма распределения государственной поддержки предприятий отечественного пищевого производства для стимулирования темпов увеличения конкурентоспособности пищевой продукции региональных производителей. На рисунке 2 представлено территориальное распределение регионов РФ по уровню общего интегрального показателя в 2017 г. При сравнении данных рисунков 1 и 2, видно, что территориально большую часть России занимает группа регионов со значением общего интегрального показателя меньше 1, однако самая многочисленная группа – это регионы со значением показателя от 1 до 2.

В соответствии с методикой расчета общего интегрального показателя отрасли переработки в регионах, выделенных красным цветом, находятся в невыгодном положении с точки зрения конкурентных преимуществ. Во многом это связано со сложными климатическими условиями в большинстве субъектов РФ, попавших в данную группу, что затрудняет (а в ряде регионов делает практически невозможным) ведение сельскохозяйственного производства, результаты труда которого является сырьевой базой для отраслей переработки. Учитывая стратегическое значение перерабатывающих отраслей для полноценного обеспечения продуктами питания населения страны, развитие отдельных бизнес-проектов должно затрагивать не только возможность окупаемости вложенных средств, но и реализовывать социальные задачи территорий.

Рисунок 2 – Распределение регионов РФ по уровню общего интегрального показателя в 2017 г.

Однако есть и потенциально перспективные регионы с точки зрения полноценного инвестирования в перерабатывающую отрасль. Именно их мы дополнительно ранжировали по степени возрастания значения общего интегрального показателя, что можно квалифицировать как возрастание инновационно-инвестиционной привлекательности производств. Оценка сравнительных преимуществ выделенных групп регионов приведена в таблице.

Таблица – Сравнительная качественная оценка относительных преимуществ развития пищевой промышленности российских регионов в рамках их ранжирования в зависимости от значения общего интегрального показателя

Значение общего интегрального показателя	Параметры сравнения групп регионов			
	выраженность степени влияния выделенных факторов	выраженность специализации пищевой промышленности регионов	оценка потенциала для наращивания объемов производства и уровня инновационности пищевой промышленности	предпочтительная форма участия в финансировании развития пищевой промышленности
Меньше 1	Доминирующее негативное влияние «внешних факторов», низкая отдача инвестиций в отраслях пищевой промышленности	Практически отсутствует	Низкий	Субсидирование
От 1 до 2	Приемлемый уровень отдачи от инвестиций, благоприятный инновационно-инвестиционный климат	Слабо выражена	Высокий	Инвестирование
От 2 до 3	Высокий уровень отдачи от инвестиций, благоприятный инновационно-инвестиционный климат	Достаточно выражена в ограниченном диапазоне отраслей пищевой промышленности	Выше среднего	Инвестирование
Больше 3	Максимальная отдача от инвестиций в отраслях специализации: благоприятное локальное воздействие «внешних» факторов	Ярко выражена	Средний	Инвестирование

По нашему мнению, реализация федерального проекта «Экспорт продукции АПК» [11], предполагающего наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции в два раза к 2024 г., в том числе за счет создания новой товарной массы с высокой добавленной стоимостью, целесообразно связывать именно с регионами из данных групп, которые представляют собой точки роста отечественной пищевой промышленности. Регионы, выделенные зеленым цветом (имеющие значение общего интегрального показателя больше 3), уже являются регионами с выраженной специализацией по переработке рыбы. Их продукция обладает ярко выраженными конкурентными преимуществами и поступает как на внутренние рынки, так и на экспорт. К ним отнесены Камчатский край, Мурманская и Калининградская области. При этом стоит учитывать, что развитие других видов производств по переработке сельхозсырья в данных регионах (кроме Калининградской области) является практически бесперспективным направлением. В данном случае стоит рассматривать возможность инвестирования в предприятия регионов из групп, где значение общего интегрального показателя варьируется от 1 до 3. По нашему мнению, для формирования новых производств по выпуску конкурентоспособной продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках более перспективными являются регионы, выделенные желтым цветом (со значением общего интегрального показателя в диапазоне от 1 до 2), а для развития и реновации уже существующих – регионы, выделенные синим цветом (значение общего интегрального показателя – от 2 до 3). Данное утверждение связано с тем фактом, что чем выше значение общего интегрального показателя, тем в большей степени специализирован регион на выпуске определенного вида продукции и тем перспективнее идея по наращиванию конкурентных преимуществ путем внедрения разного рода инноваций в уже существующий производственный процесс.

На рисунках 3, 4 и 5 представлены соотношения некоторых показателей, характеризующих уровень развития региональной пищевой промышленности для каждой группы регионов в соответствии со значением общего интегрального показателя. К подобным дополнительным характеристикам регионального пищевого производства нами отнесены объем отгруженной продукции при производстве пищевой промышленности, а также производство продукции сельского хозяйства в пересчете на одного жителя субъекта РФ.

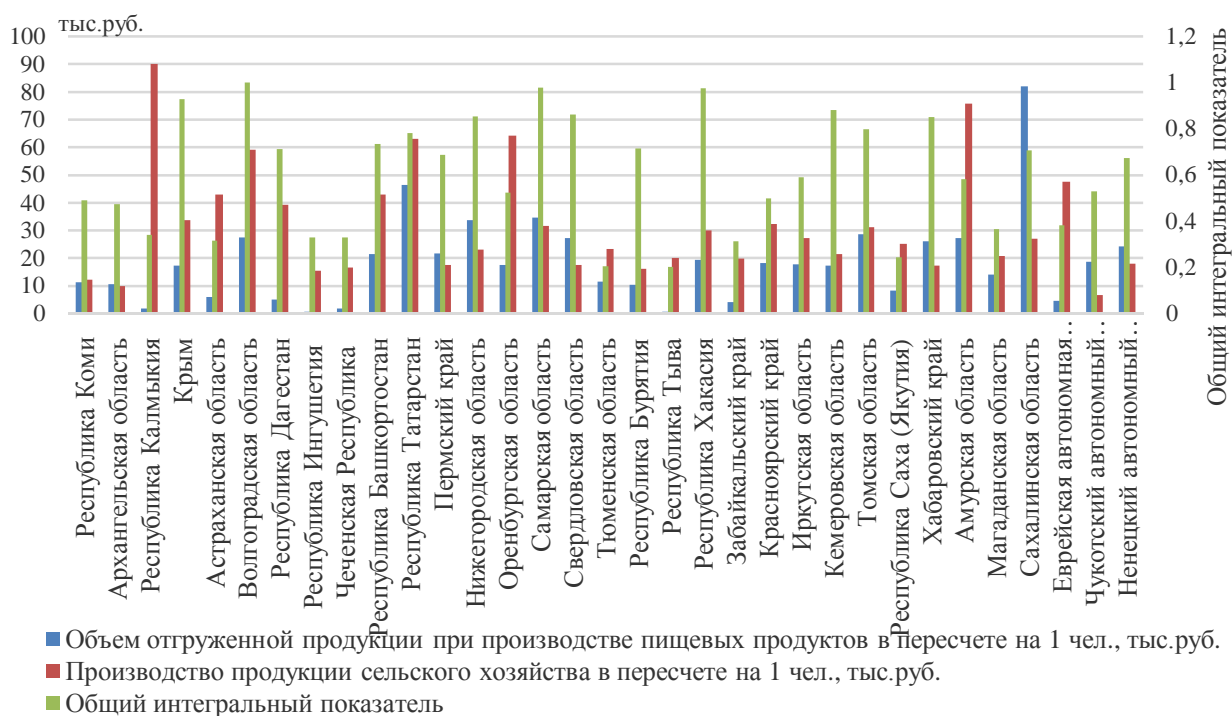

Рисунок 3 – Соотношение некоторых показателей, характеризующих уровень развития пищевой промышленности субъекта РФ, для группы регионов со значением общего интегрального показателя меньше 1 в 2017 г.

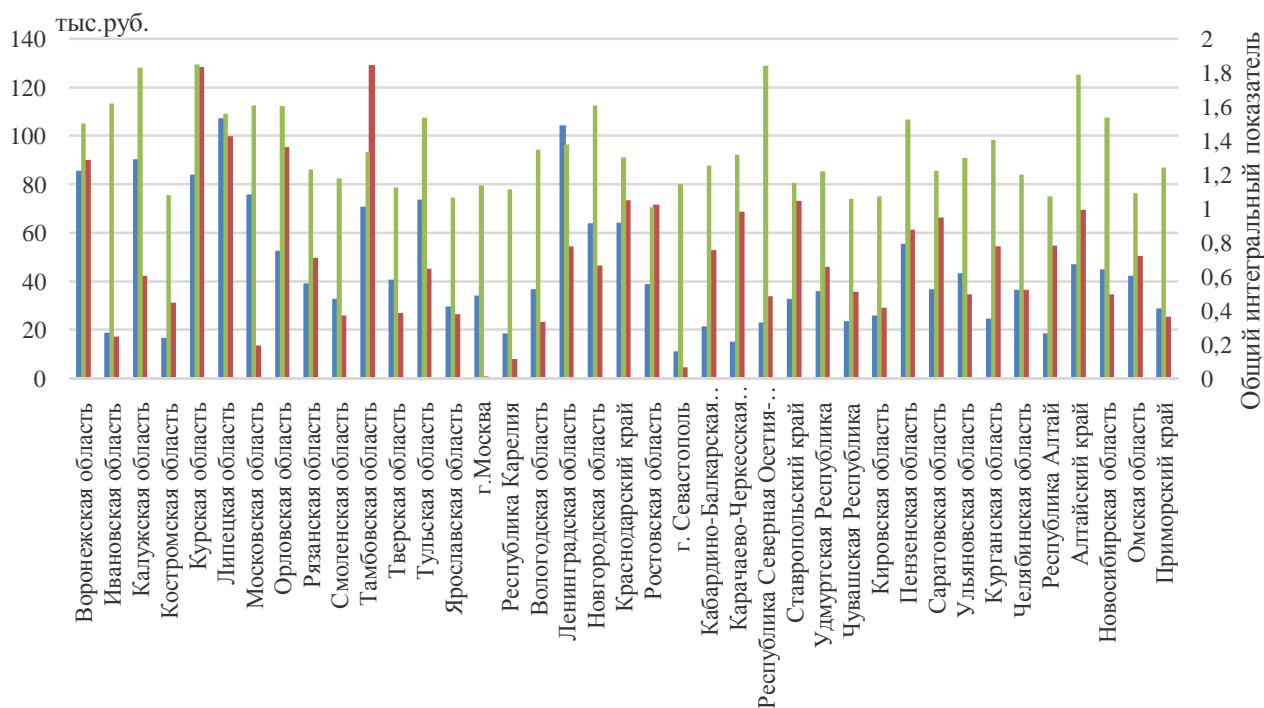

Рисунок 4 – Соотношение некоторых показателей, характеризующих уровень развития пищевой промышленности субъекта РФ, для группы регионов со значением общего интегрального показателя от 1 до 2 в 2017 г.

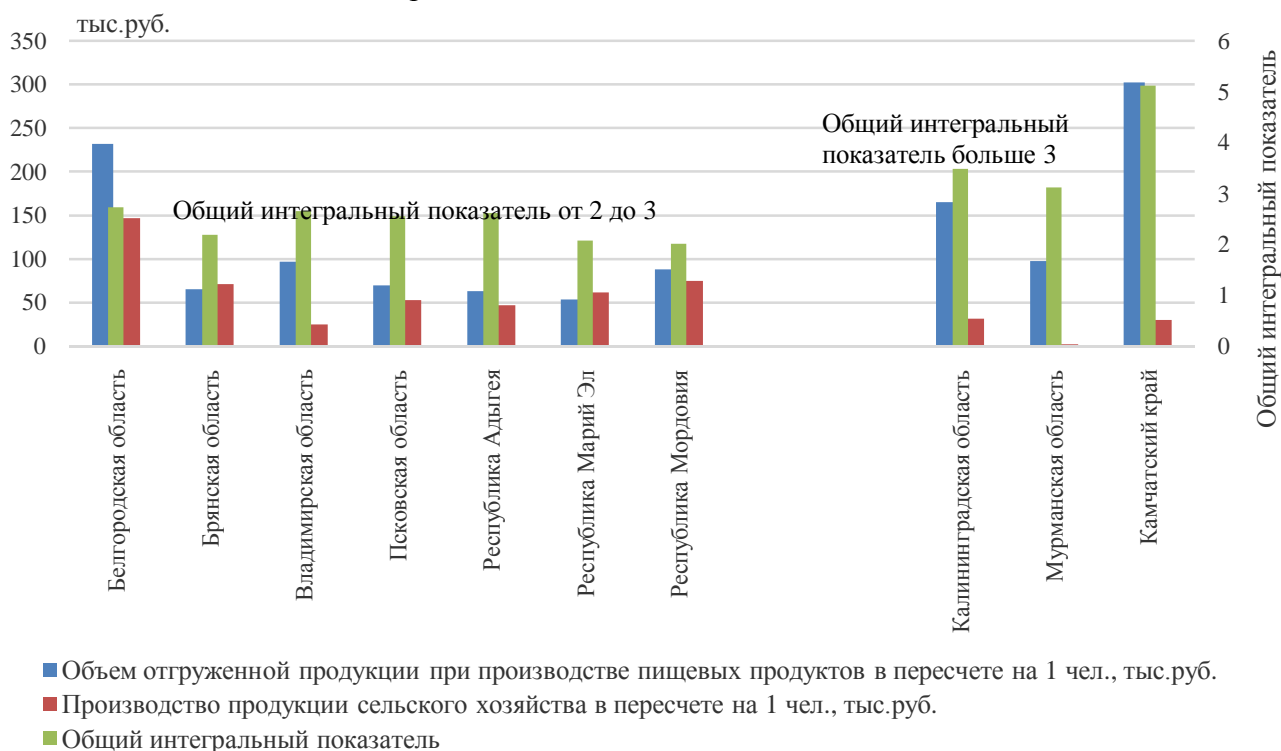

Рисунок 5 – Соотношение некоторых показателей, характеризующих уровень развития пищевой промышленности субъекта РФ, для групп регионов со значением общего интегрального показателя от 2 до 3 и больше 3 в 2017 г.

Как видно из данных рисунков 3, 4 и 5, не прослеживается однозначной взаимосвязи между среднедушевыми объемами выпуска продукции пищевой промышленности и сельского хозяйства внутри каждого региона, что свидетельствует, с одной стороны, о существенном влиянии на ситуацию межрегиональных кооперационных связей, а, с другой – о нарушении пропорций между смежными отраслями производства сырья и переработки. В любом случае, по нашему мнению, предложенный общий интегральный показатель в определенной степени может служить инструментом относительно объективной оценки как конкурентоспособности пищевой промышленности региона, так и показателя потенциальных возможностей субъекта РФ в плане окупаемости вложенных финансовых ресурсов в развитие отраслей переработки. При этом границы значений показателя демонстрируют потребность в той или иной форме государственной поддержки отраслей переработки региона: либо в инвестировании с определенными ожиданиями в границах окупаемости конкретных бизнес-проектов, либо в субсидировании производств с максимальной ориентацией на решение социальных задач региона.

Заключение.

Разработка и корректировка экономического механизма повышения конкурентоспособности продукции пищевой промышленности неразрывно связаны со спецификой отраслей переработки и региональными особенностями сформированного инновационно-инвестиционного климата. Необходим единый дифференцированный регионально-отраслевой подход к поддержке бизнес-проектов в агропромышленном комплексе, основанный на обосновании формы государственной поддержки региональной пищевой промышленности, а также варианта участия государства в финансировании перспективных направлений бизнеса. Одним из конкретных инструментов в процессе принятия решения относительно формы поддержки региональных отраслей переработки предложен алгоритм принятия решения на основе расчета и анализа общего интегрального показателя.

Список литературы:

1. За последние 5 лет Россия сократила импорт продовольствия на треть / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/za-poslednie-5-let-rossiya-sokratila-import-prodovolstviya-na-tret/>
2. Нечаев В.И., Михайлушкин П.В. Экономический словарь: Справочное издание. – Краснодар: Атри, 2011. – 464 с.
3. АГРОПРОДМАШ-2019 24-я международная выставка «Оборудование, технологии, сырье и ингредиенты для пищевой и перерабатывающей промышленности» 7–11 октября 2019. – URL: <https://www.agroprod mash-expo.ru/ru/articles/pishhevaya-promyshlennost-rossii/>
4. Бессонова Л.П. Конкурентоспособность продовольственных товаров и услуг // Стандарты и качество. – 2009. – № 9. – С. 74–77.
5. Златицкая Ю.А., Бородуля Д.С., Черкашин Д.И. Планирование качества и повышение конкурентоспособности продукции в пищевой промышленности // Экономическая наука сегодня: теория и практика: сборник материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. / редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары, 2017. – С. 60–63.
6. 3 тренда в пищевой промышленности на 2019 год. – URL: <https://news.breadbranch.com/2018/12/3-trenda-v-pishhevoj-promyshlennosti-na-2019-god/>
7. Пищевая промышленность России: проблемы и перспективы, основные отрасли и предприятия. – URL: <https://promdevelop.ru/pishhevaya-promyshlennost-rossii-problemy-perspektivy-osnovnye-otrasli-predpriyatiya/>
8. Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики // Ведомости от 29 сентября 2016. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>
9. Трифонова Е.Н. Методика компаративного (сравнительного) анализа уровней инновационного развития пищевой промышленности российских регионов // Инновационная деятельность. – 2013. – № 3 (26). – С. 128–134.

10. Трифонова Е.Н. Совершенствование механизма госрегулирования АПК с учетом отраслевых и региональных приоритетов развития // Научное обозрение: теория и практика. – 2019. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 287–298.

11. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК»: утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5. – URL.: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/>

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

Блинова Т.В., д.э.н., Былина С.Г., к.э.н., ИАГП РАН

Представлены результаты исследования факторов, влияющих на продолжительность жизни сельского населения России. Рассмотрен набор показателей, отражающих уровень экономического, социального, демографического и экологического состояния регионов. Проведен корреляционный анализ выделенных факторов с показателем ожидаемой продолжительности жизни сельского населения. Установлена степень влияния выбранных факторов на ожидаемую продолжительность жизни сельского населения России.

Ключевые слова: сельское население, ожидаемая продолжительность жизни, факторы, корреляционный анализ, Россия.

CORRELATION ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING THE LIFE DURATION OF RURAL POPULATION

Blinova T.V., doctor of economic sciences,
Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The results of a study of factors affecting the life expectancy of the Russian rural population are presented. A set of indicators reflecting the level of economic, social, demographic and environmental conditions of the regions is considered. A correlation analysis of the identified factors with an indicator of the expected life expectancy of the rural population was carried out. The degree of influence of the selected factors on the life expectancy of the rural population of Russia is established.

Key words: rural population, life expectancy, factors, correlation analysis, Russia.

Введение.

В научных исследованиях ожидаемая продолжительность жизни населения рассматривается в качестве интегрального показателя популяционного здоровья и условий жизнедеятельности людей [1, с. 114]. Кроме того, ожидаемая продолжительность жизни традиционно считается глобальным индикатором, характеризующим не только состояние здоровья населения и качество его жизни, но и эффективность мер в области охраны и укрепления здоровья граждан [2, с. 122]. Согласно методологии Росстата ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении составляет гипотетическое число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся, при условии, что на протяжении всей жизни поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель [3]. По оценкам ООН [4] Российская Федерация находилась на 116-м месте (2015 г.) по продолжительности жизни (70,1) среди 190 стран мира, уступая не только Японии (83,5), Италии (83,1), Швейцарии (83,0), Испании (82,6), Франции (82,2), Швеции (82,2), Германии (80,9) и другим странам с высоким уровнем доходов населения, но и Эстонии (76,8), Грузии (74,9), Армении (74,7), Латвии (74,2 года), Литве (73,3 года). Городские жители, как правило, живут дольше сельчан, а женщины – дольше мужчин. Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют, что в 2000–2016 гг. наибольший разрыв в продолжительности жизни городского и сельского населения наблюдался в период экономического кризиса (2008–2009 гг.) и составлял почти 3 (2,9) года. По данным Росстата [3] различия в продолжительности жизни городского и сельского населения к 2016 г. сократились до 1,9 года.

В составе факторов, которые объясняют различия между показателями ожидаемой продолжительности жизни городских и сельских жителей, следует назвать более низкий уровень доходов сельчан, слабое развитие социальной инфраструктуры села, в особенности сельского

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00229.

здравоохранения, значительную алкоголизацию населения и высокий уровень смертности от внешних причин (несчастных случаев, отравлений алкоголем, дорожно-транспортных происшествий). Сохраняется миграционный отток сельской молодежи, квалифицированных кадров, лиц наиболее активного трудоспособного возраста в города, что усиливает тенденцию постарения демографической структуры села. Увеличение продолжительности здоровой жизни сельчан могло бы частично компенсировать демографические и миграционные потери сельских территорий.

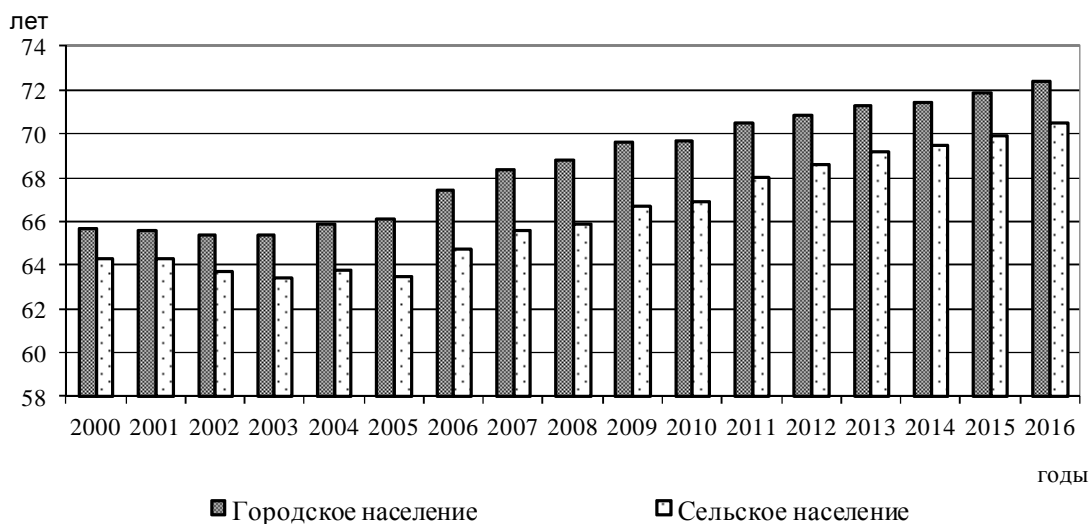

Рисунок – Продолжительность жизни городского и сельского населения РФ, 2000–2016 гг., лет

За последнее десятилетие реализованы важные меры государственной политики, направленные на улучшение демографической ситуации в стране, способствующие снижению смертности, росту рождаемости, повышению продолжительности жизни. Правительством РФ был принят пакет стратегических документов, где предусматривалось создание условий для увеличения продолжительности жизни населения [5–7]. В составе национальных целей и стратегических задач развития России на период до 2024 г. зафиксировано повышение ожидаемой продолжительности жизни населения до 78 лет и до 80 лет к 2030 г. (Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8]).

Целью настоящего исследования является корреляционный анализ факторов, влияющих на показатели ожидаемой продолжительности жизни сельского населения.

Методика исследований.

Информационная база исследования сформирована для 78 регионов России на основе статистических показателей, представленных в официальных изданиях Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [9–10], а также Центральной базе статистических данных Росстата [11] за 2015 г.

Проблемам укрепления общественного здоровья и увеличения продолжительности жизни посвящено достаточно большое число публикаций [1–2, 12–20]. Многие российские исследователи считают, что увеличение продолжительности жизни в нашей стране возможно только при росте реальных доходов граждан и обеспечении населения доступной и качественной медицинской помощью [12]. Учеными выявлено существенное влияние системы взаимосвязанных социально-экономических и медицинских показателей на продолжительность жизни [13]. Авторами предложен набор и выполнена классификация факторов, влияющих на продолжительность жизни населения. Все параметры объединены в несколько типологических групп: экономика, экология, образование, природно-климатические факторы, здравоохранение, социальная сфера. Сделан вывод о том, что наиболее значимым фактором, влияющим на продолжительность жизни мужчин и женщин, является социальная сфера

[14, с. 63]. Согласно исследованию Н.В. Звездиной и Л.В. Ивановой к ключевым факторам, влияющим на ожидаемую продолжительность жизни, относятся показатели смертности населения и эффективность системы здравоохранения [15]. Е.Я. Пастуховой и О.П. Кочневой изучена взаимосвязь между показателями ожидаемой продолжительности жизни социально-экономическими факторами в регионах Сибири [16]. Рассматривая взаимосвязи между благосостоянием и общественным здоровьем, исследователи также считают, что важным фактором является субъективное восприятие экономической, экологической и социальной среды различными группами населения.

Повышение качества жизни, доступности медицинских и образовательных услуг, расширение возможности выбора профессии и сферы приложения труда, а также субъективная оценка условий жизнедеятельности выступают, по мнению ученых, важными факторами повышения продолжительности жизни населения.

Результаты исследований.

Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения, как было отмечено ранее, подвержена влиянию разнообразных факторов, включая факторы социальной и экономической среды, а также экологические, демографические и поведенческие. С целью выделения наиболее значимых факторов построены матрицы корреляций ожидаемой продолжительности жизни сельского населения с показателями, отражающими уровень экономического, социального, демографического и экологического состояния регионов (см. таблицу). Выполненный корреляционный анализ позволил выявить характер (положительная или отрицательная зависимость) и силу влияния (значение коэффициента корреляции) выделенных факторов на продолжительность жизни сельского населения. Все значения показателей предварительно нормированы и центрированы стандартным образом.

Таблица – Коэффициенты корреляции ожидаемой продолжительности жизни сельского населения с фактором социально-экономического, экологического и демографического развития села

Показатели	Коэффициент корреляции
Доля валовой добавленной стоимости сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства в экономике региона, %	0,346
Удельный вес убыточных с.-х. организаций в регионе, %	-0,052
Уровень безработицы по методологии международной организации труда (МОТ), %	-0,124
Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие здравоохранения, и предоставление социальных услуг, млн руб.	0,171
Расходы консолидированных бюджетов на образование, млн руб.	0,104
Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение, млн руб.	0,106
Удельный вес численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	-0,154
Численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, чел. на 100000 населения	-0,403
Число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения	-0,767
Численность населения на одного врача, чел.	0,230
Численность населения на одного работника среднего медперсонала, чел.	0,536
Число разводов на 1000 браков	-0,339
Численность населения старше 15 лет с высшим образованием, на 1000 чел. населения	0,471
Численность населения старше 15 лет с основным общим и начальным образованием, на 1000 чел.	-0,041
Общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного жителя, м ²	0,026
Удельный вес общей площади жилых помещений, оборудованных водопроводом, %	0,478
Удельный вес общей площади жилых помещений, оборудованных отоплением, %	0,407
Удельный вес общей площади жилых помещений, оборудованных газоснабжением, %	0,529
Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием, км на 1000 км ² территории	0,701
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т	-0,188
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, тыс. м ³	-0,070

Источник: расчеты авторов по данным Росстата [19].

Как показывают расчеты, обнаружено значимое отрицательное, но слабое влияние на ожидаемую продолжительность жизни сельского населения таких параметров, как численность населения старше 15 лет с основным общим и начальным образованием, в расчете на 1000 чел., удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций в регионе, сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (см. таблицу). Результаты исследований показали, что низкий уровень образования не оказывает положительного влияния на увеличение продолжительности жизни населения. Вероятность для сельского жителя с низким уровнем образования прожить меньше, чем лица, имеющие высшее профессиональное образование, объясняется, в том числе неблагоприятными условиями труда, а также более низкой заработной платой, не позволяющей оплачивать услуги высокотехнологичной медицинской помощи. Низкие значения коэффициентов корреляции при переменных свидетельствуют о слабом влиянии ранее указанных факторов на ожидаемую продолжительность жизни сельского населения.

Нельзя не отметить, что влияние показателей, отражающих экологические условия жизнедеятельности, на продолжительность жизни населения неизменно проявится в средние и долгосрочном периодах. На долгосрочный эффект влияния экологических параметров обращают внимание многие авторы, подчеркивая, что «показатели выбросов и сбросов вредных веществ в атмосферу и водные объекты характеризуют воздействие на окружающую среду, которое проявится в будущих периодах времени...» [17]. Как отмечают авторы, негативное влияние экологического фактора объясняется еще и способностью усугублять другие причины ухудшения общественного здоровья [18].

Слабое положительное влияние оказывает общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного жителя, поскольку в настоящее время для сельчан более важным значением приобретает качество жилищно-бытовых условий. По данным Росстата за 2015 г. [19], на одного сельского жителя приходилось 25,6 м² жилой площади, в то время как на городского – 24 м². В то же время значительная часть сельского жилого фонда не оснащена газоснабжением, отоплением, водопроводом и т.д. В наших исследованиях анализ связи показателей благоустройства жилья с ожидаемой продолжительностью жизни сельского населения свидетельствует о существенном положительном влиянии наличия отопления, газоснабжения, водопровода в домах. Отмечена положительная связь параметров развития сельского хозяйства с показателями ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) сельского населения в целом, а также мужчин и женщин в отдельности. Объясняется это тем, что сельское хозяйство обеспечивает работой значительную часть населения сельских территорий. Расходы государства на развитие здравоохранения, образования и социальную политику положительно влияют на повышение продолжительности жизни сельского населения, однако, судя по значениям коэффициентов корреляции, тесная зависимость не обнаружена, поскольку рассматривается краткосрочный, а не долгосрочный период, где оно, безусловно, проявится. Уровень социального неравенства, измеряемый показателем удельного веса численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, статистически значимо отрицательно связан с показателем ожидаемой продолжительностью жизни сельского населения. Отрицательная связь между долей населения с низкими доходами и ожидаемой продолжительностью жизни сельчан объясняется неблагоприятными условиями их жизни, нехваткой средств на поддержание здоровья, отсутствием комфортного жилья и денег для полноценного отдыха. Как подчеркивают авторы, «бедность и принадлежность к низкому социальному классу уменьшают жизнеспособность за счет неполноценного питания и плохих жилищных условий, ограничения возможностей адекватного отдыха и доступа к достижениям здравоохранения, трудностей в получении образования...» [20].

Существенное влияние на увеличение продолжительности жизни населения сельских территорий, в особенности мужчин, окажет повышение доступности первичной медпомощи и обеспеченности средним медперсоналом. Обеспеченность медицинских учреждений врачами и медсестрами могла бы повысить качество медицинской помощи для сельского населения. Нельзя не согласиться с авторами, считающими, что доступность медицинской помо-

щи для граждан является ключевым показателем их социальной защищенности [21, с. 209]. В то же время между городом, где сосредоточены медицинские учреждения, и селом со слабо развитой социальной инфраструктурой сохраняется неравенство в обеспеченности врачами, средним медперсоналом, медучреждениями, что формирует низкую доступность медицинских услуг для сельского населения. Как подчеркивает А. А. Шабунова, низкая оснащенность фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) квалифицированными кадрами, медикаментами, оборудованием, сложность их лицензирования в отсутствие систем водоснабжения и водоотведения, практика сокращения и перепрофилирования участковых больниц в сельские амбулатории приводят к тому, что жители отдаленных сельских поселений становятся дискриминируемой социальной группой в отношении оказания медицинской помощи [21, с. 212].

Помимо факторов среды на изменение ожидаемой продолжительности жизни влияют поведенческие факторы. В частности, алкогольная зависимость выступает одной из причин преждевременной смертности населения, в том числе от внешних причин, а именно отравлений суррогатами крепких напитков, самоубийств, убийств, утоплений, дорожно-транспортных происшествий и др. Кроме того, алкоголизация населения и бытовое пьянство повышают риски смертности от других заболеваний. В Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год отмечается, что злоупотребление алкоголем является мощной формой саморазрушительного поведения и имеет пагубные последствия для психического и физического здоровья россиян [22]. Согласно международной статистике, алкоголизация населения является одним из ключевых факторов преждевременной смертности не только в РФ, но и других странах. При этом, как подчеркивается в Докладе, смертность от алкогольной зависимости не исчерпывается алкогольными отравлениями и включает значительный процент убийств, самоубийств, смертей от цирроза, сердечно-сосудистых заболеваний, панкреатита, болезней органов дыхания, рака органов системы пищеварения [22]. В большей степени алкоголизация сельского населения затронула мужчин, чем женщин. Необходимо активное развитие социальной, в том числе спортивной инфраструктуры, формирование условий и ценности здорового образа жизни сельчан. По мнению экспертов ВОЗ, если совместный вклад медицинской помощи и наследственных факторов в здоровье составляет не более 30%, то на здоровый образ жизни, приходится 50% [23]. Нельзя не обратить внимания на то, что алкоголизация населения формирует неблагоприятную среду, где различные формы асоциального поведения со временем считаются нормой. Как показывают результаты расчетов, число зарегистрированных преступлений, отражающих степень безопасности социальной среды, уровень заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами оказывают негативное влияние на здоровье и продолжительность жизни сельчан. Следует особо подчеркнуть, что социальное неблагополучие является существенным фактором, препятствующим росту продолжительности жизни сельского населения.

Важным фактором, положительно влияющим на продолжительность жизни населения сельских территорий, является благополучие в семье. Исследования показывают, что семейные проблемы, ссоры, распад семьи, разводы понижают продолжительность жизни мужчин. Показатель качества брачных отношений, определяемый в данном случае числом разводов на 1000 браков, свидетельствует о существенном вкладе семейного благополучия в увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Характеристика инфраструктурной среды, представленная показателем плотности дорог с твердым покрытием на 1000 км² территории, используется многими исследователями при анализе факторов, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни. Наши расчеты показывают, что данный показатель имеет один из наиболее высоких положительных коэффициентов корреляции с ожидаемой продолжительностью жизни сельского населения, что свидетельствует о жизненной важности качества дорожной инфраструктуры для сельских населенных пунктов. Развитие дорожной сети повышает доступность медицинских услуг, первичной и высокотехнологичной помощи. Кроме того, повышается доступность учреждений образования, здравоохранения, культуры, включая музеи, театры, выставки. Таким образом, важными факторами являются как повышение качества среды, так и инвестиции в чело-

веческий капитал, которые формируют потенциал долгосрочного развития сельских территорий [24].

Заключение.

Различие детерминант ожидаемой продолжительности жизни как между городским и сельским населением, так и по регионам РФ предполагает различные подходы к мерам социальной и демографической политики. Данная работа является первым этапом исследования факторов, влияющих на продолжительность жизни сельского населения России.

Учитывая разную степень взаимосвязи между отобранными параметрами, окончательный набор статистически значимых социально-экономических и экологических факторов, оказывающих влияние на ожидаемую продолжительность жизни сельского населения, будет уточняться с использованием множественного регрессионного анализа.

Список литературы:

1. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Тарасова Е.В. Зависимость продолжительности жизни населения России от внешних факторов // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 6. – С. 114–125.
2. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России как индикатор общественного здоровья // Paradigmata poznani. – 2015. – № 3. – С. 122–129.
3. Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб./ Росстат.- М., 2015. – 263 с., с.33. – URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_113_7674209312/ (дата обращения: 24.02.2019).
4. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (редакция: 30.10.2016). – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения 27.02.2019).
5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007. № 1351. – URL: http://konceptsiya_demograficheskoy_politiki_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda.pdf. (дата обращения: 11.02.2018).
6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федер. закон № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 года. – URL: <http://base.garant.ru/12151286/> (дата обращения 11.04.2018).
7. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1298-р от 20 июня 2017 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/> (дата обращения: 11.07.2018).
8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 2018 года № 444. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/557309575>
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб./Росстат. – М., 2016. – 725 с.
11. Центральная база статистических данных Росстата. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/ (дата обращения 24.02.2018).
12. Мигунова О.В., Ерофеев Ю.В., Стороженко А.Е. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в России и мире // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7–5 (14). – С. 50–52.
13. Молчанова Е.В. Влияние социально-экономических и экологических факторов на медико-демографические тенденции в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 39. – С. 56–66.

14. Теплых В.Г. Выявление факторов ожидаемой продолжительности жизни в регионах России: анализ панельных данных // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 7(286). – С 53–64.
15. Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. – 2015. – № 7. – С. 10–20.
16. Пастухова Е.Я., Кочнева О.П. Продолжительность жизни в регионах Сибири: влияние социально-экономических факторов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12 (2). – С. 298–301.
17. Рюмина Е.В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 4. – С.1113–1122.
18. Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М. Статистический анализ влияния факторов риска на ухудшение общественного здоровья // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 1. – С. 105–118.
19. Жилищное хозяйство в России. 2016: Стат. сб./ Росстат. – М., 2016. – 63 с.
20. Королева Ю.Н., Сапунов В.Б. Динамика продолжительности жизни петербуржцев и эколого-социальные факторы ее определяющие // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2006. – № 2. – С. 194–212.
21. Шабунова А.А. Проблемы доступности медицинской помощи населению // Федерализм. – 2010. – № 1. – С. 209–218.
22. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год /под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – М., 2014. – 204 с. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4758.pdf> (дата обращения 11.02.2018).
23. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. М, 2011. – 146 с., с.92. – URL: <http://undp.ru/documents/nhdr2011rus.pdf> (дата обращения 14.12.2016).
24. Блинова Т.В. Социально-демографические факторы развития аграрного сектора России // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 170. –С. 25–41.

РЫНОК ТРУДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СЕЛЬСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА

Кривицкая Н.А., к.социол.н.,
Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области

В статье исследуются особенности формирования рынка труда Саратовской области, актуальные проблем безработицы и занятости населения сельской и городской местности. Рассматриваются меры, реализуемые службами занятости населения Саратовской области, направленные на содействие трудоустройству и сокращение уровня сельской и городской безработицы.

Ключевые слова: занятость, безработица, сельская и городская местность, Саратовская область.

LABOR MARKET OF THE SARATOV REGION AND RURAL UNEMPLOYMENT

Krivitskaya N.A., candidate of sociological sciences,
Ministry of Labor, Employment and Migration of the Saratov region

The article explores the features of the formation of the labor market of the Saratov region, as well as the current problems of unemployment and employment in rural and urban areas. The measures implemented by the employment services of the population of the Saratov region, aimed at promoting employment and reducing the level of rural and urban unemployment, are considered.

Key words: employment, unemployment, rural and urban areas, Saratov region.

Введение.

Численность населения Саратовской области по данным Росстата составляет 2440815 человек (на 1 января 2019 г.), из них 1852923 чел. проживают в городах, а 587892 чел. – в сельской местности [1]. Длительное время Саратовская область занимает шестое место по численности населения среди республик и областей Приволжского Федерального округа [2]. Изменение численности населения происходит под влиянием исторических и социально-экономических процессов, характерных как для всей страны, так и для области [2]. В Саратовской области, также как и других регионах России и странах мира, изменяется возрастная структура населения, происходит старение городского и сельского населения [3]. В результате сокращения числа лиц трудоспособного возраста происходит обострение «дефицита кадров», сужаются масштабы предложения рабочей силы [3]. Демографическая ситуация в области оказывает большое влияние на формирование предложения рабочей силы на рынке труда. За последние десять лет численность населения области снизилась на 95,3 тыс. человек (на 3,7%), а за весь период депопуляции (с 1996 г.) – на 273,5 тыс. человек (на 10%) (рис.1).

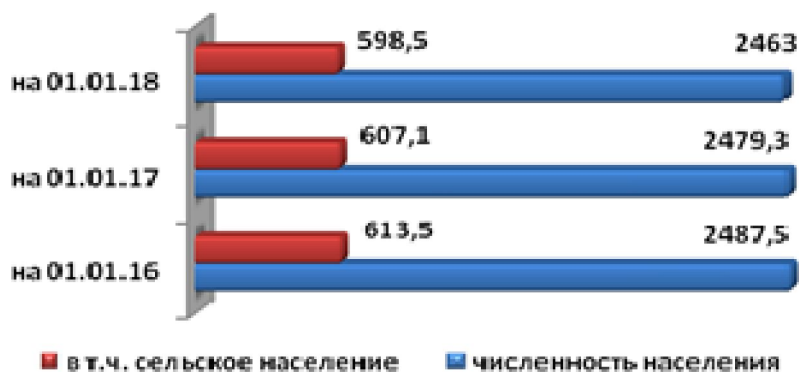

Рисунок 1 - Численность населения Саратовской области, тыс. чел.

При этом численность сельского населения сокращается более интенсивными темпами по сравнению с городским: на начало 2018 года в сельских поселениях проживали 24,3% жителей области, за год их численность сократилась на 1,4%, тогда как численность городского населения –

на 0,4%. По данным государственных органов статистики численность сельского населения в Саратовской области на 01.01.2018 года составила 598,5 тыс. чел. или 24,3% от общей численности населения. Более половины (52% или 312 тыс. чел.) численности сельского населения составляли женщины. За год численность населения в сельской местности сократилась на 8,6 тыс. чел. или на 1,4%, при этом численность женщин уменьшилась на 1,7%, что в 1,5 раза больше, чем численность мужчин.

Как отмечают исследователи, одним из демографических ограничений сельского развития явилось уменьшение абсолютного и относительного числа лиц трудоспособного возраста [3]. Наряду с количественным сокращением численности сельского населения, отмечается и его качественное ухудшение – старение населения, обусловленное увеличением численности населения в возрасте старше трудоспособного возраста на 1,5% (с 168,6 тыс. чел. в 2017 г. до 171,1 тыс. чел. в 2018 г.) и снижением численности населения в трудоспособном возрасте на 2,7% (с 330 тыс. чел. в 2017 г. до 321,1 тыс. чел. в 2018 г.). Авторы подчеркивают, что демографическое старение села сдерживает развитие сельских территорий [3]. Тем более, что миграционные процессы не способствуют улучшению демографической ситуации в сельской местности. В 2018 году число мигрантов, прибывших в сельскую местность области, составило 17804 человека, выбывших – 24391 человек, при этом миграционная убыль составила 6587 человек, что в 1,8 раза выше, чем убыль городского населения (3761 чел.). В современной научной литературе подчеркивается, что сокращение численности сельского населения связано с избыточным оттоком молодежи, квалифицированных кадров в города из-за отсутствия подходящей работы, слабым развитием социальной инфраструктуры села, низкой доступностью медицинских услуг [3, 4].

По сравнению с 2017 годом миграционная убыль сельского населения увеличилась на 29,8% или на 1513 человек (рис.2).

Рисунок 2 - Показатели миграционного оборота, тыс. чел.

При этом миграционная убыль женского населения была в 1,7 раза выше значений данного показателя среди мужского населения (4118 чел. против 2469 чел.).

Целью исследования является анализ особенностей функционирования рынка Саратовской области, проблем занятости, сельской и городской безработицы, а также мер содействия трудоустройству лиц, проживающих в Саратовской области.

Методы исследования.

Мониторинг сельского рынка труда Саратовской области проводится с целью выявления основных тенденций в сфере занятости сельского населения, а также обеспечения заинтересованных субъектов рынка труда информацией о процессах, протекающих на регистрируемом рынке труда области, и мероприятиях, направленных на снижение безработицы на селе.

Источником данных является государственная статистическая отчетность:

- данные выборочных обследований населения по проблемам занятости, проводимых органами Федеральной службы государственной статистики в 2017-2018 годах;
- доклады с приложениями «Социально-экономическое положение Саратовской области»;

- краткий статистический сборник «Саратовская область»;
- сведения о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения: форма – 2 Т (трудоустройство).

Кроме того, при проведении мониторинга использовались данные о создании рабочих мест на территории области, представленные отраслевыми министерствами и ведомствами, администрациями муниципальных районов, УФНС России по Саратовской области, работодателями.

Основными принципами организации мониторинга являются непрерывность наблюдения, периодичность сбора, обработки и анализа статистической информации о ситуации на рынке труда, сопоставимость показателей во времени.

В целях наглядного отображения неоднозначности ситуаций с безработицей и напряженностью на территориальных рынках труда используется метод картографирования, который способствует выявлению наиболее типичных проблемных зон и определению их расположения на территории Саратовской области.

Мониторинг содержит статистические и аналитические материалы за 2017-2018 годы, характеризующие:

- изменения, произошедшие в сфере занятости сельского населения;
- динамику общей сельской безработицы;
- масштабы регистрируемой сельской безработицы, ее динамику и структуру;
- потребность предприятий и организаций в работниках, заявленную в службу занятости;
- напряженность на регистрируемом сельском рынке труда;
- деятельность органов службы занятости по содействию в трудоустройстве и обеспечению защиты от безработицы.

Результаты исследования.

Формирование эффективной структуры занятости является важнейшим фактором стабилизации ситуации на региональных рынках труда [5]. Помимо демографических процессов, важным фактором, оказывающим существенное влияние на рынок труда, является экономическая активность сельского населения (или численность рабочей силы). По итогам 2018 года численность экономически активного населения области составила 266 тыс. человек, что ниже аналогичного показателя 2017 года на 7 тыс. человек или на 2,6%. При этом уровень экономической активности сельского населения (уровень участия в рабочей силе) области оставался ниже, чем у городского населения и в среднем по области (52,7% против 58,7% и 57,3% соответственно). По отношению к 2017 году уровень экономической активности мужского сельского населения снизился с 66,4% до 64%, тогда как у женщин данный показатель незначительно вырос – с 42,2% до 42,7%. Данные тенденции ведут к возникновению проблем формирования трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал, к уменьшению объемов подготовки квалифицированных кадров, а низкий уровень экономической активности препятствует использованию имеющихся ресурсов труда.

Изменения в экономике обусловили снижение численности занятых экономической деятельностью с 258,2 до 242,9 тыс. человек или на 5,9%. При этом уровень занятости сельского населения снизился на 2,5 п.п. и составил в 2018 году 48,1% (городское население – 56,3%, население области – 54,4%).

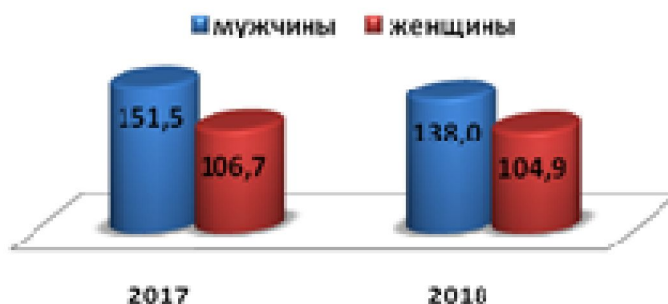

Рисунок 3 - Численность занятых мужчин и женщин в экономике Саратовской области, тыс. чел.

В гендерном разрезе изменения показателей занятости выглядели следующим образом: численность занятых мужчин снизилась с 151,5 тыс. до 138 тыс. человек, женщин – с 106,7 тыс. до 104,9 тыс. человек, уровень занятости у мужского сельского населения уменьшился с 63,4% до 58,2%, у женского населения снижение менее значительное – с 39,4% до 39,2% (рис.3).

Государственная поддержка агропромышленного комплекса позволила снизить объемы высвобождений с предприятий сельского хозяйства. В 2018 году по отношению к предыдущему году объемы высвобождений работников сельского хозяйства снизились на 20% (2017 год – 295 чел., 2018 год – 235 чел.). Однако их доля, среди общего количества высвобожденных, увеличилась с 5% до 6%. На конец 2018 года в режиме неполной занятости трудились 182 работника сельхозпредприятий (на конец 2017 года – 105 работников). Их доля по отношению к 2017 году не изменилась и составила 6% от общего числа. В результате численность работников в организациях сельского и лесного хозяйства увеличилась с декабря 2017 года к декабрю 2018 года на 2,1% (с 24,6 тыс. чел. до 25,1 тыс. чел.). При этом их доля в общей численности работников организаций всех видов экономической деятельности выросла незначительно на 0,1 п.п.

Рисунок 4 - Динамика создания новых рабочих мест в экономике Саратовской области, ед.

Диверсификация региональной экономики и структуры занятости создает условия для появления новых рабочих мест, расширяет местные расходы, стимулирует рост инвестиций [5]. Создание новых рабочих мест происходило как за счет ввода новых организаций, так и в результате модернизации, освоения новых производств, увеличения объемов выпуска продукции на действующих предприятиях. По данным отраслевых министерств, УФНС России по Саратовской области, администраций муниципальных районов и ГКУ СО ЦЗН городов и районов в 2018 году в области создано 19,6 тыс. новых рабочих мест, что на 16,7% больше, чем в 2017 году, из них в агропромышленном комплексе – 438 единиц (рис.4). Создание новых рабочих мест в сельской местности возможно за счет развития экологического сельского хозяйства и органического фермерства, а также развития кооперации и торговли для реализации экологически чистой продукции, что создаст предпосылки для расширения занятости [6]. Не менее важным направлением является развитие несельскохозяйственной занятости в сельской местности. По оценкам социологов, сложившаяся структура рабочих мест недостаточно удовлетворяет мужчин, ориентированных на высокие заработки, женщин, для которых важна стабильная занятость, лиц с высоким уровнем образования, предпочитающих квалифицированный труд, молодежь, ориентированную на достойные условия найма [6]. Не менее эффективной мерой стабилизации сельской занятости является развитие жилищного строительства и социальной инфраструктуры, что создает мультипликативный эффект для развития местной экономики, на что неоднократно обращали внимание исследователи [6].

Численность сельского населения, занятого в неформальном секторе, составила 80,9 тыс. человек и по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 8,1 тыс. (2017 год – 72,8 тыс. чел.). В результате доля занятых в неформальном секторе составила 33,3% и по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 5,1 п.п. На фоне снижения экономически активного населения наблюдался рост численности безработных граждан и уровня общей безработицы в регионе, рассчитанной по методологии МОТ (табл.1).

Таблица 1 - Динамика сельской безработицы, 2017-2018 гг.

	2017	2018
Численность безработных, тыс. чел.	14,9	23,0
Уровень безработицы (% от численности ЭАН):		
в Саратовской области	5,4	8,7
в Российской Федерации	8,0	7,3
в Приволжском федеральном округе	6,3	5,9

По сравнению с 2017 годом численность безработных в сельской местности выросла на 54,4% или на 8,1 тыс. человек, тогда как в среднем по городу – снизилась на 5,3 тыс. человек или на 12,4%. При этом уровень сельской безработицы увеличился на 3,3 п.п. и составил в 2018 году 8,7% (городское население – 4%, население области – 5%).

За последний год в структуре сельской безработицы произошли изменения, которые характеризовались снижением доли женщин в общей численности безработных с 51% в 2017 году до 40% в 2018 году. При этом их численность увеличилась на 21,1% (с 7,6 до 9,2 тыс. чел.). Численность безработных мужчин выросла более значительно – на 89% (с 7,3 до 13,8 тыс. чел.). Уровень безработицы у женщин увеличился на 1,5 п.п. и составил в среднем за 2018 год 8,1%, у мужчин – вырос на 4,5 п.п. – до 9,1%.

В 2018 году около 37,3 тыс. безработных (62% их общей численности) проживали в городской местности, а 23 тыс. человек (38%) – в сельской местности. В 2018 году служба занятости в сельской местности работала с 12,3 тыс. граждан, из которых: 3,4 тыс. человек состояли на учете на начало года, из них 98,9% имели официальный статус безработного; 8,9 тыс. человек поставлены на учет в течение года, из них 5,9 тыс. чел. признаны безработными.

Из общей численности граждан, признанных безработными, жители села составляли 28,2%, остальные – жители городов (рабочих поселков). По сравнению с 2017 годом общая численность сельских граждан, искавших работу при содействии службы занятости, снизилась на 7,5% или на 1 тыс. человек. Уровень регистрируемой сельской безработицы за год не изменился и составил на 01.01.2019 года 1,1% от экономически активного сельского населения. Многие авторы подчеркивают, что региональные различия на рынке труда являются общей чертой многих стран и регионов [5]. В Саратовской области также сохраняются территориальные различия на рынке труда. По данным мониторинга наиболее высокое значение показателя отмечалось в Петровском и Хвалынском районах (2,2% от численности трудоспособного сельского населения); наиболее низкое (0,2%) – в Краснокутском муниципальном районе.

На 01.01.2019 года на учете в органах службы занятости состояли 3,1 тыс. сельских жителей (на 8,9% меньше, чем на 01.01.2018 г.) и 6,3 тыс. городских (на 19% меньше, чем на 01.01.2018 г.). По отношению к 1.01.2019 года численность сельских безработных уменьшилась в 27 районах и увеличилась в 11 районах области.

Произошли изменения в структуре регистрируемой безработицы. Из числа безработных граждан, состоявших на учете на 01.01.2019 года более 96% (или 2,9 тыс. чел.) ранее имели опыт работы. Из них более 79% – работали по рабочим профессиям, а остальные (20,7%) граждане работали на должности служащего (на 01.01.2018 г. – 78,4% и 21,6% соответственно). В разрезе квалификаций: 29,8% – операторы производственных установок и машин, сборщики и водители; 29,6% – неквалифицированные работники; 9,1% – квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта; 8,7% – руководители; 7% – работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности. Как и у безработных жителей городов, основной причиной увольнения безработных сельчан являлось увольнение с прежнего места работы по собственному желанию. По сравнению с 1.01.2018 года их доля увеличилась на 4,2 п.п. и составила на 1.01.2019 года 55,8% в общей численности сельских безработных.

Необходимо отметить, что за год на 36,5% (с 426 до 312 чел.) уменьшилась численность безработных, уволенных по причине ликвидации организации, сокращения численности или штата, при этом их доля в общей численности безработных уменьшилась на 2,5 п.п. (с 12,7% до 10,2%). В 2018 году с регистрационного учета снято 6,2 тыс. сельских безработных, из них 4,3 тыс. – в связи с трудоустройством (в 2017 году – 6,6 и 4,4 тыс. чел. соответственно).

Охарактеризовать ситуацию на рынке труда с точки зрения длительности безработицы позволяют такие показатели, как: средняя продолжительность регистрируемой безработицы, доля безработных, состоящих на учете более одного года. Средняя продолжительность регистрируемой безработицы в Саратовской области за год уменьшилась на 0,3 мес. и составила на 01.01.2019 года – 4,6 мес. Также наблюдается тенденция к снижению продолжительности средней безработицы и в сельской местности. За год она уменьшилась на 0,4 мес. и составила на 01.01.2019 года – 4,2 мес. Более 64% граждан, имеющих официальный статус безработного на конец декабря 2018 года, искали работу 4 мес. и менее. Доля застойной безработицы (4 – 12 мес.) составила 33%, доля хронической безработицы (более 1 года) – 3%.

Результаты исследования показывают, что длительная безработица понижают шансы на трудоустройство граждан [7], в особенности молодых людей [8]. Среди состоявших на учете безработных области значительно снизилась численность хронических безработных (ищущих работу более 1 года) – с 218 человек на 01.01.2018 года до 106 человек на 01.01.2019 года. В территориальном разрезе значение показателя колебалось от 2,8 мес. в Ершовском районе до 5,3 мес. в Краснопартизанском, Балаковском и Воскресенском районах. Доля безработных, состоявших на учете более 1 года, в 2 и более раз превышала среднеобластной показатель в 13 районах области, в т.ч. в Ал-Гайском, Ивантеевском, Ровенском и Перелюбском районах. В настоящее время возрастает роль профориентационной работы служб занятости как эффективного инструмента сокращения уровня безработицы в регионе. Следует подчеркнуть, что профориентация актуальна и на этапе смены профессиональной деятельности и в условиях развития предпринимательской инициативы [9]. В дополнение к этому особое место должно быть отведено вопросам государственного стимулирования создания работодателями высокопроизводительных рабочих мест [10].

Заключение.

Деятельность органов службы занятости в 2018 году была направлена на содействие в трудоустройстве населения, развитие сотрудничества с работодателями, организацию работы по профессиональной подготовке кадров в соответствии с потребностями экономики, реализацию мероприятий по профориентации граждан.

Список литературы:

1. Оценка численности постоянного населения Саратовской области по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – URL: <https://srtv.gks.ru/folder/59967>.
2. Экономическая энциклопедия регионов России. Саратовская область. Москва: «Экономика», 2011. - 511 с.
3. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2018. - №2. - С.14-19.
4. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов /под общ. Ред. И.Л. Воротникова – Саратов: Амирит, 2017.- 403 с.
5. Блинова Т.В., Русановский В.А. Теоретические подходы к исследованию межрегиональных различий российского рынка труда// Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. –2009. – №5. – С. 17-21.
6. Блинова Т.В. Социально-демографические факторы развития аграрного сектора России //Научные труды Вольного экономического общества России. - 2013. - Т. 170. - С. 25-41.
7. Blinova T. Unemployment Strategies in the Youth labour market: Rural-Urban Differences in Russia. Indian Journal of Science and Technology. Vol. 9 (30). 2016.
8. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий – М.: «Университетская книга», 2016. – 178 с.
9. Вольская Т.Е. Профориентационная работа как механизм снижения безработицы в регионах Российской Федерации. Труд и социальные отношения. - 2019. - № 3. - С. 31-40.
10. Белоусов О.А. Регион в плену структурной безработицы: штрихи к портрету // Экономика труда. - 2018. - Т. 5. - № 1. -С. 233-244.

ФОРМИРОВАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИО-ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Семёнов С.Н., д.э.н., Алиева Д.М., лаборант-исследователь, ИАГП РАН

Рассмотрены понятийный аппарат социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий (СПЭП АПК и СТ), его сущность и значение. Обоснована необходимость разработки и реализации агропромышленной политики как фактора безопасности и устойчивого развития АПК и сельских территорий. Предложены пути и механизмы реализации агропромышленной политики. Приведены результаты диагностики пилотной региональной программы устойчивого развития сельских территорий. Рассмотрены основные направления целевой программы «Стабилизация».

Ключевые слова: социо-природно-экономическое пространство АПК и сельских территорий; устойчивое развитие; конкурентоспособность; гармоничный менеджмент; агропромышленная политика; безопасности и бережливость; стабилизация; механизм реализации; агромаркетинг; пилотная программа; коэволюция; кластерная экономика

FORMATION AND MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE REGIONAL POLICY OF SOCIO-NATURAL-ECONOMIC SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURE AND RURAL TERRITORIES

Semenov S.N., doctor of economic sciences, Alieva D.M., research assistant, IAgP RAS

The conceptual apparatus of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural territories, its essence and significance are considered. The necessity of developing and implementing agro-industrial policy as a factor in the security and sustainable development of agriculture and rural areas is substantiated. Ways and mechanisms for the implementation of agricultural policy are proposed. Diagnostic results of a pilot regional program for sustainable development of rural areas are presented. The main directions of the target program “Stabilization” are considered.

Keywords: socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural territories; sustainable development; competitiveness; harmonious management; agro-industrial policy; safety and thrift; stabilization; implementation mechanism; agricultural marketing; pilot program; co-evolution; cluster economy

Введение.

Социо-природно-экономическое пространство АПК и сельских территорий (СПЭП АПК и СТ) представляет собой социально-экономически освоенную часть природного пространства, как среды обитания сельского населения. СПЭП АПК и СТ включает в себя пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности сельских сообществ и предметного мира крестьянства и выражается в способах расселения и типах поведения сельского населения, в возможностях развития его индивидов. Сохранение (сбережение) и преобразование СПЭП АПК и СТ в определенных границах и пропорциях предопределяется целями расширенного воспроизводства ресурсов человеческого, растительного и животного миров, обеспечения пропорций между социально-экономически освоенной и собственно природной сферами сельско-территориального пространства. Социо-природно-экономическое пространство АПК и сельских территорий вступило в новую фазу своего развития, эффективность которого во многом определяется гармоничностью сочетания и согласованностью цели развития составных элементов этого «агропромышленного» пространства с целями, функциями отдельных стадий воспроизводства АПК как формируемой системы. Более того, АПК и «агропромышленное пространство» развиваются и функционируют как организационно-технологические системы, элементы которых объективно связаны с конечной целью АПК и СПЭП сельских территорий, хотя в настоящее время они организационно-экономически обо-

соблены. Таким образом, в развитии производительных сил в СПЭП АПК и СТ межотраслевой обмен становится необходимым условием расширенного агропромышленного производства.

Целью исследования является разработка теоретических положений и практических рекомендаций по формированию государственной региональной политики социо-природно-экономического развития АПК и сельских территорий, а также механизмов ее реализации. Особое внимание уделено изучению гуманистической направленности развития социо-природно-экономических отношений как сущности, выражающей тенденции развития агропромышленного производства для теоретического обоснования перспектив устойчивого развития сельских территорий. В соответствии с данной целью решены следующие задачи исследования:

- на основе теории гармоничного менеджмента отражено наличие гуманистических принципов (гармоничной упорядоченности и согласованности всех составных частей промышленных систем как внутри (между собой), так и с внешними факторами) в агропромышленной политике;
- рассмотрены сущность, характерные черты, социо-природно-экономические основы гуманизации пространственного устойчивого развития АПК и сельских территорий;
- определено содержание механизма реализации предлагаемой агропромышленной политики.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных выявлению социо-природно-экономических проблем и цивилизационному обоснованию жизненного пространства российского социума (М. Хайдеггера, К. Есперса, Н.А. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, А.С. Панарина, Е.Б. Мироновой, В.Б. Устьянцева, А.Д. Крайнова, П.П. Великого, А.А. Кузьминой и др.)

В процессе исследования применялись следующие методы: системный подход и ситуационный анализ, методы наблюдения, описания, сравнения, экономико-статистические методы, методы теории цивилизации (цивилизационный подход). В частности, в контексте цивилизационного подхода, СПЭП АПК и СТ рассматривается как составная часть цивилизационного жизненного пространства, предлагающего преодоление отчуждения сельского населения от природы, гуманизацию средств производства на селе.

Результаты исследования.

1. Агропромышленная политика □ основа реализации концепции устойчивого развития

Основой разработки механизма и моделей управления устойчивым и конкурентоспособным развитием СПЭП АПК и СТ является государственная агропромышленная политика и механизм её осуществления. В современной науке и практике используются различные теоретические подходы и трактовки политики в сфере развития АПК и сельских территорий: «аграрная политика», «государственная политика в области сельского хозяйства», «политика агропромышленного развития». Так, в работе И.Б. Калашникова и В.И. Новичковой приводится следующее её определение: «Аграрная политика □ деятельность государства, направленная на создание хозяйственно-финансовых и политических рамочных условий в аграрном секторе, реализующуюся путем воздействия на происходящие в нём экономические процессы через формы и методы, наиболее действенные в области аграрной экономики». [1, с. 10]

По нашему мнению, недостатком такой формулировки является то, что она не включает такую реалию современности, как агропромышленная интеграция и её следствие □ агропромышленное производство. В ней также не учитывается важнейшая целевая направленность политики - социальное развитие села и сельских территорий.

По нашему убеждению, в ряде формулировок агропромышленной (аграрной) политики неправомерно отождествляют это понятие с механизмом её реализации.

Агропромышленная политика рассматривается авторами как составная часть стратегии национального общественного развития, основанная на системе отношений между государ-

ственными (федеральными), региональными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научно-исследовательскими, проектными и общественными организациями.

Под агропромышленной политикой государства понимается система научно обоснованных, общественно обсужденных и установленных на федеральном уровне взаимоувязанных доктрин, концепций, проектов, принципов, приоритетов, а также основанных на них стратегических государственных управленческих решений, определяющих функционирование и устойчивое, конкурентоспособное и безопасное развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в стране.

Разработка агропромышленной политики, по нашему мнению, должна основываться на следующих принципах:

- комплексный системный и многоуровневый подход;
- единство целей, механизмов, методов и инструментов по реализации агропромышленной политики;
- тесная взаимоувязка и согласование агропромышленной политики с социально-экологической, инновационно-научно-технической, образовательной и внешнеэкономической политиками государства;
- обеспечение условий для приоритетного развития агропромышленных наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подкомплексов, кластеров и производств, придающих импульс для динамического развития агропромышленной экономики и закладывающих фундамент для вхождения страны в группу мировых агротехнологических лидеров;
- формирование институциональных условий для гармоничного, сбалансированного и пропорционального развития агропромышленного производства с приоритетом восстановления и развития его инновационно-конкурентно-воспроизводственной сферы;
- разработка организационно-экономического и социального механизма развития инновационных и воспроизводственных процессов в АПК в целях повышения качества, производительности и доходности агропромышленного труда;
- совершенствование методов формирования устойчивого, конкурентоспособного и безопасного развития сельских территорий Российской Федерации;
- признание целостности сельской социо-природно-экономической системы, являющейся элементом системы более высокого порядка и взаимосвязанной с другими локальными системами.

Принципы агропромышленной политики:

- комплексность, системность политики;
- рефлексивность политики (целеполагание как ответ на глобальные вызовы и ограничения);
- системное выявление и реализация всех имеющихся резервов и ресурсов;
- постоянная активная системно-преобразующая управленческая деятельность государственных властей на всех уровнях (цели, субъекты и объекты, функции, методы, структуры, ресурсы, механизмы);
- баланс тактических и стратегических приоритетов;
- активно управляемое и оживляемое отношение государства к геополитическому пространству сельских территорий как конкретному выражению природы, непрерывному жизненному телу этноса, населяющего это пространство;
- следование геополитической инновационной позиции «вызовов и ответов», спроектированной на исторический процесс;
- интенсивный коэволюционный подход развития в системе «общество природа», основанный на комфортности и ставящий своей целью совмещение ценностей техногенной цивилизации и экономических культуры и этики;
- управление и постоянный контроль социальными, экономическими и экологическими процессами на селе, мониторинг сельских территорий.

Таким образом, агропромышленная политика государства по обеспечению выхода АПК из структурного кризиса должна придерживаться синергетического подхода, рассматриваю-

щего сельские поселения как самоусложняющиеся структуры, обладающими свойствами неравномерного формирования и развития.

2. О механизме реализации агропромышленной политики.

В теории наблюдаются различные подходы и характеристики содержания механизма реализации политики и программ устойчивого развития. Так, З.А. Шарафугдинова и М.Н. Исянбаев предлагают рассматривать механизм устойчивого развития агропродовольственного сектора экономики как способ повышения эффективности и конкурентоспособности функционирования аграрного сектора экономики, улучшения качества жизни населения, который должен включать в себя три взаимосвязанных блока:

- экономические механизмы обеспечения устойчивости;
- механизмы обеспечения социальной стабильности (сохранение трудовых ресурсов, усиление мотивации персонала к высокопроизводительному труду, повышения квалификации работников, социальная защищенность различных категорий граждан, государственная поддержка производителей продукции и др.);
- механизмы обеспечения экологической безопасности (законодательное принуждение к созданию и освоению экологически чистых производств, внедрению ресурсосберегающих технологий, использованию энергоэффективного оборудования. Принятие на региональном уровне стандартов, отражающих оптимальные параметры техногенной нагрузки на окружающую среду и др.) [2, с. 119-121].

Рассматривая актуальные проблемы реализации государственной политики регионального развития России, доктор экономических наук Г.В. Двас справедливо считает, что для гармонизации цели социально-экономического развития регионов необходимо использовать методологию «теории мотивации личности» с применением методов социолого-статистических исследований. При этом автор полагает, что вопросам гармонизации целей управления социально-экономического развития регионов различного таксономического уровня должна принадлежать главенствующая роль. Г.В. Двас предлагает собственное видение методологии организации процесса государственного стратегического планирования в России и её регионах, в основу которой положена необходимость соответствия доминантных потребности региона доминантным потребностям большей части его населения, что позволяет гармонизировать цели и механизмы развития региона с целями и механизмами развития большинства домохозяйств [3, с. 454-467].

Интересное определение содержания понятия «гармонизация» даёт доктор экономических наук Н.В. Бекетов применительно к «пространственному развитию» (Spatial development), ключевой смысл которого заключается в обозначении комплекса мер по гармонизации на территории разнонаправленных процессов и оптимизации происходящих изменений [4, с. 997].

Известно, что концепция гармоничного менеджмента использует принцип упорядоченности и согласованности всех элементов и подсистем комплексных систем управления. Только за счёт гармоничности (пропорциональности, ликвидации диспропорции в объекте управления) возникает эффект возникновения нового свойства □ синергетического эффекта □ конкурентного преимущества, резко возрастает «иммунитет» СПЭП АПК и СТ к воздействию внешних и внутренних разрушительных факторов.

Технологию гармоничного управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ целесообразно применять для предотвращения кризисных явлений за счёт отбора гармоничной стратегии развития и восстановления [5; 6, с. 46-50].

В этой связи, по нашему мнению, заслуживает внимания концепция гармоничности, основанная на сравнительном анализе двух широких классов объектов:

- физические системы (имеющие природное происхождение) и технические системы (созданные человеком);
- социально-экономические и организационные системы. [7, с. 395-396]

Следует согласиться с авторами, обосновавшими важный основополагающий принцип гармоничного управления, заключающийся в том, что «...чем больше количество пропорций золотого сечения в системе □ тем выше её уровень развития и выше её возможности экспан-

сии, а рост энтропии отражает этот процесс в качестве количественной меры». В этой связи важное значение приобретает проблема развития системы агрогородков и родовых поместий как национальной идеи возрождения сельских территорий [8, с. 386-393].

В решении проблем формирования механизма управления развитием СПЭП АПК и СТ, по нашему мнению, значительный научно-практический интерес представляют выводы чл.-корр. Г.Б. Клейнера, считающего, что эффективно организованная экономика может опираться на один из трёх видов отношений между субъектами экономики: конкуренцию (соперничество), кооперацию (сотрудничество), коэволюцию (совместное развитие, поддерживаемое на уровне генетических механизмов). При этом Г.Б. Клейнер рассматривает цель коэволюции как реализацию процесса гармонизации развития экономики при переходе к следующим поколениям в популяции агентов, закреплении его «в генетических механизмах, рутинах». Автор также справедливо полагает, что «...микроэкономическая политика государства должна строиться на принципах сбалансированного развития конкуренции и кооперации, поддерживаемого механизмами коэволюции». [9, с. 146-153]

В успешном решении проблем устойчивого и конкурентоспособного развития АПК и сельских территорий важное значение приобретает проблема региональной интеграции и развития, разумная торговая политика. «Разумная торговая политика» в сфере АПК рассматривается как сохранение открытых границ для торговли агропромышленной продукцией и услугами и для прямых инвестиций в замещение импорта внутренним производством на региональном уровне.

В современных условиях разумная торговая политика (РТП) способствует не только притоку инвестиций, но и росту экономики и развитию производства. При этом выделяются два типа экономики: экономика эндогенного (внутреннего) роста и агломерационная (кластерная) экономика, а РТП рассматривается как стимулирующий фактор развития агломерации производства, создания кластеров. Заслуживает внимания и предложенная авторами категория «политической интеграции» □ межправительственное сотрудничество в разработке и реализации внутренней экономической политики в области налогообложения, стандартизации и нормализации безопасности и гигиены труда, охраны окружающей среды и т.д., что позволит усилить конкуренцию на внутренних рынках путем сокращения транзакционных издержек и доступа на рынок новых поставщиков.

В этой связи особое значение приобретает проблема создания и развития гармоничного, структурно-сбалансированного, конкурентоспособного агропромышленного производства, инновационным ядром которого должен стать новый технологический уклад.

К сожалению, долгое время развитие села, сельских территорий осуществлялось в соответствии с концептуальной стратегией «преодоления (стирания) социально-экономических различий между городом и селом». В этой связи следует согласиться с Л.Никифоровым [10, с. 47-57], утверждающим что «не оправдывало себя попытка преодоления социально-экономических различий между городом и селом путем перенесения городских условий и формы жизни, ликвидации малых деревень, переустройства села по городским стандартам, превращения его в разновидность города».

Мы полагаем, что «ликвидация», «стирание», «преодоление различий между городом и селом» □ нереальная цель управления территориальным развитием.

3. Стабилизация как этап устойчивого развития.

Одной из тенденций развития СПЭП АПК и СТ в обществе является усиление его стабилизации, предполагающего отказ от бесконфликтной модели обеспечения неизменно постоянного состояния и переход к качественно новой модели управления устойчивым развитием жизненно важными ресурсами (природными, человеческими, социально-экономическими, интеллектуальными, информационными, социо-культурными). Термин «стабилизация» (от лат. *stabilis*) □ устойчивый, упроченный, приведённые в постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния, а также само состояние устойчивости, постоянство. [11, с. 1258; 12, с. 266]

Если «стабилизация» предполагает длительное сохранение, поддержание устойчивости объекта управления в неизменном состоянии, то «устойчивое развитие», согласно разработке

Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН рассматривается «глобальной программой изменений», обозначенный термином «sustainable development» □ поддерживающий развитие (устойчивое развитие), означающее переход цивилизации к состоянию глобального динамического равновесия.

Устойчивое развитие □ это развитие, при котором удовлетворяются потребности настоящего времени, но не ставится под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности.

В 1995 году по заданию ОЭ РАН, в рамках Научного совета по аграрной реформе Институтом под руководством член-корр. РАН А.А. Анфиногентовой был подготовлен и одобрен доклад «О продовольственной безопасности России». Это был первый в истории аграрной экономики теоретико-методологический документ, получивший одобрение руководства РАН. Особенностью доклада был принципиально новый подход к постановке проблемы, заключающийся в трактовке понятия «безопасность», как «состоянии объекта управления в системе его связей с точки зрения способности к самовывживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз, а также действия непредсказуемых и труднопрогнозируемых факторов». Были выдвинуты три важнейшие составляющие понятия безопасности: независимость, стабильность и устойчивость, способность к саморазвитию и прогрессу.

В докладе были определены важнейшие аспекты продовольственной безопасности:

□ достижение продовольственной самообеспеченности как условия стабильности обеспечения базовым продуктом питания независимо от колебаний мировой конъюнктуры и изменения внешней политической ситуации (внешнеэкономический аспект);

□ достаточность денежных доходов всех слоев населения для приобретения нормального набора продуктов питания (аспект платежеспособного спроса);

□ необходимый уровень качества и экологической чистоты потребляемого как импортного, так и отечественного продовольствия (квали-экологический аспект);

□ снижение продовольственной уязвимости отдельных регионов России как со стороны ресурсов, так со стороны платежеспособного спроса на продовольствие (специфический российский аспект региональной дифференциации).

Однако аспект развития СПЭП АПК и СТ среди важнейших аспектов обеспечения продовольственной безопасности в докладе не получил отражения [13, с. 4-5].

Стратегия устойчивого развития направлена на достижение гармонии между людьми и между обществом и природой. Переход к устойчивому развитию требует кардинальных преобразований, в центре которых □ экологизация всех основных видов деятельности человечества, самого человека, изменение его сознания и создание нового устойчивого общества как сфера разума, нравственного, гуманного разума, объединенного человечества, использующего все возможные социально-экономические, политические и технические средства. [14, с. 16-18]

Важное значение в системе управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ приобретает комплексное системное решение проблемы обеспечения расширенного воспроизводства его ресурсного потенциала. Приоритетным при этом являются вопросы воспроизводства человеческого капитала в агропромышленной сфере. В этой связи, представляют научно-практический интерес выводы Тихонова Е.И., Колова К.Н., Реймера В.В., утверждающих, что «Нарушение воспроизводственного процесса требует разработки комплекса мер на всех уровнях организации воспроизводства человеческого капитала. Осознав проблему необходимости социального контроля за сельскими территориями, обостряющуюся по мере депопуляции сельского населения и роста численности обезлюдивших населенных пунктов, государство должно разработать стратегию обеспечения занятости и самозанятости сельского населения или принять программу переселения его части» [15, с. 9].

Важнейшим фактором обеспечения устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ является стабилизация сельских трудовых коллективов. Проблема стабилизации сельских трудовых коллективов по-прежнему входят в число ведущих теоретических экономических и агросоциальных проблем. При этом методологические и теоретические вопросы управления стабилизацией производственных коллективов АПК в рамках

СПЭП АПК и СТ разработаны в наименьшей степени. Наблюдаются и разные подходы к формулировке самого термина «стабильность» и соответственно понятие «стабилизации трудовых коллективов».

Например, Т.В. Блинова и В.В. Новоженев считают, что «стабильность производственного коллектива в широком смысле есть категория, характеризующая воспроизводственный процесс первичного звена агропромышленного комплекса. Её качественная определенность, содержание обусловлены уровнем развития производительных сил трудового коллектива, зрелостью форм присущих ему производственных отношений, социальными качествами работников». [16, с. 49]

Авторы сделали вывод, что разработка отдельных мер по стабилизации, направленные преимущественно на сглаживание или компенсацию дестабилизирующих процессов, уже не могут кардинально решить проблему. Необходим комплексный межотраслевой, междисциплинарный и системный подход к проблеме на более высоком научно-техническом уровне. В этой связи заслуживает внимания опыт разработки комплексной целевой программы «Стабилизация сельских трудовых коллективов и закрепления кадров на селе», одобренной на бюро Отделения экономики АН СССР и внедренной в Саратовской области в 1984 году. Система была разработана коллективом ученых ИСЭП АПК АН СССР под руководством директора Института, профессора В.Б. Островского.

В рассматриваемую систему были включены следующие механизмы подсистем: управление развитием совокупной способности к труду, совершенствования многосторонности работников, управление перемещением работников АПК, углубление агропромышленной интеграции с целью увеличения потребности села в квалифицированных кадрах, механизм социальной защиты высвобождаемых работников, расширение гибких форм занятости, механизм перестройки системы сельского профессионально-технического образования на профессиональной основе, управление процессом высвобождения работников, ориентированного на основные демографические социально-профессиональные группы на мезо-, макро- и микроуровнях, механизм воспроизводства трудовых коллективов на принципах саморегуляции. Представляется, что указанные механизмы и подсистемы управления стабилизацией актуальны и в настоящее время как важнейшее условие перехода от «стабилизации» к устойчивому развитию СПЭП АПК и СТ в рамках формируемых интегративных систем «город □ село». Целевая программа «Стабилизация сельских трудовых коллективов и закрепления кадров на селе» была разработана в разрезе всех сельских регионов в Саратовской области и содержала конкретные меры по улучшению организации условий труда, ликвидации диспропорций в структуре рабочих мест, принципы размещения и приоритетные направления профессиональной ориентации молодежи, меры по осуществлению демографической политики, формированию здорового морально политического климата в производственных коллективах. Важным разделом программы являлось обоснование предложений по формированию системы ступенчатого размещения объектов социальной инфраструктуры во всех населенных пунктах сельской территории области на основе выделенных приоритетов [17-19].

Список литературы:

1. Новичков В.И., Калашников И.Б., Новичкова В.И. Аграрная политика // ИКЦ «Маркетинг», Москва. □ 2001. □ с. 10.
2. Шарафутдинова З.А., Исянбаев М.Н. Механизмы развития аграрного сектора экономики, способствующие устойчивому развитию региона // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем. □ ИСЭИ УНЦ РАН, Уфа. □ 2014. □ с. 119-121.
3. Двас Г.В. Гармонизация стратегических целей развития регионов как основная проблема государственной и региональной политики // Проблемы государственной политики регионального развития. □ М.: Научный Эксперт. □ 2008. □ с. 454-467.
4. Бекетов Н.В. Государственное управление пространственным развитием // Проблемы государственной политики регионального развития России. □ М.: Научный Эксперт. □ с. 997.

5. Семёнов С.Н., Алиева Д.М. Основные направления совершенствования механизма управления устойчивым развитием и конкурентоспособностью потенциала социального пространства АПК и сельских территорий // Региональные агросистемы: экономика и социология.- Саратов: ИАГП РАН.- 2019.-№ 1.
6. Семёнов С.Н., Алиева Д.М. Проблемы развития социо-природно-экономического пространства АПК и сельских территорий на основе органического сельского хозяйства // Перспективы развития органического сельского хозяйства в Поволжье: материалы международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Поволжский научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса. – Саратов, 4-5 июня 2019 г. – с. 46-50
7. Кахно П.А., Костин А.Д. Союзное государство. Интеграция по золотому сечению. □ кн. 7, □ М.: 2006. □ с. 395-396.
8. Семёнов С.Н., Алиева Д.М. Социо-природно-ресурсосберегающая стратегия как элемент механизма управления развитием социального пространства АПК и сельских территорий // Актуальные вопросы экономики и бизнеса: материалы X Международной научно-практической конференции, 4-5 апреля 2019 г. В 4 ч. Ч.1. — Брянск: Изд-во Брянский ГАУ, 2019. – с. 286-293/
9. Клейнер Г.Б. Ориентиры микроэкономической политике государства: конкуренция, кооперация, коэволюция // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации. □ М.: Научный Эксперт. □ 2008, □ с. 146-153.
10. Никифоров Л. Преодоление социально-экономических различие между городом и селом // Вопросы экономики. □ 1985. - № 12. □ с. 47-57.
11. Советский энциклопедический словарь // М.: Советская энциклопедия, 1983 г. □ с. 1258.
12. Краткий словарь иностранных слов. М.: русский язык, 1979. □ с. 266.
13. О продовольственной безопасности России. ИСЭП АПК, Саратов, 1995.
14. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. Под общей ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова , А.М. Шелехова. □М.: издательство Госдумы, 2002. □ с. 16-18.
15. Тихонов Е.И., Колов К.Н., Реймер В.В Развитие сельских территорий в системе воспроизводства человеческого капитала аграрного сектора экономики // Международный сельскохозяйственный журнал. □ № 3 (363), 2018. □ с. 9.
16. Блинова Т.В., Новоженев В.В. Теоретические вопросы стабилизации трудовых коллективов // Агропромышленная интеграция: опыт и проблемы. - Саратов, 1988. □ с. 49.
17. Социально-экономические закономерности формирования и развития регионального агропромышленного комплекса (на примере Поволжья). ИСЭП АПК АН СССР, 1983.
18. Островский В.Б. Программа «Стабилизация» // Коммунист. □ Саратов, 21.01.1984.
19. Островский В.Б. Программа «Наука □ агропрому» // Коммунист. □ Саратов, 18.02.1986.

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО УКЛАДА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

Великий П.П., д.филол.н., Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАГП РАН

В работе представлен анализ социально-экономических особенностей сложившегося в Белгородской области аграрного уклада, основу которого составляет крупное вертикально-интегрированное сельскохозяйственное производство. На основе данных сельскохозяйственной переписи 2016 г. отмечена сверхвысокая концентрация сельхозпроизводства и заниженная по сравнению с другими регионами России роль малых форм хозяйствования. Показано, что усиливающаяся тенденция к монополизации сельскохозяйственного производства оказывает негативное влияние на воспроизводство сельского жизненного пространства во всей полноте сочетающих его элементов.

С использованием материалов экспертных интервью выделены проблемы в развитии малого предпринимательства в сельской местности Белгородской области, которые ставят под сомнение сохранение эффективности системы агрохолдингов в условиях перехода к новому аграрному технологическому укладу.

Ключевые слова: белгородская модернизация, агрохолдинги, малое сельскохозяйственное производство, малое предпринимательство, социальность.

FEATURES OF AGRICULTURE IN THE BELGOROD REGION: ECONOMIC AND SOCIAL RESULTS

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences,
Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAGP RAS

The article presents an analysis of the socio-economic characteristics of the existing agrarian structure in the Belgorod Region, the basis of which is large vertically integrated agricultural production. Based on the 2016 agricultural census, an ultrahigh concentration of agricultural production and the role of small forms of farming underestimated in comparison with other regions of Russia are noted. It is shown that the growing tendency to monopolize agricultural production has a negative impact on the reproduction of rural living space in the entirety of its elements.

Using materials from expert interviews, problems in the development of small entrepreneurship in rural areas of the Belgorod Region are identified. They cast doubt on the preservation of the effectiveness of the system of agricultural holdings in the context of the transition to a new agricultural technological structure.

Key words: Belgorod modernization, agricultural holdings, small agricultural production, small business, sociality.

Введение.

Белгородская область выделяется из остальных регионов России рядом экономических параметров, прежде всего тех, которые связаны с сельским хозяйством. Особенности организации отрасли и хозяйственного уклада, доминирующего в белгородской деревне, вызывают интерес исследователей. В частности, исследователями отмечается поступательный ускоренный рост производства сельскохозяйственной продукции, позволивший Белгородской области войти в четверку российских аграрных лидеров, несмотря на свои небольшие размеры. Особенно значительные успехи, определившие рост аграрной экономики в целом, были достигнуты в сфере животноводства – в производстве свинины и мяса птицы [1]. Важно, что в основу белгородской модернизации было положено производство вторичной продукции – развитие переработки. Сделав акцент на промышленном производстве свинины и мяса птицы, область заняла ведущие позиции в России по данным направлениям и осуществила эко-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00206.

номический рывок. Несколько крупнейших белгородских производителей контролируют более четверти российского рынка свинины и более 17% – рынка мяса птицы [2].

Цель исследования – анализ социально-экономических особенностей сложившегося в Белгородской области аграрного уклада, основой которого является крупное вертикально-интегрированное сельскохозяйственное производство.

Методы исследований – экспертное интервью и статистический анализ.

Результаты исследований.

Масштабное промышленное производство продукции животноводства обеспечивается крупными вертикально организованными структурами – агрохолдингами, осуществившими «консервативную модернизацию», под которой понимается «стремление к глобальному прогрессу через сохранение и развитие традиционных и локальных культурных ценностей» [3].

Успешное развитие АПК позволило осуществить в Белгородской области крупные вложения в социальную сферу села. Нельзя не отметить многие внешние атрибуты повысившегося качества жизни – отличные дороги, подстриженные газоны, современный ледовый дворец в райцентре Ракинское с населением 12 тыс. чел., вокруг которого высажен парк, спроектированный белгородскими ландшафтными дизайнерами, отреставрированная усадьба князей Юсуповых, в которой открыт краеведческий музей, добротные сельские дома и др. – характеризуют «социальную отдачу» модернизации по-белгородски. Достаток создает у людей стремление не только увеличить личное потребление, но и облагородить среду обитания.

Бросается в глаза малое количество скота в личных подворьях. Основных объяснений несколько: запреты, связанные с необходимостью соблюдения санитарных норм (на уровне агрохолдингов по отношению к своим работникам и на уровне государства по отношению ко всему населению), и занятость на работе.

Интервью с экспертами, наиболее компетентными в своих сферах деятельности информантами – заместителем главы районной администрации и предпринимателем, – позволили получить общие представления о социально-экономическом укладе жизни в белгородском селе.

Зам. главы администрации привел некоторые данные по экономике и по занятости населения Ракитянского района. Численность населения района – 35 тыс. чел., в том числе 18 тыс. в трудоспособном возрасте. Из них 4,8 тыс. заняты в сельском хозяйстве, в том числе 3,8 тыс. – в переработке. Подавляющая часть населения занята в структурных подразделениях агрохолдингов, кроме которых в АПК района входит один крупхоз и несколько небольших (300-400 га) фермерских хозяйств.

Борисовская зерновая компания (БЗК) – одна из крупнейших в районе (48 тыс. га), которая занимается выращиванием зерновых и полевых культур «с целью производства комбикормов для свиноводческих комплексов “ГК Агро-Белогорье”». БЗК является составной частью агрохолдинга – приобретателя его продукции. В составе агрохолдинга – 3 зерновые компании (в том числе БЗК), сбыт которых ориентирован на 20 свиноводческих комплексов, расположенных в нескольких районах области, комплекс по производству молока и мяса КРС, два комбикормовых завода, хлебоприемное предприятие, два завода по выпуску изделий из свинины, предприятия по переработке биологических отходов животного происхождения и по производству жидких органических удобрений, транспортное предприятие, яблоневый сад, предприятие по установке альтернативных источников энергии, предприятие по контролю [4].

Еще один агрохолдинг, действующий в районе – Белгородский экспериментальный завод рыбных комбикормов – Белгранкорм (БЭЗРК-Белгранкорм). Его деятельность связана с производством мяса птицы (5,4% общероссийского производства), свинины (1,9%), молока, комбикормов и др. Кроме того, в составе холдинга имеется и производство продукции растениеводства: холдинг контролирует более 70 тыс. га на территории Белгородской и Новгородской областей. Холдинг владеет также и фирменными магазинами. Всего в структуре холдинга – более 40 структурных подразделений, расположенных в 5-ти районах Белгородской области и 3-х районах Новгородской области [5].

На средства холдинга была облагорожена территория на живописном берегу реки и образован парк в Ракитянском районе. Вход для работников бесплатный, для остальных - за умеренную плату. Работникам, нуждающимся в жилье, холдинг предоставляет служебное – для этих целей был построен коттеджный поселок – с правом выкупа, условия которого становятся тем проще, чем дольше сотрудник работает в холдинге.

БЭЗРК - Белгранкорм является одним из холдингов, практикующих запрет работникам на содержание птицы в личных хозяйствах, объясняемый санитарными требованиями. По причине неблагоприятной эпидемиологической обстановки в последние годы действует официальный централизованный запрет на содержание свиней.

Ускоренное развитие сверхкрупного сельскохозяйственного производства в форме агрохолдингов поставило вопрос о необходимости поддержки малых форм хозяйствования, семейных ферм, малого предпринимательства. В области были приняты программы поддержки семейного бизнеса, действует система грантов для сельских предпринимателей. Крупный бизнес патронирует развитие альтернативных секторов аграрной отрасли (например, пчеловодства) [6]. Однако доминирование крупных структур остается: в системе, построенной на крупном производстве, усиливается тенденция монополизации. В результате сфера частной экономической инициативы не может не быть зауженной. По информации заместителя главы районной администрации, «в рамках малых форм хозяйствования производится чуть более 5% продукции в районе». По словам другого информанта – сельского предпринимателя – «небольшие частные магазины неконкурентноспособны перед сетевыми магазинами, они выдавливают малый бизнес». Выход оба информанта видят не только в поддержке государства, но и в «активной кооперации предпринимателей».

По словам сельского предпринимателя, пока сохранялся колхоз, все в деревне имели работу. Потом, в середине 1990-х, когда он распался, «все выживали, как умели». Из рассказа информанта можно сделать вывод о том, что способы выживания в начале аграрной реформы были однотипными независимо от региона – приусадебное производство, малое предпринимательство (скупка сельхозпродукции, торговля, работа в несельскохозяйственных секторах, прежде всего в строительстве, работа вахтовым методом в городах и др.). Дальше, во второй половине 1990-х гг., по мере усиления агрохолдингов в экономическом пространстве Белгородской области, многие жители села уехали в Ростовскую область, где было больше возможностей арендовать землю и заняться сельхозпроизводством. С течением времени некоторые выросли в крупных фермеров. Остальные, как и раньше, образуют бригады, арендуют землю и выращивают сельхозпродукцию, реализация которой приносит хороший доход. На вопрос «почему вы не арендуете землю здесь?» предприниматель ответил, что «здесь нет сбыта». По-видимому, можно говорить о специализации регионов: за овощами предприниматели едут в Краснодарский край, Ростовскую область, а не в Белгородскую область. Однако местные предприниматели также не проявляют активности в закупках сельхозпродукции местных производителей с целью их продажи в крупных городах. Сложившаяся система хозяйствования, в которой доминируют сверхкрупные структуры, существенно уменьшает шансы малого сельскохозяйственного предпринимательства.

Так, по данным сельскохозяйственной переписи 2016 г., в Белгородской области гораздо слабее, чем по России в целом, представлено малое сельхозпроизводство: если по предприятиям, не относящимся к малым, доля Белгородской области составляла 1,62% (по количеству) и 5,41% (по численности занятых), то по малым предприятиям – только 0,5% и 0,74%, по крестьянско-фермерским хозяйствам (КФХ) – 0,65% и 1%.

Статистические данные по количеству сельскохозяйственных предприятий и численности занятых в них, сгруппированные по показателю числа работников, свидетельствует о доминировании в аграрной сфере Белгородской области сверхкрупных структур (с числом работников свыше 1200 чел.). Их доля в общем количестве сельхозпредприятий составляла 3,5%, а в структуре занятости – 48,8% против 0,3% и 10,9% по РФ в целом (рис. 1) [7, Кн.2, с.194-206]. Концентрация работников в сверхкрупных сельхозпредприятиях в Белгородской области – самая высокая в России.

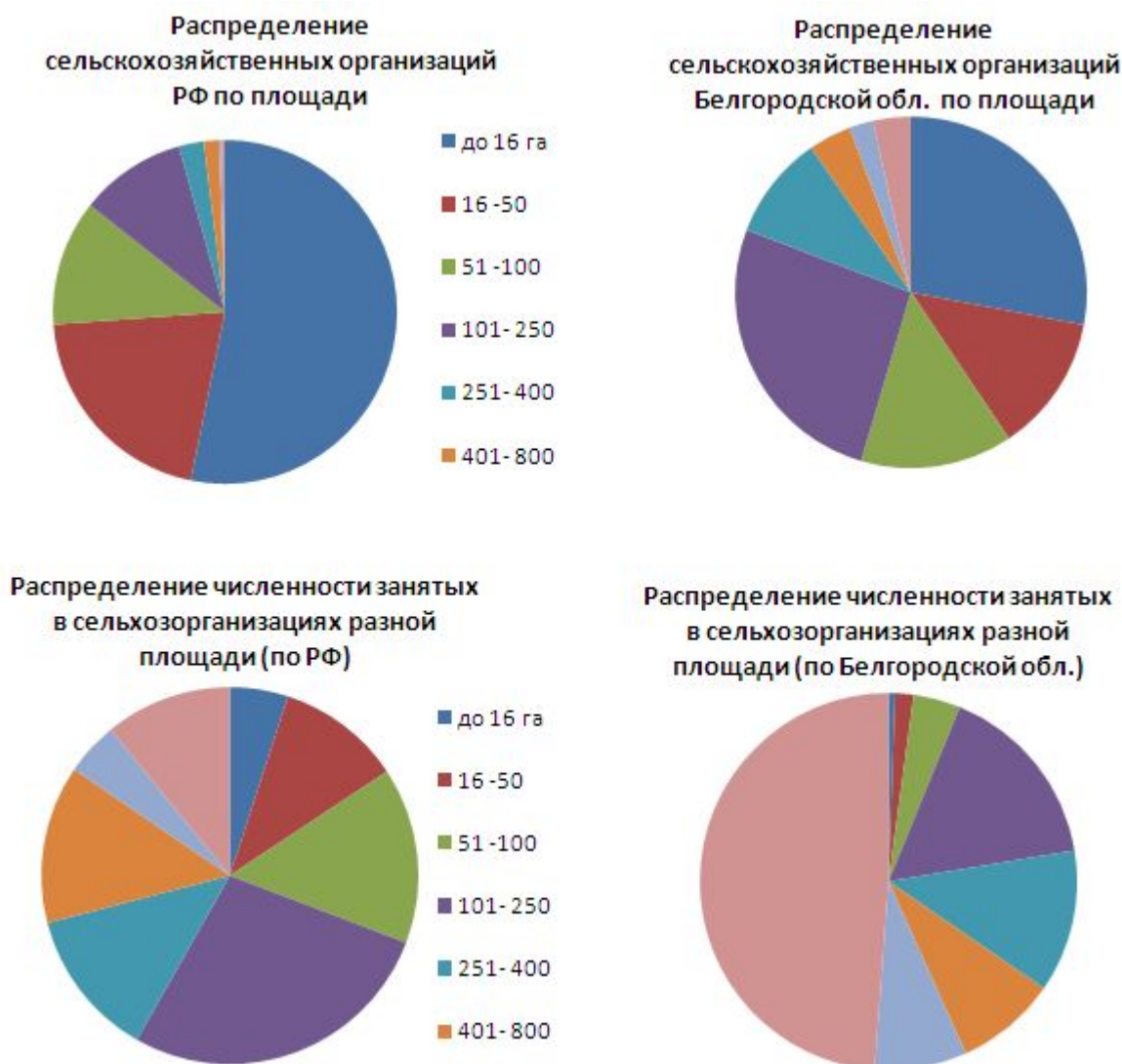

Рисунок 1 – Распределение количества сельскохозяйственных организаций и численности работников в них в зависимости от их размера

Что касается структуры сельхозпроизводства по категориям хозяйств, то в Белгородской области, как и в большинстве других регионов России, четко прослеживается разделение между крупным сектором, представленным сельхозорганизациями и КФХ, специализирующимся на зерновых, технических, кормовых культурах и животноводстве, и сектором ЛПХ, специализирующимся на картофеле, овощах, фруктах и др. огородных культурах [8]. Важное отличие состоит в заниженной роли ЛПХ в производстве животноводческой продукции [7, Т.1, Кн.1, с. 276-314; 7, Т.1, Кн.2, с. 16-23].

Такой поход к ЛПХ, как к чисто хозяйственной структуре, не учитывающий его социальной значимости, ведет к появлению ряда проблем, таких как: неоправданно ускоренный отход сельского населения от сельскохозяйственной деятельности, способствующий росту депривации. Снижение масштабов приусадебного хозяйствования в Белгородской области – результат не столько объективного процесса, идущего в России сравнительно медленно, сколько результат давления обстоятельств, которые не всегда учитываются в региональной аграрной политике.

Ускоренное развитие АПК Белгородской области, повлекшее за собой также и развитие других отраслей и социальной сферы, можно объяснить, прежде всего, ставкой на переработку сельхозпродукции, на производство мясопродуктов и на успешное «завоевание» соответствующих секторов рынка. Насколько система агрохолдингов способствовала экономическому рывку? Если сравнивать с развитыми странами, то в основе их сельского хозяйства

продолжает оставаться фермер со своей семьей – несмотря на масштабные инвестиции в крупное производство. Это касается не только растениеводства (например, в США в 2011 г. семейные фермы производили 87% растениеводческой продукции), но и животноводства. «Одни выращивают корма, другие – скот, и все они связаны в единый механизм контрактными отношениями с крупными агрокорпорациями, координирующими эту деятельность» [9]. В наших условиях место непосредственных производителей-фермеров занимают подразделения агрохолдинга, связанные с ним не контрактными отношениями, а являющиеся его составной частью. Формирование подобных структур приводит к созданию гигантских бизнес-империй с разветвленной корпоративной бюрократией и индустриальной дисциплиной [9]. Агрохолдинги неоднозначно вписываются в местную социальную среду: довольно часто они нанимают работников не из местных, а привозят из других сел и даже из городов. После окончания рабочей смены автобусы агрохолдинга развозят нанятых иногородних специалистов по домам. Агрохолдинги действуют не как местные акторы, а как надтерриториальные структуры.

В этой связи организация и структура агрохолдингов вызывают вопросы. Насколько эффективно объединять в рамках одной компании все звенья «от поля до прилавка»? Нужно ли вводить в состав холдингов сельскохозяйственные организации, производящие зерновые и кормовые культуры? Должны ли сельскохозяйственные организации контролировать такое большое количество земли, расположенной в разных регионах?

Заключение.

Возможность контроля над крупными производителями (очевидно, легче иметь дело с несколькими крупными централизованными структурами, чем со множеством горизонтально организованных мелких) создает иллюзию более высокой эффективности и управляемости такой системы. Действительно, созданная в Белгородчине система АПК остается эффективной уже два десятилетия. Однако вызывает сомнение, что система агрохолдингов сохранит свою эффективность в будущем, когда нынешние тренды на сверхцентрализацию в экономике и политике изменятся.

Но особое беспокойство вызывает проблема воспроизводства сельского жизненного пространства во всей полноте сочетающих его элементов. У поселения есть перспектива сохранения на многие годы, если в нем имеется надлежащая инфраструктура – производственная и социальная – доступны блага и ценности, распространенные в обществе. Пока все эти составляющие жизненного пространства села находятся в ситуации разрыва, а не органической совместности, которую государство пытается преодолеть, к сожалению, без ощутимых благоприятных перемен. Именно отсутствие совместности, то есть позитивного влияния одних ресурсов на другие, является ведущим качеством сельской реальности. Зачастую наблюдается такая картина: есть учреждение культуры, но в нем нет так называемых формирований, кружков; есть школьные здания, но детей приходится возить в другое село; есть фермеры, но на работу к ним невозможно устроиться, так как рабочие места ограничены. Все эти разрывы жизненного пространства ведомства, ответственные за село, пытаются решать своими методами, как правило, не учитывая действия друг друга.

Агрохолдинги также не озабочены комплексным подходом к селу, и пример Белгородской области в части некоторых позитивных мер по обустройству сел является скорее исключением из правила, суть которого – привлекать относительно молодые и здоровые кадры себе на работу и негативно относиться к самостоятельной хозяйственной деятельности остальной, подавляющей части сельских сообществ.

Образ будущего из развития данной ситуации уже сегодня имеет зримые черты. Если в настоящее время фирмы агрохолдинга завозят работников из других регионов, то в перспективе не исключено привлечение их из стран, откуда ныне поступают в Россию «John Deere», «CNH», «Claas». Другими словами, преодоление разрывов в состоянии жизненного пространства села предполагает необходимость подходов, более основательных, чем применяются ныне, начиная с концептуального обоснования смыслов аграрной политики. Главным в ней, стержнем объединения всех элементов сельской реальности, должна стать философия

сбережения человеческих резервов (неуклонно уменьшающихся) и рост качества кадров аграриев, которым предстоит осваивать сельскохозяйственное производство, входящее в новый технологический уклад.

Список литературы:

1. Фадеева О.П. Социально-экономический потенциал сельской многоукладности // Регион: экономика и социология. - 2012. - №4. – С.139-160.
2. Губернатор и Правительство Белгородской области. Официальный сайт. – URL: <http://www.belregion.ru/region/economy> (дата обращения 15.09.2019).
3. Никулин А.М. Консервативная модернизация по-белгородски. - URL: <http://polit.ru/article/2011/03/05/belgorod>
4. Группа компаний Агро-Белогорье. Официальный сайт. – URL: <http://www.agrobel.ru> (дата обращения 15.09.2019).
5. Агропромышленный холдинг «БЭЗРК-Белгранкорм». Официальный сайт. – URL: <http://jasnzori.ru> (дата обращения 15.09.2019).
6. Чефонова Е.А., Волкова О.А., Мозговая Е. И. Региональная специфика социализации населения в Ракитянском районе Белгородской области // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2015. - №3 (63). - Т. 3. – С. 54-58.
7. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.
8. Казакова Н.А., Наседкина Т.И. Анализ формирования конкурентного рынка сельскохозяйственной продукции Белгородской области // Региональная экономика: теория и практика. - 2010. - №23 (158). – С. 45-51.
9. Барсукова С.Ю. Дилемма: «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. - 2016. - №5. – С. 63-74.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАГП РАН

Основной целью исследования является разработка организационно-экономических инструментов, обеспечивающих снижение показателей социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ. Проведено научное обоснование необходимости реализации в государственной региональной здравоохранительной политике интегрального направления, связанного с минимизацией угроз здоровью населения сельских территорий и повышением эффективности сельского здравоохранения. Выявлены сельские территории федеральных округов РФ с максимальными показателями распространенности социально-значимых заболеваний. Разработаны организационно-экономические инструменты, применение которых позволит снизить распространенность социально-значимых заболеваний.

Ключевые слова: социально-значимые заболевания, сельские территории, федеральные округа РФ, здравоохранительная политика, организационно-экономические инструменты.

**ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC TOOLS,
ENSURING A REDUCTION IN SOCIALLY SIGNIFICANT
DISEASES IN RURAL TERRITORIES**

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The main purpose of the study is the development of organizational and economic tools that ensure a decrease in indicators of socially significant diseases in the rural territories of the federal districts of the Russian Federation. The scientific substantiation of the need for the implementation in the state regional health policy of an integrated direction related to minimizing threats to the health of the population of rural areas and improving the efficiency of rural health care has been carried out. The rural territories of the federal districts of the Russian Federation with the highest rates of prevalence of socially significant diseases have been identified. They have been developed organizational and economic tools, the use of which will reduce the prevalence of socially significant diseases.

Key words: socially significant diseases, rural territories, federal districts of the Russian Federation, health policy, organizational and economic instruments.

Введение.

Ориентация государственной экономической политики на крупные хозяйственные формы актуализирует проблему сохранения и восстановления здоровья населения сельских территорий, занятого в агропродовольственном комплексе РФ. По сравнению с мелкими хозяйственными формами высокомеханизированный холдинг или другая крупная хозяйственная форма несет более существенные экономические потери, связанные с временным выбыванием работников высокой профессиональной квалификации из процессов сельскохозяйственного производства. Отсутствие условий для сохранения и восстановления здоровья в сельских территориях РФ являются одним из основных факторов демографических потерь населения сельских территорий РФ.

Реализация национальных проектов поддержки системы здравоохранения, разработанных и проведенных в ведомственных рамках, не учитывающая влияние рисков для здоровья, содержащихся в трудовой, бытовой, природной сфере сельских территорий, существенно не повлияла на ситуацию в сельских территориях РФ, о чем свидетельствуют низкие, по сравнению с населением городской местности, показатели здоровья сельского населения. Показатели ресурсной обеспеченности территориальных систем сельского здравоохранения значительно ниже, чем в городах [1].

В рамках исследования выявлены существенные различия интегрального показателя доступности и качества медицинских услуг на уровне субъектов РФ [2], которые позволяют предположить, что одной из существенных причин, вызвавших подобную ситуацию, является недостаточное использование механизмов и инструментов, адаптирующих ведомственную здравоохранительную политику к реалиям неоднородных сельских территорий.

Основной целью исследования является разработка инструментов, обеспечивающих снижение показателей социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ. Основная цель включает ряд задач. К их числу относится:

- научное обоснование необходимости развития в государственной региональной здравоохранительной политике интегрального направления, связанного с выявлением и минимизацией рисков и угроз здоровью населения сельских территорий, содержащихся в подсистемах социального пространства сельских территорий РФ, в сочетании с совершенствованием системы сельского здравоохранения;

- выявление на основании теории измерений сельских территорий федеральных округов РФ с максимальными показателями классов социально-значимых заболеваний;

- разработка организационно-экономических инструментов, обеспечивающих снижение показателей социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ с максимальными показателями.

Гипотеза исследования: сложность разработки и применения организационно-экономических инструментов, обеспечивающих повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельских территорий федеральных округов РФ, обратно пропорциональна территориальному статусу поселений.

Теория и методология исследования.

Формирование научных представлений о необходимости интеграции в здравоохранительной политике деятельности по минимизации внешних факторов, негативно влияющих на состояние здоровья человека, с совершенствованием сельского здравоохранения посредством применения в здравоохранительной политике определенных организационных и экономических инструментов встречает ряд барьеров. К их числу относится распространенная в международном научном обращении и закрепленная в уставе ВОЗ структура основных факторов, влияющих на здоровье человека. В качестве приоритетных факторов указываются внутренние, а не внешние факторы. Эта структура представляется уместной для стран Западной Европы и Америки с высокими стандартами окружающей среды, но почти не применима в условиях сельских территорий РФ. Темпы развития теоретических положений о более высокой эффективности разработки и применения организационно-экономических инструментов, обеспечивающих сохранение и восстановление здоровья населения сельских территорий, замедляло реализуемое в здравоохранительной политике представление о необходимости формирования качества и доступности медицинских услуг в качестве единственного фактора, обеспечивающего высокие показатели здоровья человека. Негативно влияло на формирование научных представлений о необходимости разработки и применения организационно-экономических инструментов, способных содействовать снижению рисков и угроз в трудовом и бытовом секторе социально-экономического пространства сельских территорий РФ в сочетании с совершенствованием сельского здравоохранения, сосредоточение научных исследований на проблемах, связанных с восстановлением здоровья в рамках ведомственной системы здравоохранения. В последнее время в связи с научным осмыслением и применением стратегического подхода в здравоохранительной политике появились отдельные публикации, признающие необходимость более широкого подхода к формированию научного представления о механизмах эффективной здравоохранительной политики в сельских территориях РФ. Механизмы рассматриваются как правила, в рамках которых должны развиваться организационные и экономические отношения, связанные с сохранением и восстановлением здоровья населения неоднородных сельских территорий [3]. Влияние механизмов должно распространяться на повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства, то есть совершенствование эффективности услуг здравоохранения в сочетании с обеспечением минимизации факторов, негативно влияющих на состояние здоровья сельского насе-

ления, содержащихся в сфере труда, быта, природоохранной сферы [3]. Имеются публикации, посвященные исследованию механизмов управления агропродовольственным сектором на национальном и региональном уровне [4]. В последние годы появились научные разработки, связанные с изучением возможностей применения стратегического подхода к управлению АПК при корректировке государственной и региональной политики [5]. Характеристика низкого ресурсного обеспечения сельской системы здравоохранения по сравнению с городской системой содержится в докладе «О состоянии сельских территорий в Российской Федерации» [6].

Однако в целом проблема научной разработки и применения организационно-экономических инструментов, обеспечивающих повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства неоднородных сельских территорий РФ, почти полностью остается за рамками системных научных исследований отечественных авторов.

Методология исследования опирается на логические приемы, позволяющие установить последовательность этапов стратегического подхода в процессе разработки и реализации здравоохранительной политики в неоднородных сельских территориях федеральных округов РФ. Методологическая база позволяет научно обосновать некоторые правила, в рамках которых могут успешно осуществляться организационные и экономические отношения, обеспечивающие успешную реализацию государственной региональной здравоохранительной политики в здравоохранительном пространстве неоднородных сельских территорий федеральных округов РФ. В процессе исследования применялись статистические методы. В качестве объекта для разработки организационно-экономических инструментов, обеспечивающих повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства неоднородных сельских территорий, была выбрана группа социально-значимых заболеваний, так как именно эта группа заболеваний содержит наибольшие угрозы здоровью населения и в то же время тесно связана с социально-экономическими условиями профессиональной деятельности, быта, состоянием природной среды. Исследование проводилось на уровне сельских территорий федеральных округов РФ. Уже на этом территориальном уровне может быть выявлена неоднородность показателей классов социально-значимых заболеваний и разработаны механизмы снижения их показателей.

Результаты исследования.

В процессе разработки организационно-экономических инструментов повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства неоднородных сельских территорий РФ были использованы авторские рабочие определения организационно-экономических механизмов и инструментов, обеспечивающих повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельских территорий федеральных округов РФ. Организационно-экономическим механизмам было дано авторское определение юридически закрепленных правил, применяемых в процессе реализации организационных и экономических отношений в сфере повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства неоднородных сельских территорий [3]. По сравнению с инструментами механизмы имеют более сложную структуру, а их функцией является достижение стратегических целей, например – повышение показателей средней продолжительности жизни сельского населения, определяемой при рождении, снижение показателей заболеваемости, выравнивание ресурсной обеспеченности региональных систем сельского здравоохранения.

Инструменты менее сложно структурированы, решают частные задачи, связанные с повышением конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельских территорий и тесно связаны с практикой [3].

Согласно разработанной отечественными авторами схеме, необходимым этапом построения организационно - экономических механизмов и инструментов является определение стратегических целей и задач, решению которых призваны содействовать механизмы и инструменты. На основании теории измерений следует разработка индикаторов, позволяющих измерить остроту проблемы оценить уровень ее разрешения. Только после реализации этих процедур могут быть разработаны правила, в рамках которых разрешаются выявленные проблемы или решаются стратегические цели и задачи [4].

Установить стратегические цели и задачи, связанные с повышением конкурентоспособности здравоохранительного пространства посредством минимизации факторов, содержащих риски и угрозы повышения показателей социально-значимых заболеваний, можно с помощью изучения структуры классов социально-значимых заболеваний сельского населения федеральных округов РФ (табл.1) Из статистической информации, содержащейся в таблице, могут быть сделаны следующие выводы. Максимальные значения показателей заболеваемости туберкулезом наблюдаются в сельских территориях Уральского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов. Показатели заболеваемости туберкулезом в сельских территориях этих федеральных округов значительно превышают средний показатель по сельским территориям РФ Злокачественные новообразования (заболеваний на 100000 населения) имеют значительный разброс и более чем в 2 раза превышают средний показатель по сельским территориям РФ в сельских территориях Северо-Западного ФО, Южного, Уральского и Сибирского федерального округа. Актуальной стратегической целью все еще является снижение показателей ВИЧ-инфекции до среднего показателя по сельским территориям РФ в сельских территориях Уральского и Сибирского федеральных округов. Неблагополучными по показателям численности случаев психических расстройств на 100000 чел. являются сельские территории Северо-Западного и Сибирского федерального округа. Кроме этого, в сельских территориях Северо-Западного федерального округа показатели психозов и состояний слабоумия значительно превышают средний показатель по сельским территориям РФ. Складывается социально опасная ситуация, связанная с употреблением психоактивных веществ, алкоголя и наркотиков, в сельских территориях Уральского, Сибирского, Дальневосточного федерального округа.

Таблица 1 - Структура социально-значимых заболеваний по сельским территориям федеральных округов РФ (заболеваний на 100000чел.) [1]

Показатели социально-значимых заболеваний	РФ (село)	Федеральные округа РФ							
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Общая заболеваемость, в т.ч.:									
туберкулез	53,3	36,6	34,7	50,0	32,7	51,2	74,5	86,7	102,7
злокачественные новообразования	118,0	21,6	228,2	230,3	79,4	11,4	234,6	256,0	8,0
ВИЧ-инфекция	77,6	55,2	88,3	30,4	14,6	81,3	246,6	152,1	29,1
Психические расстройства, всего; в т.ч.	208,8	220,4	311,6	166,1	131,9	188,0	197,4	316,9	192,4
психозы и состояния слабоумия	41,3	52,0	69,7	32,8	26,3	40,7	35,2	43,9	38,6
психические расстройства непсихотического характера	132,7	142,1	203,5	103,9	80,2	116,0	124,3	209,4	117,0
Умственная отсталость, всего	34,8	26,3	38,3	29,4	25,4	31,4	37,9	63,6	36,8
Психические и поведенческие расстройства, связанные с употреблением ПАВ	133,6	128,5	151,3	79,9	78,2	158,8	188,2	167,3	194,1
Алкогольные психозы + алкоголизм	62,6	72,4	83,0	33,5	18,5	78,0	84,3	74,6	91,0
Наркомания	6,7	7,5	6,9	4,2	2,9	3,9	9,9	11,5	19,6
Употребление ПАВ с вредными последствиями алкоголя	40,4	32,5	45,2	17,4	33,0	60,9	65,4	43,6	26,5
Употребление ПАВ с вредными последствиями наркотиков	22,2	14,8	15,3	23,9	20,6	14,9	25,4	35,3	54,5
Из общего числа потребителей наркотиков употребляют наркотики инъекционным способом	3,8	4,8	5,2	3,6	2,6	3,4	4,0	4,3	2,9

Изучение структуры социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ позволяет сделать несколько выводов. Так, из произведенного анализа структуры классов социально-значимых заболеваний следует вывод о том, что наиболее опасная ситуация складывается на сельских территориях Уральского, Сибирского, Дальнево-

сточного федеральных округов. Именно в этих округах показатели социально-значимых заболеваний максимально превышают средние показатели по сельским территориям РФ и нуждаются в немедленном воздействии с целью их снижения. Краткосрочной стратегической целью повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства в этих регионах является снижение показателей классов социально-значимых заболеваний до средних показателей по сельским территориям РФ. При этом можно предположить, что факторы, приводящие население к клиническим проявлениям указанных классов заболеваний, содержат риски для здоровья населения не только в силу отсутствия высокого качества и доступности медицинских организаций, но коренятся в сферах труда, быта, социокультурных условиях, оказывающих негативное воздействие на состояние здоровья населения сельских территорий этих округов.

Сопоставление показателей социально-значимых заболеваний с показателями ресурсной обеспеченности медицинских организаций в сельских территориях федеральных округов РФ доказывает, что эти показатели не всегда коррелируют между собой. Например, в Уральском федеральном округе с максимальными показателями по туберкулезу, злокачественным новообразованиям, ВИЧ-инфицированности, алкоголизму и наркомании - показатель численности врачей на 10000 сельского населения немного ниже среднего показателя по сельской местности РФ. Количество койкомест приблизительно равно среднему показателю по сельской местности, однако, доля требующих капитального ремонта зданий, в которых расположены медицинские организации, значительно превышает средний показатель по сельской местности РФ (табл.2). Из этого следует, что приоритетным направлением здравоохранительной политики в сельской местности Уральского федерального округа должен быть ремонт зданий, в которых расположены организации, осуществляющие медицинские услуги в сельских территориях. В Сибирском федеральном округе, равном по состоянию распространенности классов социально-значимых заболеваний сельским территориям Уральского федерального округа, показатели ресурсной обеспеченности здравоохранения сельских территорий, указанные в таблице 2, немного ниже или незначительно превышают аналогичные средние показатели по сельской местности РФ. В данном случае для выявления группы причин, обеспечивающих высокие показатели распространенности социально-значимых заболеваний, нужны специальные исследования. Скорее всего - это социальные причины: отсутствие работы и связанная с ней бедность населения.

Таблица 2 - Ресурсная обеспеченность здравоохранения сельских территорий федеральных округов РФ [1]

Показатели	РФ (село)	Федеральные округа РФ							
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Доля зданий, требующих капитального ремонта (в % к численности зданий мед. организаций)	10,3	11,5	6,7	3,0	17,7	7,3	18,4	11,7	13,4
Численность врачей на 10000 сель. нас.	14,8	12,3	11,4	15,5	6,8	15,3	13,3	15,2	18,2
Численность больничных коек на 10000 сель. нас.	39,2	49,4	36,6	44,8	33,9	30,1	39,7	37,4	118,3

Выявленная структура социально-значимых классов заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ позволяет предложить некоторые организационные и экономические инструменты для разработки и эффективной реализации стратегии снижения показателей классов социально-значимых заболеваний в сельских территориях каждого из федеральных округов РФ с максимальными показателями классов социально-значимых заболеваний. Значение показателей информационной базы, приведенной в таблице 1, позволяет коли-

чественно определить стратегические цели и задачи, посредством которых эти цели могут быть реализованы, а также оценить итоги их реализации.

Первым этапом разработки правил, в рамках которых должны формироваться и реализовываться стратегии снижения показателей социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ, является закрепление в научном сообществе и органах исполнительной власти представления о существенных различиях значений показателей классов социально-значимых заболеваний по отношению к аналогичным средним показателям по сельской местности РФ. Неоднородность показателей классов социально-значимых заболеваний в сопоставлении с нормативной прослеживается уже на уровне сельских территорий федеральных округов РФ. Из этого следует, что государственная региональная здравоохранительная политика в отношении социально-значимых классов заболеваний не может быть единообразной. В каждом случае представляется необходимым определение стратегических приоритетов оказания государственной поддержки с целью снижения показателей заболеваемости по классам социально-значимых заболеваний, очередности и объемов государственной поддержки. Следующий этап алгоритма разработки инструментов эффективного решения задач, связанных со снижением показателей классов социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов, предполагает формирование государственных программ или введение отдельных блоков в действующие национальные программы здравоохранения, гарантирующие оказание приоритетной государственной поддержки в сельских территориях регионов с максимальными показателями социально-значимых заболеваний. Необходимым условием в этом случае является обеспечение баланса между принятыми государством обязательствами и материально-финансовыми ресурсами, которыми оно располагает для решения поставленных стратегических целей.

В число экономических инструментов, обеспечивающих устойчивую реализацию стратегических целей снижения показателей классов социально-значимых заболеваний необходимо включить гибкую структуру государственной и региональной доли софинансирования целевых программ, позволяющую увеличивать долю государственного финансирования проекта в случае дефицита региональных бюджетов. Инструментом, обеспечивающим устойчивое финансирование проектов, связанных с сокращением показателей классов социально-значимых заболеваний в сельских территориях федеральных округов РФ, может стать оформление заявок на участие в действующих национальных проектах, связанных с охраной здоровья от нуждающихся в поддержке медицинских организаций и введение адресной их поддержки.

Организационным инструментом, содействующим повышению эффективности реализации стратегических разработок, направленных на снижение показателей классов социально-значимых заболеваний в регионах с их максимальными показателями, может стать создание межрегиональных центров, функционирующих на договорных началах. В кадровый состав таких центров, наряду со специалистами, владеющими навыками стратегического планирования, должны быть включены представители администрации территориальных управленческих структур и ведущих сельскохозяйственных предприятий, органов здравоохранения, активные представители общественности [7].

Основными задачами центров в регионах с повышенными рисками социально-значимых заболеваний должно стать выявление основных причин наличия максимальных показателей социально-значимых классов заболеваний в сельских территориях регионов, разработка программ и стратегий снижения их показателей с учетом реальных факторов, негативно влияющих на состояние здоровья населения неоднородных сельских территорий, участие в их реализации. Для повышения эффективности реализации стратегий можно рекомендовать использование инструментов контроля в виде внешних проверок эффективности реализации стратегий, соблюдения финансовых требований, а также включения сведений о результатах реализации стратегий в перечень отчетных документов, связанных с деятельностью администрации сельских территорий регионов с высокими рисками наличия социально-значимых заболеваний.

Выводы.

Анализ теоретических положений позволяет сделать вывод о наличии теоретических предпосылок для разработки заявленной темы, при этом проблема разработки и применения в государственной региональной здравоохранительной политике механизмов и инструментов, обеспечивающих снижение показателей социально значимых заболеваний в сельских территориях, остается за рамками научных исследований. Методология исследования базируется на монографическом, логическом, статистическом методе.

Результатом исследования является теоретическое обоснование необходимости разработки и реализации в государственной региональной здравоохранительной политике организационно-экономических инструментов, обеспечивающих минимизацию рисков потери здоровья и эффективные меры по восстановлению утраченного здоровья населением сельских территорий федеральных округов РФ и выявление сельских территорий федеральных округов РФ с высокими показателями социально-значимых заболеваний. Предлагаются организационно-экономические инструменты, обеспечивающие снижение показателей социально-значимых заболеваний.

Список литературы:

1. Сельское здравоохранение в России в 2017 году (статистические материалы). Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf
2. Шишкин С.В., Понкратова О.В. и др. Рейтинг доступности и качества медицинской помощи в субъектах Российской Федерации. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. Изд. дом Высшей школы экономики. - 2019. - 96 с.
3. Рубцова В.Н. Теоретико-методологические основы разработки организационного механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2019. - №3.
4. Андрущенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2019. - №2. - С.34-38.
5. Семенов С.Н., Рубцова В.Н., Ильинская Е.В. Роль стратегического подхода в корректировке государственной региональной политики // Научное обозрение: теория и практика. – 2018. - №1. - С. 6-20.
6. О состоянии сельских территорий в РФ в 2017 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: науч. изд.–М.:ФГБНУ «Росинформагротех». -2019. - вып.5. – 332 с.
7. Rural Development Programme for England: LEADER funding/ - URL: <https://www.gov.uk/guidance/rural-development-programme-for-england-leader-funding>

СЕМЕЙНЫЕ ПОДВОРЬЯ: АРЕНА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕПРОДУКЦИОННЫЙ РЕСУРС СЕЛА¹

Великий П.П., д.филос.н., ИАГП РАН, Одоевский И.И., студент, НИУ ВШЭ

В статье рассмотрены актуальные вопросы жизнедеятельности сельского населения с позиции влияния уровня образования и профессиональных компетенции на результаты самостоятельной хозяйственной деятельности. Выявлены сходства и различия результатов жизнедеятельности группы успешных хозяев и владельцев рядовых подворий. Показано, что члены первой группы чаще рассматривают семейное хозяйство как основной источник ресурсов благополучия, их реже привлекает работа в сельскохозяйственных организациях, они сфокусированы на самостоятельном решении актуальных вопросов повседневности и меньше ориентируются на внешнюю помощь. В работе дана оценка роли семейных подворий с позиций решения социальных и экономических проблем развития аграрной сферы.

Ключевые слова: сельские территории, аграрная сфера, семейное хозяйство, активная жизнедеятельность, трудовая занятость, повседневность

FAMILY FARMSTEADS: AREA OF ECONOMIC ACTIVITY AND REPRODUCTION RESOURCE OF THE VILLAGE

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, AgP RAS,
Odoevskiy I.I., student, National Research University Higher School of Economics

The article considers the urgent issues of vital activity of the rural population from the perspective of the influence of the level of education and professional competence on the results of independent economic activity. Similarities and differences in the results of the vital activity of a group of successful owners and owners of ordinary farmsteads were revealed. It was shown that members of the first group more often consider family farming as the main source of well-being resources, they are less likely to be attracted to work in agricultural organizations, they are focused on independently solving urgent issues of everyday life, and are less oriented toward external assistance. The paper assesses the role of family farmsteads from the standpoint of solving social and economic problems of the development of the agricultural sector.

Key words: rural territories, agrarian sphere, family economy, active life abilities, labor employment, everyday life

Введение.

В настоящее время в формальных организациях агропродовольственного комплекса работает относительно небольшая часть трудоспособного сельского населения: в 2017 году общая численность занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составила 5075 тыс. человек [1, с.113]. Между тем накануне аграрной реформы в конце восьмидесятых годов 20 века только в сельском хозяйстве занятость была выше более чем в два раза. Сокращение числа рабочих мест в агросфере не было компенсировано созданием новых рабочих мест в других отраслях. В настоящее время с позиции соотношения между потребностью в занятости (прежде всего формальной) и предложением рабочих мест ситуация на селе может оцениваться как критическая.

Мелкие и средние фермерские хозяйства обычно обходятся своими силами, в ряде случаев привлекая наемных работников для выполнения сезонных работ. Корпоративно-долевые крупхозы и крупные фермерские хозяйства в целях сокращения затрат на оплату труда по окончании сезонных работ отправляют наемных работников в неоплачиваемые отпуска, либо уменьшают заработную плату. По оценкам сельских жителей, период оплачи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00206.

ваемой работы длится в течение года в среднем 6,9 месяцев [2, с.311]. В этих условиях большая часть домохозяйств значительную часть средств создают за счет подворья [3, с.152-160].

Как известно, семейное хозяйство (ЛПХ) в советском обществоведении рассматривалось как временно необходимый, но в перспективе исчезающий институт, что не было результатом теоретических «вымыслов». Главные функции ЛПХ в советское время заключались в производстве дополнительной сельскохозяйственной продукции – валовой и товарной, увеличении мобильных доходов, улучшении потребления, использовании ресурсов труда и средств производства, недоступных общественному хозяйству. Одним из условий его функционирования являлось использование ресурсов, предоставляемых общественным производством [4, с.11-15]. Сельская молодежь получала трудовое воспитание и формирование таких качеств, как инициативность, деловитость, предприимчивость, самостоятельность. Кроме того, ЛПХ выполняло и рекреационную роль.

Фундаментальное научно-прикладное исследование новосибирских социологов под руководством Т.И. Заславской показало обратную зависимость между удовлетворенностью оплатой труда в колхозах и размером ЛПХ [5, с. 145]. И дело не только в оплате труда: основные статусные характеристики сельского жителя реализовывались в пространстве включенности его в колхоз (совхоз), то есть в формальных рамках официальной сельскохозяйственной организации. Семейное хозяйство в данной ситуации действительно выполняло подсобную, второстепенную роль. Ситуация изменилась сразу же после начала аграрной реформы, когда сельский житель потерял связь с аграрным предприятием. Он, оставаясь работником у фермера или членом акционерного общества, попал в положение социальной отстраненности от участия в решении внутрихозяйственных вопросов, резкого ограничения возможностей вертикальной мобильности. Стандарты оплаты труда не позволяли выживать, не прибегая к другим видам деятельности, в основном семейному хозяйству.

Часть сельских семей (в пределах 10% от общего количества), оценив сложившиеся реалии, вообще перестали рассматривать все аграрные организации как ресурс выживания и стали трудиться только на семейном подворье и земле, которую удалось сохранить в качестве пая. Многие из них достигли хороших успехов, живут лучше, чем те, кто является работниками сельскохозяйственных организаций. Они отличаются тем, что взяли на себя решение проблем личного благополучия, сравнив отдачу от труда, который они могут реализовать в общественном и частном хозяйствовании. Кроме того, они находят пути осуществления жизненной стратегии, оставаясь жить в своих селах, что немаловажно в качестве примера жизнестойкости для сельского сообщества.

Цель исследования заключается в выявлении типичных смыслов и специфики жизнедеятельности сельских жителей, дифференцированных по критерию возможностей и результатов самостоятельной хозяйственной деятельности на семейных подворьях.

Методы исследования.

Статья основывается на данных социологического исследования, проведенного в Саратовской области и Республике Татарстан в 2018 году по теме: «Успешные хозяева сельских подворий: смыслы и результаты активной жизнедеятельности». Методом формализованного опроса по месту жительства респондентов было опрошено 300 человек. Выборка квотного-гнездовая репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и крупности сел.

Смыслы и результаты жизнедеятельности сельских семей выявлялись на основе анализа индикаторов, оцениваемых по таким направлениям как хозяйствование, экономика, политическая информированность, солидарность и культура. Реальный список материальных составляющих состоит из 43 видов возможных благ, необходимых для успешного хозяйствования. Место респондента в структуре, сгруппированной по критерию уровня производственного потенциала личного подсобного хозяйства, складывалось в зависимости от наличия благ; свидетельств о своей деятельности и намерений; наличии хозяйственных построек и технических средств; объема ресурсов, приобретаемых у местных крупхозов; видам и величине продаж выращенной продукции; перспектив расширения семейного хозяйства и др. По

сумме ответов, оцененных в баллах, каждый респондент занимал то или иное место. На основе сопоставления баллов все респонденты дифференцированы по уровням производственного потенциала подворья. Установление взаимосвязи между показателями, заданными в номинальной шкале, проведено на основе критериев Хи-квадрат.

Результаты исследования.

По результатам проведенного социологического исследования были выделены две группы семейных хозяйств, дифференцированных по критерию успешности. Наивысший уровень успешности характеризуется 5-3 баллами, полученными по результатам анкетного опроса, что позволяет отнести сельские семьи к группе I (высокий потенциал и потенциал выше среднего). Сельские семьи с уровнем успешности не выше среднего (2-1балла) были включены в группу II (потенциал ниже среднего и наименьший потенциал).

Таблица 1 - Распределение личных подсобных хозяйств с разным уровнем успешности по интегральной оценке их производственного потенциала (в %%)

Интегральный показатель производственного потенциала ЛПХ	Группа I	Группа II
Высший потенциал	15,3	1,8
Потенциал выше среднего	22,9	9,5
Потенциал ниже среднего	20,6	30,2
Наименьший потенциал	13,0	39,2

Особого внимания заслуживает оценка факторов, влияющих на успешность самостоятельного хозяйствования. Малочисленность хозяйственных организаций и мелкий масштаб их специализации, неизменно сохраняющиеся уже почти три десятилетия, нарушили иерархию социального положения и статусов, обусловленных профессиональным образованием, трудовой биографией, прежними заслугами. В первые годы аграрной реформы работодатель на селе зачастую не мог предложить бывшему главному инженеру колхоза не только такую же должность, но и принять его в качестве рядового механизатора. Именно в первые 5-6 лет многие специалисты с высшим и средним специальным образованием сделали выбор в пользу «единоличного» хозяйствования, что отвечало ценностям свободы, независимости и укорененности в сельской жизни. Хотя многие из них постарели, но эта тенденция сохранилась. В нашей выборке их доля составляет 34,4%. Данный посыл обязывал нас сравнить успешных хозяев сельских подворий между собой, исходя из уровня их образования. Среди владельцев личных подворий с производственным потенциалом выше среднего высшее профессиональное образование имеет свыше 45% участников опроса, среднее профессиональное – около 40%, среднее общее и ниже среднего – 15%. Для владельцев хозяйств с производственным потенциалом ниже среднего распределение респондентов по уровню образования составило 16%, 61% и 23% соответственно.

Уровень образования хозяев подворья влияет на оснащенность ЛПХ техникой и его товарность. Подворья респондентов с более высоким уровнем образования лучше оснащены сельскохозяйственной техникой и средствами малой механизации, имеют более высокий уровень товарности.

Однако есть общие проблемы, на которые указали респонденты: заготовка и приобретение фуража – 38,2%, сбыт продукции – 45,8%, низкие цены, диктуемые перекупщиками – 44,3%. Более 50% участников опроса отметили необходимость тяжелой физической работы при ведении подсобного хозяйства. Жизнедеятельность обеих выделенных групп – успешной и обычной – почти не отличается по содержанию повседневности, но по количественным показателям различия присутствуют (табл. 2).

Досуг ограничен просмотром телепередач, посещением и приемом у себя гостей односельчан, чтением, отдыхом «ничего не делая». Выезд в город в целях посещения театров, филармонии, на спортивные праздники, ресторан - крайне редки. Типичный ответ: «это было много лет тому назад» или «никогда».

Таблица 2 - Дифференциация жителей по актуальным вопросам повседневности
(в %% по каждой группе)

	Показатель	Группа I	Группа II
1.	Материальное положение за последние годы улучшилось	34,4	25,4
2.	Не устраивает зарплата на местном сельскохозяйственном предприятии	18,0	14,6
3.	Сыновья участвуют в работе на выезде	63,5	18,5
4.	Один-два члена семьи работают на местном сельскохозяйственном предприятии	27,5	48,5
5.	Не собираются менять работу	57,0	45,7
6.	Используют в своем ЛПХ современные препараты повышения урожайности	16,4	17,2
7.	Собираются расширить ЛПХ	47,3	32,4
8.	Откладывали сбережения	44,3	37,3
9.	Стоимость одной покупки предметов домашнего обихода за 2017 год	8,6 тыс.	3,4 тыс.
10.	Отказался бы от работы на местном предприятии при высокой зарплате (в 40-50 тыс. руб.)	44,3	24,2
11.	Использовали отпуск:		
	- полностью	24,6	32,5
	- частично	14,4	19,3
	- не полагался отпуск	33,1	22,3
12.	Используют Интернет:		
	- для повышения профессиональной компетенции	58,0	57,5
	- для приобретения вещей	25,2	29,6
13.	Члены общественных организаций или актив органов власти:		
	- на уровне муниципалитета	4,2	14,3
	- на уровне поселения	29,4	20,0
14.	Собираются повысить свое образование	8,5	12,0
15.	Общаются преимущественно:		
	- с родственниками	68,7	63,3
	- с соседями	71,8	74,0
	- с фермерами	26,0	13,6
16.	Больше всего рассчитывают на помощь:		
	- родственников	63,4	70,4
	- друзей	42,0	40,0
	- соседей	45,0	45,0
17.	Лично помогают каждому, кто находится в сложной ситуации	48,4	50,3
18.	Помогают только тем, «кто раньше помог мне»	14,8	10,3
19.	Имеются родственники или друзья в органах власти, от 1 до 4 человек	21,0	16,0
20.	Обрашались за последний год:		
	- в органы муниципалитета района	21,4	10,7
	- в полицию	6,1	4,7
	- к адвокатам, нотариусу	8,4	6,5

Как видно из таблицы 2, хотя обе группы хозяев сельских подворий отличаются между собой незначительно, но по некоторым показателям разница довольно заметная: доля членов семьи успешных хозяев сельских подворий, имеющих рабочее место в сельскохозяйственной организации, меньше на 21 %, зато улучшение материального положения выше на 9 %, планы расширить ЛПХ – на 15 %. Успешные используют чаще институт трудового отходничества, имеют больше друзей и родственников в органах власти – на 5 %. В тоже время успешные хозяева сельских подворий не проявляют большой активности в общественных делах, более избирательны в том, кому следует оказывать помощь в трудных для односельчан ситуациях. Их в настоящее время почти в два раза меньше привлекает работа в сельскохозяйственной организации. Они меньше ориентируются на помощь родственников, сфокусированы на индивидуальном решении актуальных вопросов повседневности.

Проблемы жизнеустройства сельского населения обширны. Мы коснулись лишь некоторых сторон дифференциации жителей по проявлению хозяйственной самостоятельности. Однако эта тема выходит на многие аспекты перспектив состояния аграрной подсистемы

общества, включая ее функциональное предназначение и воспроизводство кадров. Хотя в больших городах власть выделяет рыночные площадки для торговли продукцией сельского хозяйства в выходные дни, но это не отвечает потребности селян каждодневно вести торговлю скоропортящимися молочными продуктами, мясом птицы. И она складывается стихийно: у железнодорожных и автомобильных трасс, во дворах многоквартирных домов городских поселений, обычно без учета действующих санитарных норм, и требует регулирования. В этих условиях товарооборот ЛПХ зависит от степени активности надзорных органов: чем она выше, тем труднее сбывать выращенное.

В управлении сельскими территориями сегодня доминирует отраслевой подход, когда каждое ведомство, ответственное за какую-то область его жизни, занимается оптимизацией, исходя из интересов данной отрасли. Но интегральный позитивный результат ведет к сокращению сельского жизненного пространства. Хотя селу выделяются ассигнования, но использование их часто не рационально. Обстановка и не может измениться в лучшую сторону, потому что суть проблемы состоит, прежде всего, в состоянии социально-трудовой сферы села. Сегодня большой удачей считается, если из сельской семьи хотя бы один член ее имел рабочее место в своем или другом поселении, возвращаясь после рабочего дня домой. Можно ли надеяться, что при сохранении такой ситуации семья будет жить обеспеченно, благополучно? Ее удел оставаться в числе бедных и беднейших граждан страны: если люди выключены из общественно организованных хозяйственных укладов, то любые денежные вливания в сельские территории пойдут мимо них. Неудовлетворительное обустройство территории, отсутствие перспектив восходящей мобильности ведет к тому, что до 90% выпускников сельских школ видит свое будущее вне села и усиленно реализует свой выбор [6].

Заключение.

Государство сегодня принимает усилия для изменения ситуации в социальной сфере села, примером этого является государственная программа Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий"[7], которая будет выполняться в 2020-2025 гг. В ней намечена ряд мер по газификации, строительству жилья, дорог в регионах, что очень актуально. К сожалению, программа не охватила самое существенное для устойчивости сельских территорий - создание новых предприятий на селе. Таким образом, структура рабочих мест останется неизменной суженной, не способной предоставить наиболее востребованные блага и ценности (многообразие вариантов выбора трудовой занятости, обеспечения благополучия, восходящих лифтов). В этой связи хозяев семейных подворий, особенно успешных, которые накопили опыт самостоятельного участия в рыночной экономике, можно рассматривать в качестве хоть небольшого, но реального ресурса создания новых или реконструирования старых укладов в аграрном секторе.

Список литературы:

1. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./Росстат. - М., 2018 – 694 с.
2. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Гощенко. - М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016, – 368 с.
3. Ахмедиев А.Ш. Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития. Вопросы экономики. - 2015. - № 9. - С. 152- 160.
4. Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск. Наука. Сибирское отделение, 1991. – 238 с.
5. Методология и методика системного изучения советской деревни/ Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина - Новосибирск: Наука, 1980. – 344с.
6. Великий П.П., Мореханова М.Ю., Дакирова С.Т. Воспроизводство жизненного пространства российского села: настоящее и будущее. Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2016. - № 1. – URL: <http://www.iagran.ru> (дата обращения: 31.08. 2019 г.).
7. Государственная программа Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий". – URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения: 30.09.2019 г.).

УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Шабанов В.Л., д.соцол.н., ИАГП РАН

В статье проанализирована концепция абсолютной бедности и особенности ее применения Росстатом после 2013 г. Показаны преимущества концепции относительной бедности, связанные с простотой методической реализации и наглядностью. Установлены различия в интерпретации абсолютной и относительной бедности, обуславливающие их неодинаковую погодную динамику.

Сопоставление структуры доходов и социально-демографической структуры «малообеспеченного» и «высокообеспеченного» сельского населения выявило уязвимость перед бедностью семей большого размера, детей, работающего населения по сравнению с пенсионерами. Установлено, что предпринимательская активность играет менее значительную роль в преодолении сельской бедности, чем высокооплачиваемая занятость по найму, что является негативным социально-экономическим фактором.

Ключевые слова: абсолютная и относительная бедность, порог бедности, домохозяйство, потребительская корзина, прожиточный минимум, социально-демографическая структура бедности, малообеспеченное и высокообеспеченное сельское население

CONDITIONS FOR REDUCING MONETARY POVERTY OF RURAL POPULATION IN RUSSIA

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

The article analyzes the concept of absolute poverty and the specifics of its application by Rosstat after 2013. The advantages of the concept of relative poverty associated with the simplicity of methodological implementation and visibility are shown. Differences in the interpretation of absolute and relative poverty which determine their unequal weather dynamics are established.

A comparison of the income structure and the socio-demographic structure of the “low-income” and “high-income” rural populations revealed vulnerability to poverty of large families, children, working people compared to pensioners. It has been established that entrepreneurial activity plays a less significant role in overcoming rural poverty than highly paid employment, which is a negative socio-economic factor.

Keywords: absolute and relative poverty, poverty threshold, households, consumer basket, minimum subsistence level, socio-demographic structure of poverty, low-income and high-income rural population

Введение.

Бедность характеризуется отсутствием доступа к совокупности материальных и духовных благ, имеющихся в данном обществе в данное время. Отсутствие доступа, понимаемое через недостаток средств, необходимых для обеспечения потребностей в благах, может быть формализовано в рамках монетарных концепций абсолютной или относительной бедности. Абсолютная бедность определяется через сравнение уровня материальных ресурсов домохозяйства или индивида с некоторым пороговым уровнем, определяющим их физическое и социальное выживание [1]. Относительная бедность, как и абсолютная, представляет собой некоторый порог доходов, который, однако, определяется на основе других принципов. Чаще всего он устанавливается в размере определенной доли от средних доходов по стране [2].

Обе концепции представляют качественно различающиеся подходы к пониманию бедности. Абсолютная бедность характеризуется невозможностью приобретения совокупности благ, признанных необходимыми для поддержания минимально достаточных физических и социальных стандартов жизни. В определении относительной бедности отсутствуют какие-

либо прямые оценки невозможности покупки тех или иных благ, и она отражает положение индивида в объективно складывающемся распределении индивидов по шкале доходов.

Цель исследования – анализ особенностей применения концепции абсолютной бедности Росстатом после 2013 г., сопоставление показателей абсолютной и относительной бедности в подовой динамике, анализ социально-демографической структуры и структуры доходов сельского населения, отнесенного к категориям «относительно бедных» и «относительно богатых».

Методы исследования.

В ходе исследования применялся статистический анализ микроданных из «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2018 г.» [3].

Результаты исследования.

Принятая в Росстате концепция бедности – абсолютная, через сравнение с установленным порогом выживания – исходит из того, что бедность характеризуется отсутствием доступа к набору товаров и услуг, составляющих потребительскую корзину. Ее стоимость определяет величину прожиточного минимума (ПМ), которая постулируется в качестве черты или уровня бедности – порога, отделяющего бедные домохозяйства и индивиды от небедных.

Значительным недостатком абсолютной концепции бедности является необходимость учета большого числа показателей, характеризующих потребление, и периодического пересмотра состава и структуры потребительской корзины, исходя из меняющихся с течением времени медицинских и социально-экономических норм потребления. Относительная и субъективная концепции бедности имеют важное методическое преимущество перед абсолютной концепцией, состоящее в том, что их методики исчисления могут оставаться неизменными в течение длительного времени.

Методика, принятая Росстатом, оставалась неизменной в течение 2005-2012 гг. В 2013 г. была принята новая методика, отраженная в Федеральном Законе «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (№ 227-ФЗ от 3 декабря 2012 г.). В принятой методике был произведен переход от нормативного к нормативно-статистическому способу расчета ПМ: в составе потребительской корзины стали учитываться только продукты питания, чей удельный вес в стоимости потребительской корзины был установлен в размере 50%. Остальные 50% распределялись поровну между непродовольственными товарами и услугами. Если раньше потребительская корзина определялась через полный список продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, признанных минимально необходимыми, то с 2013 г. – фактически через соотношения между их стоимостями. Прожиточный минимум или уровень бедности в настоящее время характеризуется близкой к 50% долей продовольственных расходов в общих расходах на потребление (включающих обязательные платежи и сборы) и соотношением 2/1 между продовольственными расходами и расходами на непродовольственные товары или услуги. Завышенный удельный вес продовольственных расходов действительно характерен для малообеспеченных категорий населения: при любом уровне доходов первоочередные расходы всегда связаны с покупкой продуктов питания, которые составляют тем больший удельный вес в структуре общих расходов, чем беднее домохозяйства и индивиды. Порог в 50% был установлен Росстатом в 2013 г., исходя из фактически сложившегося положения в наименее обеспеченных группах в то время. Так, в 2013 г. в структуре расходов на конечное потребление у 20% домохозяйств с наименьшим уровнем благосостояния доля расходов на питание достигала 45-48%, доли расходов на непродовольственные товары и услуги различались несущественно и составляли 23-28%. То есть соотношения, принятые в новых правилах формирования потребительской корзины и исчисления ПМ, действительно соответствовали структуре расходов беднейших слоев населения [4 (2014), с.160].

Одновременно с изменением методики исчисления прожиточного минимума был скорректирован и состав потребительской корзины: при неизменном видовом составе продоволь-

ствия в потребительской корзине изменилась его весовая структура в пользу более дорогих продуктов (мяса, овощей, фруктов, молока), отражая произошедшие структурные изменения в потреблении. Без такой корректировки величина ПМ, рассчитанная по новой методике в 2013 г., оказалась бы на 20% ниже, чем величина ПМ за 2012 г. Изменение весовой структуры продовольствия в составе потребительской корзины привело к росту величины ПМ на 12%, что было более ожидаемо [2]. Таким образом, с 2013 г. стоимость потребительской корзины целиком определяется ценами на продукты питания. В период 2013-2015 гг. они в целом росли быстрее, чем цены на непродовольственные товары и услуги, что привело к скачку стоимости потребительской корзины и величины ПМ, который составлял 10,2-20,5% в 2013-2015 гг. (против 2,2% в 2012 г.). Темп роста номинальных зарплат и пенсий в этот период снизился, и обе противонаправленные тенденции определили общее снижение уровня жизни и рост бедности. В 2016-2017 гг., напротив, темп роста цен на продовольствие стал ниже, чем на непродовольственные товары и услуги, и величина ПМ увеличилась не так сильно – на 1,3-2,6%. Как результат – численность бедных и их удельный вес в общей численности населения, рассчитанные по абсолютной методике, несколько снизились – с 19,5 до 19,3 млн. чел. и с 13,3% до 13,2% [4 (2016), с. 137; 4 (2018), с.142].

С 2017 г. в качестве показателя доходов используется простой (невзвешенный) среднедушевой денежный доход (ранее – располагаемые ресурсы, включающие, кроме денежного, еще и натуральный доход – оцененные в стоимостной форме натуральные поступления в домохозяйство).

Основные мотивы всех методических изменений – уточнение и корректировка статистического наблюдения и стремление наилучшим образом отразить меняющуюся экономическую реальность. Изменения методики требуют сложного обоснования меняющегося состава потребительской корзины, но учет большого числа позиций в составе потребительской корзины ведет к высокой погрешности данных из-за необходимости их стоимостных оценок. Негативным следствием изменений, независимо оттого, насколько они были обоснованы и востребованы, является несопоставимость данных за разные годы.

Методика относительной бедности не требует учета изменений, происходящих в социально-экономической сфере, так как в ее основе лежит статистический анализ распределения одного показателя – среднедушевых доходов. Уровень относительной бедности определяется через долю населения, имеющего среднедушевые располагаемые денежные доходы ниже 0,5 медианного значения (0,5Me). В таблице 1 представлена динамика показателей абсолютной и относительной бедности, и индекса потребительских цен (инфляции).

Таблица 1 – Некоторые показатели абсолютной и относительной бедности и индекса потребительских цен

	Уровень относительной бедности, %	Уровень абсолютной бедности, %	Порог относительной бедности (0,5Me), руб. на чел.	Динамика порога относительной бедности (в текущем году), %	Динамика индекса потребительских цен (в текущем году), %
2014	16,97	11,2	8093	5,9	11,4
2015	16,78	13,3	8570	7,0	12,9
2016	16,68	13,3	9166	2,9	5,4
2017	16,28	13,2	9432	2,3	2,5
2018	15,63	12,9	9652	н.д.	4,3

Рассчитано по: [4 (2016), с. 137; 4 (2018), с.142; 5, с. 115, 482]

Рассматриваемый период 2014-2018 гг. характеризуется последовательным снижением уровня относительной бедности – с 17% до 15,6% от численности населения. Это достигалось тем, что величина порога относительной бедности в рассматриваемый период росла, но достаточно медленно, и доля населения с доходами ниже этого порога уменьшалась. С другой стороны, инфляционный рост поглощал рост номинальных доходов, то есть фактические доходы уменьшались, и уровень жизни снижался. Таким образом, снижение уровня жизни происходило одновременно со снижением уровня относительной бедности.

В 2014 и 2015 гг. потребительские цены на продовольственные товары росли быстрее, чем на непродовольственные товары и услуги [5, с.482], поэтому и стоимость потребительской корзины росла быстрее. Это обусловило соответствующие изменения в структуру расходов домохозяйств и стало дополнительным – усиливающим – фактором абсолютной бедности. Отметим, что ситуация, когда отдельные категории расходов (и доходов) начинают расти или снижаться быстрее, достаточно типична [6]. Итак, недостаточно быстрый по сравнению с инфляцией рост номинальных доходов, ведущий к снижению уровня жизни, и ускоренный рост цен на продовольствие явились причинами возрастающей динамики показателя абсолютной бедности в 2014-2016 гг.

Таким образом, показатели абсолютной и относительной бедности отражают разные социально-экономические процессы и по-разному интерпретируются: если абсолютная бедность связана с уровнем жизни, то относительная – с неравенством. Действительно, относительная бедность и неравенство определяются коэффициентами, жестко связанными с формой распределения, на процентилях которого они построены: коэффициент относительной бедности рассчитывается на основе 50-й прцентиля распределения по доходам – медианы, и он напрямую связан с коэффициентом неравенства – децильным коэффициентом, определяемым, как отношение численности 10% самых высокодоходных индивидов к численности 10% самых низкодоходных. Это означает, что изменение удельного веса группы, выделенной на основе медианы, происходит только по результатам неравномерного снижения или роста доходов в разных слоях населения, при изменении показателя неравенства [7, с. 61-63]. При этом динамика фактических доходов может быть разнонаправленной: она не оказывает прямого влияния на уровень относительной бедности. Это объясняет противоречивую динамику показателей абсолютной и относительной бедности в 2014-2018 гг.

В этой связи методика относительной бедности не может «просто» заменить принятую Росстатом абсолютную методику, так как обе концепции бедности отражают разные аспекты социально-экономической жизни и различаются трактовкой и интерпретацией. Замена абсолютной методики расчета бедности на относительную требует переосмысления и пересмотра установившегося традиционного понимания бедности, как невозможности обеспечить минимально достаточный уровень потребления, и перехода к пониманию бедности, как невозможности обеспечить установившиеся средние стандарты жизни.

Уровень относительной бедности, рассчитанный по порогу $0,5Me$, в 2018 г. составлял 15,6%. Вклад сельского населения в общую численность бедных достигал 52,2%, то есть значительно превышал долю сельского населения в общем населении страны (27,5%).

Раздельное применение данной методики расчета относительной бедности к распределениям городского и сельского населения подтверждает гораздо более значительное распространение относительной бедности (а не только абсолютной) в сельской местности по сравнению с городом – 16,0 против 13,6%. При этом само значение порога относительной бедности в селе было в 1,7 раза ниже, чем в городе (соответственно 6604 руб. и 11002 руб. на члена домохозяйства), что подчеркивает разрыв в уровне доходов и потребления между городом и селом. Таким образом, сельская бедность, независимо от методики ее исчисления, – абсолютная или относительная – оказывается более глубокой и охватывающей более широкие слои населения, чем городская.

Проведем далее сравнительный анализ бедности (малообеспеченности в терминологии Росстата) и высокообеспеченности в сельской местности. В рамках абсолютного подхода порог высокообеспеченности выбирается кратным нескольким величинам ПМ, что соответствует достаточно высокому уровню потребления [8; 9], но при этом он не имеет строгого статистического обоснования. При относительном подходе богатство формально связывается не с потреблением, а с достаточно высоким положением на шкале доходов. Оно может быть определено зеркально с порогом бедности – как $2 Me$. В этом случае удельные веса мало- и высокообеспеченных совпадут, и появится возможность сравнивать различные характеристики двух одинаковых по численности групп населения, находящихся на разных полюсах доход-

ности. Прежде всего сравним социально-демографические структуры обеих выделенных групп (табл. 2).

Таблица 2 – Структуры относительной малообеспеченности и относительной высокообеспеченности, % по отношению к общей численности сельского населения РФ, 2018 г.

Показатели	Малообеспеченные	Высокообеспеченные
Удельный вес	15,6	15,6
Распределение по возрасту:		
моложе трудоспособного	35,8	4,1
трудоспособного	54,5	61,5
старше трудоспособного	9,7	34,4
Распределение по экономической активности:		
работающие	31,5	87,5
неработающие	32,7	8,4
в т.ч. безработные	20,1	1,6
Распределение по размеру семьи:		
1 чел.	2,4	33,1
2 чел.	6,9	43,5
3 чел.	14,3	14,5
4 чел.	28,1	6,9
5 и св.	48,3	2,0
в среднем, чел. на семью	3,81	1,62

Рассчитано по: [3]

Очевидно, все выбранные признаки – возраст, экономическая активность и размер семьи – оказывают значимое влияние на статус обеспеченности сельского населения. В том числе наиболее сильное – признак размера семьи: коэффициент корреляции Пирсона для категориальных переменных равен 0,59 против 0,43 для признака экономической активности и 0,41 для признака возраста. То есть повышение риска бедности в сельской местности связано, прежде всего, с увеличением размера семьи, а не с потерей работы. Это означает, что наличие работы не обеспечивает среднего сельского занятого достаточно высоким заработком, дающим сколько-нибудь значительные гарантии от бедности. Работающее сельское население, традиционно занятое в сельском хозяйстве, имеющее ограниченные возможности развития малого предпринимательства и осваивающее низкооплачиваемые сектора городского рынка труда в режиме маятниковой трудовой миграции, имеет завышенный риск попадания в категорию бедных.

Анализируя другой полюс обеспеченности, отметим, что $\frac{3}{4}$ сельских жителей с высокими доходами живут в семьях из 1 или 2-х человек. Среди них непропорционально много пенсионеров по возрасту, а также, в меньшей степени, лиц трудоспособного возраста. Это подчеркивает важность наличия гарантированной пенсии для формирования благосостояния сельской семьи. В то же время очень высокий удельный вес работающих среди высокообеспеченного сельского населения (как, вероятно, и городского) говорит о том, что именно наличие высокооплачиваемой занятости (по найму или при ведении собственного бизнеса) имеет решающее значение для обеспечения высокого уровня благосостояния.

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что относительная высокодоходность сельских семей обеспечивается более высокими зарплатами, доходами от предпринимательской и дополнительной занятости, от самозанятости. Разница между среднедушевыми денежными доходами из этих источников у высоко- и малообеспеченных домохозяйств выше, чем разница между их совокупными среднедушевыми денежными доходами. При этом наибольшая разница – у предпринимательского дохода и дохода от самозанятости: соответственно 18,6 и 10,7 раза (против 7,8 раза у среднедушевого дохода). Однако именно высокая зарплата, а не предпринимательский доход, играет решающую роль в формировании высокого дохода. Ее удельный вес в среднедушевом доходе высокообеспеченных семей составляет 68,5% против 58,1% у малообеспеченных. Роль предпринимательской активности, как фор-

мальной, так и неформальной, также является важным фактором роста семейного благосостояния в сельской местности. В сумме предпринимательский доход и доход от самозанятости формируют 16-20% совокупного денежного дохода средней сельской высокообеспеченной семьи (против 8-9% малообеспеченной). Также среди высокообеспеченных в два раза больше семей, ведущих предпринимательскую деятельность (11,2% против 5,2%), и она замещает неофициальную самозанятость.

Таблица 3 – Структура дохода малообеспеченных и высокообеспеченных сельских домохозяйств РФ, 2018 г.

Показатели	Малообеспеченные	Высокообеспеченные
Среднедушевой денежный доход, руб. на члена домохозяйства в месяц	6990	54802
в т.ч.		
заработная плата на основной работе	4061	37517
пенсии	1426	7069
доход от самозанятости	426	4549
доход на дополнительной работе	119	1096
доход от предпринимательской деятельности	220	4087
доход от продаж продукции ЛПХ	168	384
Удельный вес сельских домохозяйств, имеющих:		
заработную плату на основной работе	73,4	89,3
пенсии	39,7	55,0
доход от самозанятости	18,8	13,6
доход на дополнительной работе	15,4	13,4
доход от предпринимательской деятельности	5,2	11,2
доход от продаж продукции ЛПХ	2,4	3,0

Рассчитано по: [3]

Заключение.

Относительный подход к исчислению бедности имеет преимущества перед абсолютным в простоте реализации и возможности более корректного сопоставления, в том числе в погодовой динамике. Наблюдаемое несовпадение динамики абсолютной и относительной бедности в России связано не только с различиями методик, но и является отражением различий в интерпретации.

Социально-демографические различия в структурах бедного и высокообеспеченного сельского населения свидетельствуют о том, что преодоление сельской бедности связано, прежде всего, с нахождением высокооплачиваемой работы (в селе или в городе) и, в меньшей степени, с предпринимательской активностью самих сельских семей. Неблагополучное положение в селе характеризуется повышенным риском попадания сельского населения в категорию бедных, более благополучным положением сельских пенсионеров по сравнению с работающим населением, уязвимым по отношению к бедности положением детей, резким повышением риска бедности при увеличении размера семьи.

Список литературы:

1. Пасовец Ю.М. Риски бедности в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2015. - №2 (38). – С. 143-160.
2. Фролова Е.Б., Великанова Т.Б. Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. - 2012. - №10-11. – С. 89-98.
3. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2017 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2018/index.html (Дата обращения 15.04.2019).
4. Российский статистический ежегодник: Стат. сборник / Росстат. – М., 2014-2018.
5. Россия в цифрах: Стат. сб. / Росстат. 2019.

6. Popescu A., Dinu T.A., Stoian E. Changes, trends and relationships between average income and consumption expenditures per household in Romania in the period 2007-2017 // Scientific Papers Series “Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development“ Volume 19, Issue 2/2019 . P. 363-374 (№46)

7. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-
страновые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин,
А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред. Н.Е. Тихоновой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

8. Бобков В.Н. Бюджет прожиточного минимума или прожиточный минимум? // Уро-
вень жизни населения регионов России. - 2007. - №7. – С.5-16.

9. Степанова Т.Н. Бюджет высокого достатка // Уровень жизни населения регионов
России. - 2007. - №7. – С.42-55.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В СТРАНАХ ЕС И США: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Маркина Е.Д., с.н.с., ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ,
Маркин Л.С., к.с.-х.н., ФГБНУ «Ростовский государственный
экономический университет»

Изложены подходы к разработке современных моделей управления сельскими территориями. Управление развитием сельских территорий предполагает создание соответствующей институциональной основы. Взвешенная государственная политика многих зарубежных стран соединяет всех участников продовольственного рынка – от фермеров до потребителей продовольствия. Институциональное развитие должно происходить системно на всех уровнях, имеющих отношение к развитию села, то есть и на уровне государственного управления – федерального и регионального, и – местного сельского самоуправления. Система институциональных моделей управления аграрного сектора США и стран ЕС в настоящее время достигла значительного прогресса и может стать образцом для применения в России.

Ключевые слова: сельские территории, система институциональных моделей, механизм комплексного развития, эффективный рост экономики территорий, взвешенная государственная политика.

STATE RURAL DEVELOPMENT POLICY IN THE EU COUNTRIES AND THE USA: EXPERIENCE FOR RUSSIA

Markina E.D., senior researcher, VNIIAEN – branch of FEDERAL state budgetary FRANZ,
Markin, L.S., candidate of agricultural sciences, Federal State Budgetary Scientific Institution
“Rostov State Economic University”

This article outlines approaches to the development of modern models of management of rural areas. Management of rural development involves the creation of an appropriate institutional framework. The weighted state policy of many foreign countries connects all participants of the food market - from farmers to food consumers. Institutional development should take place systematically at all levels related to rural development, that is, at the level of state administration - federal and regional, and - local rural self-government. The system of institutional models for managing the agricultural sector in the USA and the EU countries has now made significant progress and can become an effective model for use in Russia.

Keywords: rural territories, the system of institutional models, the mechanism of integrated development, effective growth of the economy of the territories, weighted state policy.

Введение.

Актуальность затронутой в исследовании темы обусловлена тем, что в настоящее время управление развитием сельских территорий в нашей стране, несмотря на принятые правительством программы по устойчивому развитию села, всё еще остается на довольно низком уровне. Так, число сельских жителей непосредственно занятых в сельском хозяйстве постоянно уменьшается. В 2011–2017 гг. падение составило 3,0% п.п. [1]. С нашей точки зрения, причиной подобного негативного явления является модель действующей институциональной среды, не обеспечивающей единства и целостности аспектов управления сельскими территориями.

Создание модели эффективного управления сельских территорий является одной из основных проблем развития любой страны. Так, принятые институциональные модели управления развитием села являются составной частью Единой сельскохозяйственной политики ЕС (Common Agricultural Policy – CAP) и способствуют решению проблем повышения эффективности управления сельской территорией, обеспечения финансовыми ресурсами и ме-

ханизмами для достижения саморазвития территории, а также самоорганизации сельского сообщества. Довольно большую роль при этом играет европейский Фонд развития сельских территорий (EAFRD – European Agricultural Fund for Rural Development), а основой институционального управления сельскими территориями являются программы, утверждаемые Европейской Комиссией на семилетний период [2,3].

Под институциональным подходом в управлении принято понимать нормативно-правовую базу институционального обеспечения принятия решений в сфере государственного управления развитием сельских территорий.

Целью работы является исследование современных институциональных моделей управления сельскими территориями в России и зарубежных странах.

Методика исследований. В ходе проведенного исследования использовался диалектический метод как общий подход к научному познанию проблем управления сельскими территориями

Результаты исследований.

Опыт США и стран ЕС показывает, что в современных территориальных моделях роль институтов приобретает совершенно иные параметры, и, по нашему мнению, наиболее позитивным явлением последних лет является признание роли местных институтов (частных и государственных).

Современные территориальные модели, применяемые в некоторых западных странах, существенно меняют функции региональной власти, поскольку привлекают к процессу управления административные уровни более низкого порядка, к которым можно отнести отдельные коммуны, провинции и др. [4].

Территориальная модель признает, что помимо огромной важности местных институтов для успеха политики развития сельскими территориями необходима эффективная координация при принятии управленческих решений на всех уровнях власти (федеральной, региональной и местной). В данном контексте особое значение придается использованию внутренних ресурсов сельской территории, применению новых форм сокращения издержек и др.

Роль территории при этом усиливается следующими подходами [5]:

- неоднородностью сельских районов в региональном контексте;
- многомерным определением понятия «сельские территории»;
- снижением разрыва между слабыми сельскими территориями и городскими районам.

Для исследования организации различных уровней управления в странах ЕС необходимо рассмотреть различные виды деятельности по планированию и управлению политикой сельского развития, а также методы распределения управленческих функций (рис. 1) [4].

Институциональная модель сельской территории независимо от большого различия на европейском уровне на местном уровне представляет собой совокупность социальных отношений, институциональных соединений и уровней управления, которые представляют собой единое географическое и социальное пространство, «являющееся переменной геометрической величиной» [6].

В связи с этим такое понятие сельской территории, как «территориальная целостность», которое касалось только продуктовой однородности (к примеру, зоны плодоводства, зоны овцеводства и т.п.) или природного ландшафта (к примеру, горные территории, степные районы и др.), в настоящее время значительно расширилось [7]. Цели и задачи стратегического развития сельской территорией всё в большей мере определяются вне административных границ или вне «классической» целостной территории как внутри страны, так и внутри одного региона [8].

В странах ЕС форма многоуровневого управления со временем всё более развивались и обогащалась, пока не стала одним из ключевых моментов функционирования политики развития сельских территорий. Осуществление ЕС политики развития сельских территорий на период 2014–2020 гг. регулируется рядом законодательных актов (рис. 2).

Рисунок 1 – Роль институциональных структур в территориальной модели

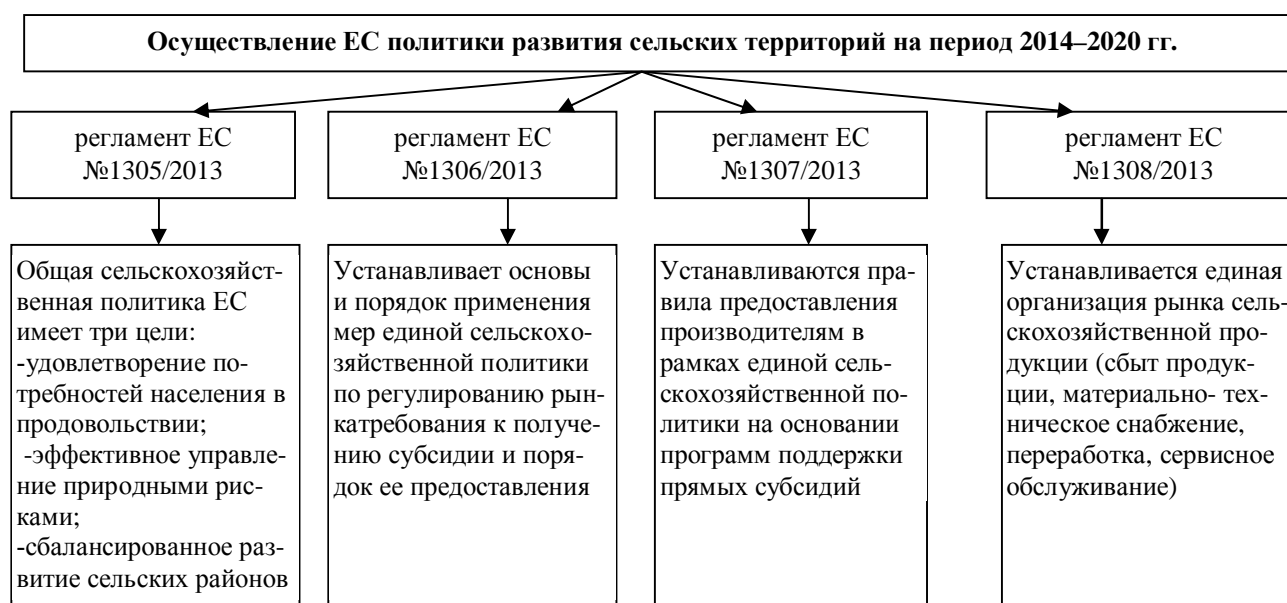

Рисунок 2 – Политика ЕС развития сельских территорий на период 2014–2020 гг.

Опыт европейских стран свидетельствует о том, что устойчивое состояние производства и социальных процессов на селе во многом обусловлено масштабами и организационно-хозяйственными факторами кооперативного движения, преимущественно в вертикальных формах.

На рисунке 3 показаны размеры государственных ассигнований членов ЕС после межотраслевых трансфертов (согласно ст. 14 Регламента ЕС № 1307/2013) и уменьшения платежей (в соответствии со ст. 11 Регламента ЕС №1307/2013). На прежнем уровне размер трансфертов оставили такие страны, как Бельгия, Дания, Литва, и др. При этом в расчете на 1 жителя наименьшие затраты на развитие сельских территорий составили 6,55 евро (Нидерланды), а наибольшие – 980,3 евро в год (Эстония). В среднем на 1 жителя ЕС выделяется на развитие сельских территорий 30,2 евро в год за счет средств Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских территорий.

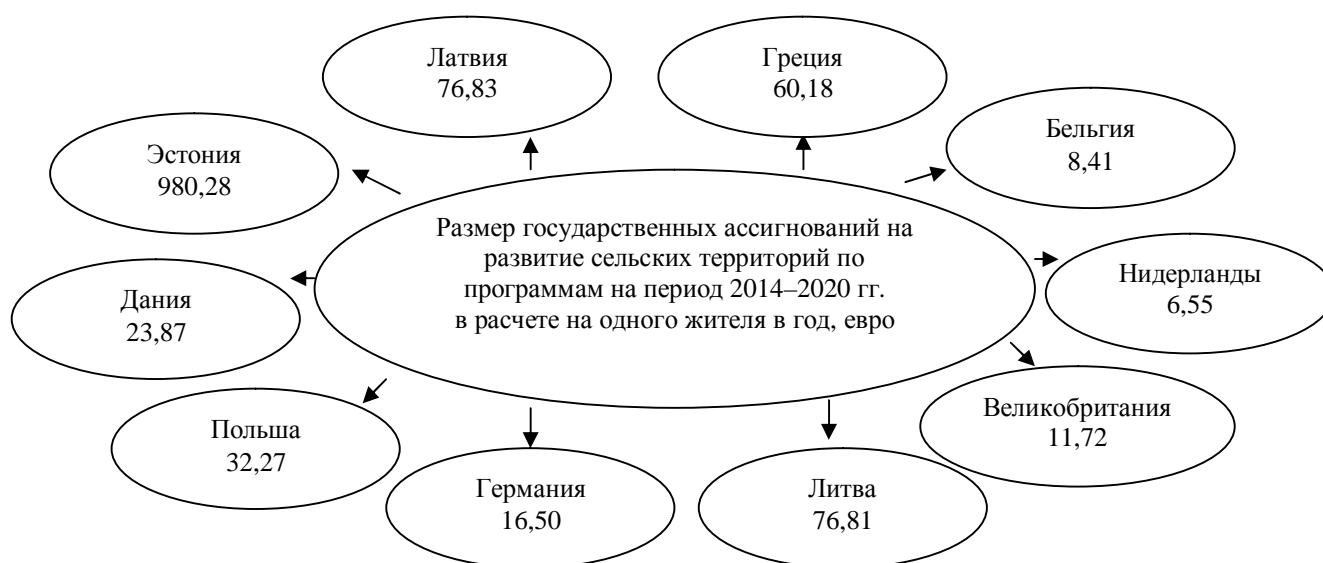

Рисунок 3 – Размеры государственных ассигнований на развитие сельских территорий членов ЕС, евро в год

Государства – члены ЕС разработали свои программы развития сельских районов (RDP) с учетом как минимум четырех из шести приоритетов и установили количественные целевые показатели по основным направлениям с учетом детальной оценки потребностей территории, для которой разработаны RDP. При этом каждое государство обозначило, какие меры из списка, предусмотренных регламентом EAFRD, они будут использовать для достижения своей цели и сколько средств будет выделено для каждого направления. В RDP также представлена стратегия и тщательный анализ сильных, слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ) сельской территории.

В странах ЕС формы многоуровневого управления со временем всё более развивались, пока не стали одним из ключевых моментов функционирования политики развития сельских территорий. Распространение форм планирования на местном уровне, которые поддерживаются и Европейским союзом, постепенно привело к возникновению форм партнерства (местные партнерства, формы совместных действий разного рода, проектные комитеты и пр.), объединяющих операторов, которые смогут принять участие при разработке и реализации стратегий сельского развития.

Для создания и сохранения экономической активности на местном уровне было признано необходимым развитие «сетей» (или сетевых связей между предприятиями, различными экономическими и социальными агентами и пр.), то есть систем экономических, социальных и институциональных отношений, участвующими в определении сетевых связей (фор-

мальных и неформальных) между операторами разного типа, которые даже могут выходить и за пределы местных территорий.

На рисунке 4 представлено многоуровневое управление политикой развития сельских территорий в США.

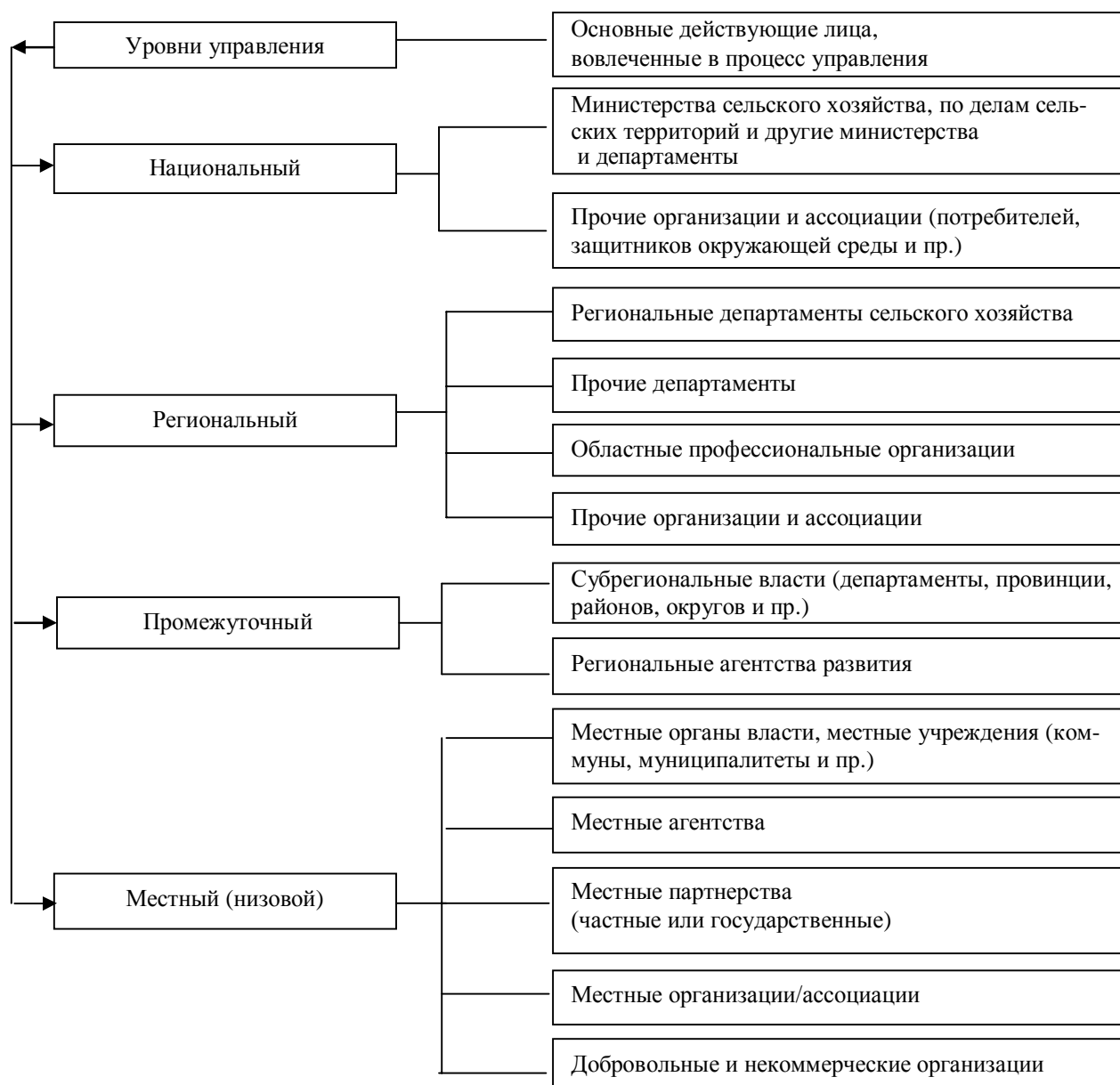

Рисунок 4 – Многоуровневое управление политикой развития сельских территорий в США [4]

Как видно на рисунке 4, каждый уровень имеет не только свои специфические субъекты управления, видные не только с институциональной точки зрения, но и управленческие функции различных профессиональных организаций, ассоциаций, экономических и социальных представительств.

В качестве приоритетного выделяется тот уровень, который наиболее важен в определенной институциональной структуре в каждой стране. Так, в странах, где присутствует централизованная система управления в качестве приоритетного выделяется национальный уровень, а в странах с децентрализованным управлением – промежуточный и региональный уровни.

В нашей стране многоуровневое управление развитием сельских территорий не получило должного развития. С нашей точки зрения, на текущий момент не эффективны ни вертикальная, ни, в особенности, горизонтальная координации (между министерствами и департаментами, сельским населением и территориальными администрациями различного уровня управления и самоуправления).

В России существуют три основные программы развития сельских территорий (рис. 5) [9, 10, 11].

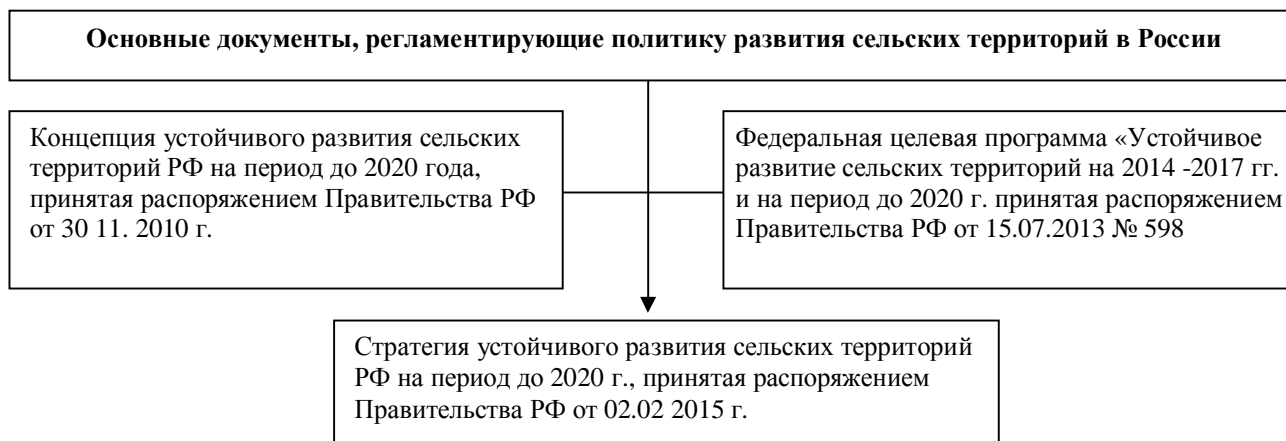

Рисунок 5 – Основные программы развития сельских территорий

Однако, несмотря на принятые программы, по данным официальной статистики на сельских территориях продолжают проявляться негативные тенденции. Так, обеспеченность селян детскими садами постоянно снижается (с 19,3 тыс. в 2011 г. до 17 тыс. в 2016 г.). В сфере обеспечения медицинскими услугами продолжается уменьшение числа врачей и другого медицинского персонала при одновременном сокращении самих больниц, поликлиник и фельдшерских акушерских пунктов. Так, число ФАП сократилось на 3%, а станций скорой помощи на 14% (с 1,1 до 0,95 тыс. ед.).

Негативная ситуация проявляется и в оказании услуг культурно-массового характера. Число библиотек сократилось на 12%, а численность клубов на 8,5 %. Таким образом, можно отметить, что основные программы развития сельских территорий в РФ работают не всегда эффективно и не везде достигают поставленных перед собой целей.

Заключение.

Сравнение институциональных моделей управления сельскими территориями в России и зарубежными странами позволяет сделать следующие выводы:

- на период 2014–2020 гг. Европейской комиссией утверждено 118 различных программ развития сельских регионов (Rural Development Programmes – RDP) из 28 государств-членов. Эти программы разработаны, исходя из потребностей территорий, и в их рамках государства-члены устанавливают количественные целевые индикаторы для достижения поставленных целей. При этом объем финансирования может быть увеличен при условии, что не менее 30% средств программы будет направлено на мероприятия по защите окружающей среды [12];

- в США институциональные модели управления сельскими территориями разрабатываются на основе целого перечня Федеральных программ. В Российской Федерации, по нашему мнению, необходимо расширить число программных мероприятий, финансируемых из федерального бюджета, чтобы регионы могли выбирать их с учетом особенностей и проблем сельских территорий каждого конкретного субъекта федерации;

- механизмы финансирования сельскохозяйственного производства в США осуществляются на основе многочисленных программ (как в растениеводстве, так и молочном скотоводстве). В России политика цен и финансов осуществляется по субсидированию производ-

ства отдельных видов сельхозпродукции, которое отдано на решение регионов, при этом механизмы финансирования не всегда прозрачны;

- в США большое значение придается инвестициям и кредитной политике, которые хорошо сформированы и апробированы, а в нашей стране механизмы регулирования кредитов находятся в стадии развития;

- использование примера отдельных стран Евросоюза по планированию сельского развития при создании программ развития сельских территорий в России позволит соединить административный подход (сверху-вниз) с субсидиарным (снизу-верх) и даст возможность реализовать принцип «встречных потоков». Таким образом, существующие и разрабатываемые программы развития сельских территорий смогут объединиться в единую систему, позволяющую избежать дублирования целевых мероприятий и сэкономить выделяемые на их реализацию финансы;

- важнейшим направлением институциональных моделей управления сельскими территориями должно стать содействие масштабному распространению инноваций во всех сферах аграрного бизнеса и сельской экономики.

Список литературы:

1. О состоянии сельских территорий в РФ в 2016 г. Ежегодный доклад по результатам мониторинга / ФГБНУ «Росинформагротех». – М., 2018. – Вып. 4. – С.18.
2. Augiere-Granier M.-L. EU rural development policy / M.-L. Augiere-Granier. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568340/EPRS_BRI\(2015\)568340_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568340/EPRS_BRI(2015)568340_EN.pdf)
3. Agriculture and rural development. – URL: https://ec.europa.eu/agriculture/rural-development-2014-2020_en
4. Овчинников О.Г. Опыт США и текущие задачи развития сельскохозяйственного сектора в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 2. – С. 48–50.
5. Методика прогнозирования уровня устойчивого развития сельских территорий (на основе нормативно-ресурсного метода) / В.В. Кузнецов [и др.]; ГНУ ВНИИ экономики и нормативов. – Ростов н/Д, 2008. – 55 с 3.; Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х до наших дней // Business Media of the Sole 24 Ore, 2010. – 272 с.
7. Маркин Л.С. Актуальные вопросы осуществления взаимодействия государства и агробизнеса на сельских территориях // Интеграционные проблемы в АПК российского Поволжья: материалы междунар. науч.-практ. конф., 8–9 июня 2017 г. / ФГБНУ ПНИИЭО АПК. – Саратов, 2017. – С. 117–120.
8. Маркина Е.Д. Основы моделирования социально-экономического развития сельских территорий на основе когнитивного подхода (на примере Ростовской области) // Никоновские чтения. – 2018. – № 22. – С. 256–258.
9. Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года, принятая распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 г. // СПС «Гарант».
10. Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.: Федеральная целевая программа, принятая распоряжением Правительства РФ от 15.07.2013 № 598 // СПС «Гарант».
11. Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г., принятая распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 г. // СПС «Гарант».
12. Папцов А., Медведева Н. Программы развития сельских территорий и их финансирование в Европейском Союзе // АПК: Экономика, управление. – 2019. – № 6. – С. 80–82.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАГП РАН

Раскрывается сущность государственно-частного партнерства как одного из приоритетных инструментов развития сельских муниципальных образований. Показана роль органов государственного управления и муниципального самоуправления в развитии государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях. Рассмотрены ключевые факторы, препятствующие более эффективному развитию государственно-частного партнерства. Выводы дополнены предложениями по совершенствованию его развития на уровне сельских территорий в условиях современных социально-экономических вызовов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, потенциал местного самоуправления, конкурентоспособность сельских территорий, муниципально-частное партнерство, социально-экономические механизмы, социально-экономические инструменты.

STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN RURAL MUNICIPALITIES

Ilyinskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article reveals the essence of public-private partnerships as one of the priority tools for the development of rural municipalities. The role of government bodies and municipal self-government in the development of public-private partnerships in rural municipalities is shown. The key factors that hinder the more effective development of public-private partnerships are considered. The conclusions are supplemented by proposals for improving the development of public-private partnerships at the level of rural territories in the context of modern socio-economic challenges.

Key words: public-private partnership, the potential of local self-government, the competitiveness of rural territories, municipal-private partnership, socio-economic mechanisms, socio-economic instruments.

Введение.

Территория сельского муниципального образования является особым социально-экономическим пространством, где происходит взаимодействие различных субъектов: общестственности, бизнеса, органов государственной власти и муниципального самоуправления. Все они имеют определенные цели (общие и частные) в этом взаимодействии. Применение государственно-частного партнерства во многом позволяет через реализацию частных целей достигать и общих. Развитие территории сельского муниципального образования, повышение ее привлекательности и конкурентоспособности, улучшение инфраструктуры, рост уровня жизни населения – всё это объединяется в общую цель муниципалитета. Особенно это касается сельских муниципалитетов, имеющих, в большинстве случаев, дефицит бюджетных средств. Поэтому такой инструмент как государственно-частное партнерство, несомненно, будет способствовать более эффективному развитию сельских территорий. Благодаря партнерству есть возможность привлечь на территорию муниципалитета финансы путем реализации различных проектов и программ, получать экономические и социальные эффекты (создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и т.д.). Так же на селе крайне важна реализация социально значимых программ.

На макроуровне органы государственной власти уже ряд лет ориентированы на реализацию (в том числе с помощью государственно-частного партнерства) инновационных проектов в различных социально-экономических сферах. Этот тренд сейчас перемещается и на мезоуровень – уровень сельских муниципалитетов. Без стимулирования процессов иннова-

ционного развития территорий и предприятий невозможно идти в ногу со временем, справляться с проявлениями экономического кризиса и современными вызовами. Но какими бы прогрессивными не были стремления органов управления и бизнеса при ведении проектов, они сталкиваются с рядом серьезных проблем. Одна из них – далеко не блестящее состояние инфраструктуры сельских муниципальных образований. Эта проблема не нова, но она решается медленными темпами.

По мнению многих российских ученых и специалистов-практиков, значимость инфраструктуры для развития территории обуславливается их возможностью взаимодействовать с различными рынками на других территориях. Низкий уровень развития объектов инфраструктуры замедляет темпы экономического роста, снижает конкурентоспособность субъектов хозяйствования, деловую активность и инвестиционную привлекательность регионов. Экономика значительной части российских регионов существенно отстает по уровню развития инфраструктуры от потребностей современного общества, использующего передовые цифровые и информационные технологии [1]. На мезоуровне инфраструктура обслуживает определенную территорию: республику, край, область, город, поселок, село. Это системы обеспечения электроэнергией, водой, теплом, связью и т.д. В целом инфраструктура, являясь фундаментом национальной экономики, в настоящее время становится индикатором уровня общественного развития [2].

В Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. №208 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» сделан акцент на использование механизма государственно-частного партнерства, которое позволяет объединить потенциалы и интересы органов государственной власти, местного самоуправления и частного бизнеса [3].

Несмотря на многочисленные работы по указанной тематике, в рассматриваемом направлении исследования много пробелов и неточностей. Относится это и к проблемам развития государственно-частного партнерства в сельской местности, что и обуславливает актуальность темы исследования. На текущий момент назрела необходимость систематизации категориального аппарата государственно-частного партнерства именно для сельских территорий. Практическая значимость исследования заключается в получении таких эффектов и результатов, как возможность более эффективной корректировки муниципальной политики развития государственно-частного партнерства, доработка программ развития муниципально-частного партнерства и социально-экономического развития сельских муниципалитетов в целом.

Некоторые аспекты исследования развития муниципально-частного партнерства на уровне сельских территорий нашли отражение в ряде предыдущих публикаций автора [4, 5].

Целью настоящей работы является анализ и систематизация основных тенденций и перспектив развития государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях.

Методика исследований.

При написании статьи использовались следующие методические подходы к определению текущего состояния и перспектив развития государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях:

- отбор и систематизация данных, характеризующих проблематику развития государственно-частного партнерства на селе (нормативно-правовая база, государственные и муниципальные программы, результаты рейтингов по государственно-частному партнерству и др.);
- выявление факторов, влияющих на дальнейшее развитие государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях;
- на основе проанализированных данных создание комплекса предложений для стабильного и эффективного развития государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях.

Научная новизна предлагаемого материала заключается в проведении адаптации различных научных подходов к предмету исследования – государственно-частному партнерству

в сельских муниципальных образованиях, а также выявление факторов, содействующих и препятствующих развитию государственно-частного партнерства на селе.

Результаты исследований.

Государственно-частное партнерство представляет собой институциональный и организационный альянс государства и частного бизнеса с целью реализации социально-экономически значимых проектов в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных сфер экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны и отдельных территорий. Муниципально-частное партнерство реализуется при условии привлечения муниципальным образованием средств частных партнеров для выполнения работ по строительству либо эксплуатации, реконструкции объектов социальной значимости, а также предоставление публичных услуг с их использованием. Таким образом, его можно охарактеризовать как разновидность государственно-частного партнерства по вопросам местного уровня и значения [6]. Межсекторальное партнерство – это конструктивное взаимодействие государства, бизнеса, некоммерческого сектора, выгодное населению территории и каждой из сторон и обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов при решении социальных проблем.

Государственно-частное партнерство прежде всего – это система взаимоотношений государственной власти или местного самоуправления с хозяйствующими субъектами на основе заключения контрактов, концессий на определенные сроки (от 10 до 20 и более лет), подразумевающая присутствие конкурентной среды. Сферой ее функционирования является развитие инновационного потенциала региона, в том числе планирование, разработка, финансирование, техническое перевооружение, строительство, реконструкция и эксплуатация инфраструктурных объектов и объектов социальной сферы, находящихся в областной или муниципальной собственности.

Варианты реализации государственно-частного партнерства на уровне сельских территорий имеют много общего с подобной деятельностью городских муниципалитетов.

Первый вариант – подписание органами власти (органами местного самоуправления) и бизнес-структурами (сельскохозяйственными товаропроизводителями) административного договора, который предусматривает проектирование, финансирование, строительство, реконструкцию и другие виды деятельности в отношении различных объектов. Такой договор представляет собой государственный контракт, выполняемый за счет государственного финансирования бизнес-структурой (подрядчиком), которой органы власти могут предоставить различные льготы, но право собственности и право распоряжения средствами остается за государственными органами.

Второй вариант реализации государственно-частного партнерства – передача в аренду государственной или муниципальной собственности на определенный период, по окончании которого объект может быть выкуплен арендатором по лизинговому договору или в рамках иного соглашения.

Третий вариант – создание совместных предприятий на основе долевого участия бизнеса и органов власти (муниципальных органов управления).

Четвертый вариант является наиболее распространенным в российской практике – это концессионное соглашение. В данном случае органы власти делегируют бизнес-структуре определенные функции, оставаясь собственником имущества. Бизнес-структура после внесения установленной платы получает право на пользование произведенной продукцией и обеспечивает ее продажи [7, с. 1100].

Законодательной основой деятельности государственно-частного партнерства являются федеральные законы «О концессионных соглашениях» [8] и «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9].

В сельских муниципальных образованиях в соответствии с данной законодательной базой между сторонами государственно-частного партнерства могут заключаться соглашения об осуществлении различных видов деятельности, что очень важно для развития сельских

территорий, развития аграрного сектора, сельской инфраструктуры и уровня жизни сельского населения в целом.

Приоритетной задачей органов государственной власти и местного самоуправления при государственно-частном партнерстве является определение наиболее проблемных и значимых сфер с целью дальнейшей разработки программы реализации проектов. Осуществление различных вариантов концессионных соглашений может происходить по нескольким вариантам. При первом варианте, например, ведется строительство инфраструктурных объектов, где бизнес-структура выступает концессионером. По окончании строительства бизнес-структура получает право эксплуатировать объект в течение срока его окупаемости, после чего он передается органам власти. При втором варианте построенный объект по завершении срока соглашения остается в собственности бизнес-структуры. Третий вариант дает концессионеру возможность быть еще и проектировщиком объекта.

Преимущества и недостатки концессионной формы реализации государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях схематично изложены на рисунке.

Рисунок – Преимущества и недостатки концессионной формы реализации государственно-частного партнерства в сельских муниципальных образованиях

Важным шагом с научной и практической точки зрения является создание в 2009 г. Некоммерческого партнерства «Центр развития государственно-частного партнерства». Важнейшей функцией центра является обеспечение консолидации участников рынка инфраструктурных проектов для развития механизмов государственно-частного партнерства. Центр ведет системную деятельность по созданию условий для развития и модернизации инфраструктуры на территории страны на основе широкого использования механизма государственно-частного партнерства. Однако за прошедшие 10 лет в сельской местности проектов реализовано немного, в их росте заинтересован аграрный сектор, который нуждается в инфраструктурном развитии территории, в повышении инвестиционной привлекательности и т.д.

В Российской Федерации создана Платформа поддержки инфраструктурных проектов «Росинфра», которая включает в себя более 2500 проектов. По данным «Росинфра» доля органов власти, участвующих в реализации проектов государственно-частного партнерства, имеет следующие пропорции: 85% – муниципальные проекты, 12% – региональные, 3% – федеральные проекты. Таким образом, муниципальные проекты составляют значительное большинство, но данных о том, какое количество из них реализуется в сельских муниципалитетах, к сожалению не имеется. В экономику страны в рамках проектов государственно-частного партнерства инвестировано уже более 130 млрд руб., в том числе более 35 млрд по проектам регионального и местного значения [10].

Развитие государственно-частного партнерства более активно идет в городских муниципалитетах. И, тем не менее, на уровне сельских муниципальных образований государственно-частное партнерство имеет хорошие перспективы развития, прежде всего на территориях, где есть крупные представители аграрных бизнес-структур и квалифицированные руководители муниципальных образований.

Среди факторов, препятствующих эффективному развитию государственно-частного партнерства, можно выделить следующие:

- низкий уровень проектной документации и технико-экономического обоснования для большинства предлагаемых инвестиционных объектов;
- сложность процесса привлечения инвестиций на депрессивные территории, особенно в условиях практически тотального дефицита местных бюджетов сельских территорий;
- нежелание большинства представителей сельской муниципальной власти участвовать в проектах государственно-частного партнерства (в силу различных причин, например, недостаток квалификации, пассивность и т.д.);
- постоянное увеличение сроков согласовательных и разрешительных процедур из-за отсутствия доверительных отношений между органами власти и бизнес-структурами при их взаимодействии;
- недостаточная информированность потенциальных инвесторов о проектах, планируемых к реализации, что связано с недостаточной координацией с органами муниципального управления.

Заключение.

По результатам проведенного анализа проблематики развития государственно-частного партнерства на селе определены следующие направления его совершенствования:

- минимизация всех вышеперечисленных факторов, сдерживающих развитие государственно-частного партнерства на селе;
- создание благоприятных условий для эффективной деятельности бизнес-структур в рамках государственно-частного партнерства в том числе посредством закрепления за соответствующими институтами системы подготовки кадров, имеющих необходимые компетенции;
- необходимость обеспечения государственных гарантий страхования рисков и возврата инвестиций с прибылью при заключении соглашений;
- оказание помощи в проектировании и разработке технико-экономических обоснований проектов;
- создание стимулов и условий для повышения квалификации муниципальных и государственных служащих «на местах». Расширение практики осуществления консультационной поддержки реализации проектов на муниципальном уровне (особенно в сфере сельскохозяйственной деятельности);
- повышение инвестиционной привлекательности муниципального образования и увеличение межмуниципальных взаимодействий;
- создание и поддержка различных некоммерческих организаций, ассоциаций, союзов.

Список литературы:

1. Переверзева В.В., Юрьева Т.В. Инфраструктурные проекты как фактор оптимизации инвестиционных процессов регионов // Региональная экономика и управление. – 2018. – № 1(53).
2. Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктура как объект экономических исследований // Журнал экономической теории. – 2016. – № 1. – С. 61–76.
3. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017г. №208. – URL: <http://special.kremlin.ru/acts/bank/41921>
4. Ильинская Е.В. Муниципально-частное партнерство как механизм социальной ответственности и поддержки отраслей на уровне сельских территорий // Экономика, управление и финансы: современные подходы и конкурентное развитие: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2018. – С. 124–128.
5. Ильинская Е.В. Социально-экономические проблемы развития местного самоуправления на сельских территориях // Экономика и менеджмент систем управления. – 2018. – № 4.1 (30). – С. 118–125.
6. Шмелева Е. Партнерство без правил // Российская газета. – 2011. – № 793.
7. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития / И.И. Савченко [и др.] // Известия Дальневосточного Федерального университета. Экономика и управление. – 2015.– № 1. – С. 99–112.
8. О концессионных соглашениях: Федер. закон от 21 июля 2005г. №115 ФЗ (в ред. от 29 июля 2017г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 ноября 2017г.) // СПС «Гарант».
9. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты российской Федерации: Федер. закон от 13 июля 2015г. №224-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017г.) // СПС «Гарант».
10. Платформа поддержки инфраструктурных проектов «Росинфра». – URL: <http://www.pppi.ru/node/29428> (дата обращения 28.09.2019).